

реальность фантастики

№ 10 2009

Повесть:

Павел Амнуэль

«И СВЕРКНУЛА МОЛНИЯ»

Рассказы:

Генри Лайон Олди

«СЕМЬ СМЕРТНЫХ»

Мария Парфенова

«СИСТЕМА СФИНСК»

Татьяна Плихневич

«РИМЛЯНЕ В МЕКСИКЕ»

Дарья Булатникова

«ПОВЕЛИТЕЛЬ КЛЕЩЕЙ»

Синопсис:

Геннадий Прашкевич

Алексей Гребенников

«ПОЛЯРНАЯ САГА»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 10 (74) 2009

Проза

1. Павел Амнуэль	/ И СВЕРКНУЛА МОЛНИЯ...	4
2. Генри Лайон Олди	/ СЕМЬ СМЕРТНЫХ	39
3. Мария Парфёнова	/ СИСТЕМА СФИНКС	53
4. Борис Штейман	/ ВРЕМЯ ОХОТЫ	63
5. Владимир Семенякин	/ НЕ ВЕРЮ!	72
6. Татьяна Плихневич	/ РИМЛЯНЕ В МЕКСИКЕ	81
7. Елена Клещенко	/ ЗАПРЕЩЁННАЯ КНИГА	91
8. Марина Ясинская	/ ЛАБИРИНТ ВЛАСОВА-САНЧЕСА	99
9. Андрей Новосёлов	/ РЫБКА БЕЗ ТРУДА	106
10. Дарья Булатникова	/ ПОВЕЛИТЕЛЬ КЛЕЩЕЙ	113

Детская страничка

11. Ольга Чибис	/ ТРИ ИВАНА И ЧЁРНЫЙ ГЛАЗ	118
12. Татьяна Сапрыкина	/ МЫШЬ С ДЛИННЫМ НОСОМ	138

Синопсис

13. Геннадий Прашкевич,
Алексей Гребенников	/ ПОЛЯРНАЯ САГА	140

Критика

14. Генри Лайон Олди,
Андрей Валентинов	/ ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ	164

Рецензии

15. Kkk72	/ ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ВЫЖИЛА	180
16. Маша Звездецкая	/ РЖП И РПГ	182
17. Kkk72	/ ИГРА ПО-КРУПНОМУ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ	186

Кинопортал

18. Лев Гурский / ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ГОРЫ188
19. Павел Бойко / ГАРРИ ПОТТЕР И ВОЛШЕБНЫЕ НОЖНИЦЫ193

Репортаж

20. Сергей Лапач,
Сергей Пальцун / “ЗВЁЗДНЫЙ МОСТ” – НОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ197

Opus Mixtum

21. Михаил Назаренко / НОВОСТИ204

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

И СВЕРКНУЛА МОЛНИЯ...

ОЖЕТ, ВЫ ПОСОДЕЙСТВУЕТЕ... НЕ ЗНАЮ перед кем... у вас в Интерполе, наверно, кто-то этим занимается... Я не понимаю, почему мне нельзя поехать проститься... или хотя бы увидеть... Что значит: не в вашей компетенции? А в чьей? Все говорят, что это не в их компетенции, а вы вообще молчите, я не с вами разговариваю, вы сопровождаете этого господина, ну и сопровож-

дайте, я хочу знать, почему мне нельзя...

Хорошо, я поняла. Простите. Сорвалась. Месяц на таблетках. Месяц мне снятся кошмары. Снится, будто Олежек живой, будто мы с ним поехали в ашрам вместе... Хорошо, давайте. Не буду забегать вперед, хотя все равно не понимаю, почему Интерпол интересуется... Вы лучше террористов поймите, которые эту бомбу взорвали, а вы, вместо этого, вынюхиваете, неизвестно зачем... Простите, я уже в порядке.

Что? Олежек еще в школе буддизмом интересовался. Мы с ним позднее познакомились, уже после университета, то есть это он университет окончил, Московский, нет, не Ломоносова, другой, Технический имени Баумана. Ага, Бауманка, вы, оказывается, слышали? А я училась тогда на технолога-кулинара, но ни дня по профессии не работала, потому что любила описывать... Не писать, знаете, а именно описывать – вот картина, вот улица, а вот здесь бабушку обижают... Устроилась сначала в газету, потом в «Ежедневку». С Олегом мы познакомились, когда он окончил Бауманку и работал у Гаубермана в ИТЭФе. Я пришла очерк писать – не о науке, Боже упаси, что я в науке понимала, у них конфликт получился с мэрией, им надо было территорию расширять под какой-то эксперимент, а там жилой дом оказался... Хорошо, неважно так неважно. Я тогда все записала на диктофон, собралась уходить, вдруг подходит такой парень выразительный, сам невысокий, а руки длинные, пальцы, как у пианиста, и лицо... меня лицо поразило: огромные ярко-голубые глаза, просто ослепительные, только глаза и видишь, а остальное в тени, очень странное лицо... притягивающее. «Давайте я вас подвезу». Даже не спросил, куда мне надо. Поехали в редакцию, а по дороге свернули, потому что... В общем, заговорил он меня. Вместо редакции мы оказались на Воробьевых горах, машину где-то оставили и ходили, ходили...

Да, я понимаю, это тоже значения не имеет. Но вы сказали, чтобы я с самого начала... Тогда спрашивайте, что вас интересует, а я буду...

Господи, почему бы инженеру-физику не интересоваться буддизмом? Это ведь не религия даже, а философия. Философия мирозерцания и миропонимания. Олег всегда мечтал съездить в Индию, в Тибет, побывать в храмах, в монастырях, поговорить с монахами, увидеть своими глазами... нет, йоги его не интересовали. Олег говорил, что йоги – низшая ступень понимания, фокусы с человеческим организмом.

Когда мы познакомились, он собирался поехать в Индию с какой-то делегацией физиков, там международный конгресс намечался, и Олег добился, чтобы его взяли с докладом... что-то о стабильности каких-то наблюдаемых показателей в какой-то среде... Извините, что я... Из головы вылетело, память у меня сейчас... Я могу посмотреть в файле. Не надо? Ну хорошо... Да, собирался, но потом не поехал. Сказал, что передумал, потому что поездка была на три дня, только в Нью-Дели, а он хотел посмотреть страну, побывать на севере... В общем, остался: мол, если сейчас все деньги потрачу, то больше в Индию не попаду, а чего, мол, я в Нью-Дели не видел? Современный город...

А к этой поездке он два года готовился. Специально познакомился с ребятами, которые изучали вирусные заболевания, распространенные на северо-востоке Индии, ближе к Непалу, они туда собирались в экспедицию от Института микробиологии, Олег с ними договорился... Нет, в микробиологии он ничего не понимал, но руки у него золотые, Олежек мог починить что угодно, они за два года убедились, даже переманивали, чтобы Олег из экспериментальной физики в их институт перешел, но он не хотел, в общем, его все-таки записали в экспедицию, и Олежек выторговал право... или возможность, как лучше?... чтобы ему позволили вылететь дней на десять раньше... экспедиция была на полтора месяца... на десять дней чтобы он отправился в ашрам Пери-бабы, а потом присоединился к экспедиции... Конечно, можно было от туристической фирмы, и не связываться с микробиологами. Но это другие деньги, понимаете? У нас... у Олежки столько не было, а биологам дорогу и проживание институт оплачивал.

Что? Последний звонок... Олежек позвонил утром, то есть, это у меня было утро, семь тринадцать, время записано, вы же проверяли... а у него начало одиннадцатого, и он как раз собирался на собрание... нет, не молитва. Это «даршан» называется. Я вам слово в слово... «Доброе утро, Верочка. Как ты?» Я сказала, что все хорошо, только скучаю очень, но пусть он об этом не думает. Он улыбнулся... Господи, да знаю я, что он улыбнулся, не нужен мне для этого телефон, я и так чувствую, он улыбнулся и переложил трубку от правого уха к левому... знаю, и все. «У нас жарко сегодня, – сказал. – Градусов тридцать восемь, наверно». Я ему сказала, чтобы передел рубашку, а то ходит все время в зеленой, а она наполовину синтетическая, в ней потеешь. Олежек сказал... Нет, он только подумал, что ладно, мол, переодену, а сказал, что вот гонг, слышишь, я не слышала, в общем, ему нужно было идти. И все. Последние слова... Господи, зачем вам? Какая вам разница? Хорошо.

«Целую тебя, Верочка, очень тебя люблю». Нет, не подумал, а сказал вслух. А я... Я даже не понимала тогда, что это... Что больше никогда... Господи... За что? Какие ужасные люди...»

* * *

– С Верой Владимировной больше говорить не о чем, – сказал Катасонов, – Она и так много пережила.

– Наверно, – то ли согласился, то ли возразил Немиров. – Но на кое-какие вопросы госпожа Акчурина еще не ответила. Надеюсь, завтра разговор пройдет более удачно, и я смогу улететь в Париж в пятницу, как и собирался.

– Надеюсь, – со значением проговорил Катасонов. – Послушайте, Рене, не хотите ли посидеть в «Коробочке», вон, на углу, очень приятное место, пиво замечательное, русский чай...

– Пожалуй, – согласился Немиров, и они медленно направились к перекрестку, стараясь не выходить на солнечную половину тротуара. С утра припекало, а сейчас, в полдень, стало душно, как в парилке: на город надвигалась гроза, хотя в небе пока не было ни облачка. Немиров, покосившись на спутника, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– А вы еще галстук собирались нацепить, – проворчал Катасонов.

В «Коробочке» было прохладно и немногочисленно, быстрый официант принял немудреный заказ и удалился. Немиров с интересом разглядывал висевшие на обшитых дубовыми панелями стенах картины с изображением русских богатырей, побеждавших все, что ползало, бегало и летало.

– Не будет ли с моей стороны невежливым, – сказал Катасонов, – если я спрошу...

– Да-да, – рассеянно отозвался Немиров.

– Ваш дедушка действительно был полковником у Деникина?

– У Корнилова, – поправил Немиров. – Мама родилась уже в Париже, а в сорок пятом познакомилась с отцом, он был советским офицером, тоже полковником, удивительно, правда? Впрочем, вам все это наверняка известно.

Катасонов не стал спорить. С досье следователя Интерпола Рене Немирова он ознакомился на прошлой неделе, когда получил приказ сопровождать парижского гостя, помогать ему проводить беседу с Акчуриной и, главное, не позволять интерполовцу задавать вопросы, которые могут оказаться провокационными. По фотографии судя, Немирову было лет тридцать пять, на самом же деле – сорок шесть, а Катасонов дал бы ему и все пятьдесят: фигура, конечно, мощная, человек за собой следит, но лицо старовато, одутловатые щеки, мешки под глазами...

Немиров тоже изучал своего визави, пока ожидали мясо в горшочках, пиво и салаты домашние. В Интерполе он работал больше двадцати лет, но так получилось, что в Россию, на родину своих предков, прибыл впервые, даже туристом не приезжал, не тянуло, не было, наверно, в его крови каких-то веществ, магнитиков, которые притягивают человека в определенную точку земного шара. Отдыхали они с Жаннетт и детьми чаще всего в Дюрбан-Корбьере, а по работе ему приходилось просиживать штаны в Сен-Кло, занима-

ясь анализом дел, большая часть которых была рутинной, не очень порой интересной, но необходимой.

– У вас хороший русский, – заметил Катасонов. – Дома, наверно, по-русски говорите?

Немиров покачал головой.

– Жаннетт – француженка, – сказал он. – Дома говорим по-французски. А по-русски – с матерью, она сейчас в доме престарелых. Я часто ее навещаю, и мы разговариваем. Для практики этого, конечно, мало, так что словарь мой сейчас далеко не тот, каким был лет двадцать назад, когда жив был отец...

– Ну, если вы считаете свой словарь недостаточным...

– Ах, Игорь... Можно я буду называть вас Игорем? В юности я, помню, говорил оборотами, каким позавидовал бы граф Толстой. А сейчас...

Принесли еду, и оба замолчали, отдавая должное ароматному мясу, сладковатой, с привкусом мяты, подливе и салатам, незамысловатым (помидоры, огурчики, лук, редис, сметана), но необыкновенно вкусным, когда записываешь все это светлым пенящимся пивом.

– Хорошо, – сказал, наконец, Немиров, положив на опустевшую тарелку нож и вилку. – И теперь я готов, Игорь, ответить на ваш вопрос.

– На какой? – сделал удивленное лицо Катасонов.

– Зачем мне второй разговор с Акчуриной, – пояснил Немиров. – Зачем ее мучить, если к взрыву в ашраме ни она, ни ее муж никак причастны быть не могут?

– Нет у меня такого вопроса, – пожал плечами Катасонов. – У меня приказ: оказывать содействие, я оказываю. Дело ведете вы, я и знаю-то о нем не намного больше того, что сообщали в новостях и в Интернете.

– В Интернете было столько глупостей, – пробормотал Немиров. – Я занимаюсь делом с самого начала, как только поступили первые данные с Интелсата.

– Сколько людей погибло? Это хоть уже известно точно?

– Официально – шестьсот сорок семь человек. В самом ашраме Пери-бабы было пятьсот девяносто два, включая гуру. К счастью... если можно использовать это слово в таком контексте... у них велась регистрация всех приезжавших, и информация хранилась не только в компьютере гостиницы, но и на сервере, иначе у нас не было бы и этих сведений. Вы же понимаете, в пределах примерно километра от центра взрыва...

– Эпицентра, – механически поправил Катасонов.

– От центра, – повторил Немиров. – Эпицентр – проекция точки взрыва на поверхность земли. А там взрыв произошел непосредственно на поверхности, это установлено. Не в воздухе, не под землей. Так что слово я применил правильно – в пределах километра от центра взрыва не осталось ни одного строения, никого живого... Это кошмар что... Я видел видеосъемку...

– Я тоже – в Интернете.

– В Интернет эти кадры не попали, – дернул головой Немиров. – Они слишком... шокирующие. Поверите, я две недели не мог... нет, не спать, со

сном как раз все в порядке, но на людей смотреть не мог... да и сейчас... все кажется, что... неважно.

– Я представляю, – протянул Катасонов. – Но все равно, извините, не понимаю... собственно, не столько я, сколько мое начальство... интерес Интерпола к Акчуриной. Я не имею права вмешиваться в ход расследования, конечно, но... вы видели, в каком она состоянии, у нее муж так ужасно погиб...

Немиров слушал внимательно, кивал, медленно пил холодное пиво, которое, впрочем, ему, похоже, не очень нравилось. Время от времени он слегка морщился и рассматривал бокал на свет.

– Игорь, – сказал он, наконец. – У вас там, как я понимаю, думают, мы что-то скрываем? Имеем конкретные претензии именно к Акчурину? Уверяю вас, это не так. Обычная в таких случаях рутина. Случился ужасный теракт. Мегатеракт. Сто килотонн – минимальная оценка. Сотни погибших. Очень много иностранцев. Одних американцев – сто сорок три человека. Дети тоже. Террорист, скорее всего, погиб и сам. Но не исключается вариант, что он успел покинуть ашрам, а бомба была с дистанционным управлением. Или с таймером. Индия обратилась в Интерпол – понятно, искать приходится по всей планете. И понятно, что наши сотрудники сейчас опрашивают всех, кто посетил ашрам и вернулся. Мы ограничили срок – месяц перед взрывом. Представляете, какая это работа?

– Представляю, – кивнул Катасонов, – и, тем более, не могу понять интерес именно к Акчуриной.

– Не более, чем ко всем прочим, кто может хоть что-то сообщить. Я не знаю, сколько всего человек включено в разработку. Наверняка не меньше десяти тысяч. Собственно, Игорь, – голос Немирова стал сухим и официальным, француз поставил бокал на стол и посмотрел Катасонову в глаза, – я так понимаю, что ваше руководство не хочет, чтобы я еще раз встретился с госпожой Акчуриной? Вы же не от своего имени говорите о нежелательности дальнейших расспросов, я правильно понимаю?

– Правильно, – вздохнул Катасонов. – Правильно, но неверно. Никто не собирается вам препятствовать, и завтра я, конечно, буду вас сопровождать. Но... Неужели вы сами не видите, как этой женщине тяжело?

Немиров помолчал, нанизал на вилку кусочек помидора, но есть не стал, держал перед собой, рассматривал, будто это был экзотический овощ, произрастающий только на одной грядке, да и ту уничтожил взрыв, причину которого нужно было понять во что бы то ни стало.

– Вижу, – сказал он, наконец. – Но мне кажется... Это лишь интуиция, Игорь, но, поверьте, за двадцать лет работы я привык не то чтобы доверять интуиции, но понимать, что она действительно существует, и к ее тихому шепоту нужно прислушиваться. И мне кажется, госпожа Акчурина что-то знает. Возможно... Нет, даже наверняка не о самом взрыве. Не исключено, Акчурин в разговорах с женой по телефону упоминал что-то... или кого-то. Может быть, он обратил внимание на что-то необычное, рассказал об этом Вере Владимировне, а она пропустила мимо ушей, ее иные вещи интересовали, и нужно очень терпеливо спрашивать, выводить ее на определенные

воспоминания. Со стороны кажется, что я задаю лишние вопросы и мучаю человека, но может быть, в ее памяти есть информация, которая поможет в поиске террориста.

– Наверно, вы правы, – покачал головой Катасонов. – Знаете, что я вам скажу, Рене... Кстати, почему вас назвали французским именем, а не русским? У вас ведь и мать, и отец – русские. Только потому, что живут во Франции?

– Что вы! – улыбнулся Немиров. – Мама моя... как это сейчас говорят... фанатка Чайковского. У нее полное собрание записей, она покупает любой диск, если там среди прочего есть неизвестный ей романс или камерная сюита Чайковского... Меня назвали Рене в память о короле из «Иоантлы». Помните? Но вы хотели задать другой вопрос, или интуиция меня подводит?

– Другой, – согласился Катасонов. – И не вопрос, а предположение. У меня тоже есть интуиция, хотя, понятно, не такая, как у вас – опыт работы меньше, да... Неважно. Мне кажется, существует какая-то информация, о которой вы не говорите. Что-то не так с этим взрывом?

– Почему вы так думаете? – Немиров прикрыл глаза, и Катасонову показалось, что его будто просвечивают невидимыми лучами.

– Не знаю, – сказал Катасонов. – Вы ни разу не употребили слово «атомный» или «водородный». Вы раз тридцать... если точно – тридцать четыре раза... сказали: «взрыв» и «теракт в ашраме». Без определений. Случайно? Во всех документах и репортажах говорят об атомном взрыве, о пронесенном в ашрам ядерном фугасе, а вы... Не могу отделаться от мысли, что это не случайно.

– Вы хорошо считаете, Игорь, – улыбнулся Немиров. – Тридцать четыре... Ну-ну. Собственно, информацию вы или ваше руководство можете получить... да что я говорю – наверняка получили у своих физиков. В Интерполе есть русские эксперты из Института Физических Проблем... фамилий не знаю, но вашему руководству они, скорее всего, известны. Это я к тому, что на самом деле у меня нет причин не говорить вам... Видите ли, Игорь, взрыв был очень странным. Очень.

– В каком смысле? – Катасонова раздражала манера Немирова разговаривать, не открывая глаз. Может, он так лучше видел, но впечатление производил странное – будто говоришь со спящим, который вовсе тебя и не слушает, а смотрит третий или пятый сон, на реплики отвечая автоматически, как робот с заданной программой. Впечатление, конечно, было неверным, но избавиться от этого ощущения Катасонов не мог.

– Вы разбираетесь в физике, Игорь?

– Гм... В принципе.

– Хорошо. Говорят, что произошел атомный взрыв, энергетическая мощность которого соответствует двумстам тысячам тонн тротила. Десять бомб, таких, как американский «Малыш», сброшенный на Хиросиму. Это все верно. То есть, верны числа. Но есть вещи, которые пока объяснить не могут. Физики не могут, в том числе ваши, русские эксперты.

Немиров сделал паузу, открыл, наконец, свои зеленые глаза, бросил взгляд на еще не початую бутылку «Будвайзера», и рука Катасонова сама собой потянулась к бокалу. Немиров подал знак проходившему мимо официанту, тот быстрым движением откупорил бутылку и наполнил бокалы, ни капли не пролив и оставив высокую шапку пены.

– Хорошо, – сказал Немиров, с удовольствием отпив сразу половину. – Да, так я... Вы помните, с чего все началось? Полтора месяца назад, двадцать третьего июня, в шесть часов тридцать две минуты мирового времени сразу четыре спутника – три американских и один российский – зафиксировали яркую вспышку в северо-восточной части Индии, в шестидесяти километрах севернее Тезпура, в предгорьях Аруначал-Прадеш, это часть Гималаев. Сначала... Впрочем, не имеет значения, какими были первоначальные версии. Часа через два, когда эксперты в НАСА обработали телеметрию, вывод оказался, как они посчитали, единственно возможным и весьма удручающим: взорвалась атомная бомба мощностью примерно двести килотонн. Все это время из Дели пытались связаться по радио и телефонам с населенными пунктами в этом районе. Связь пропала. Над районом вспышки пролетел израильский спутник «Офек-8», сделал сотню фотографий с разрешением около десяти метров – лучше не получилось из-за висевшего над районом облака пыли. Фотографии передали в НАСА, оттуда – всем заинтересованным лицам, в первую очередь, конечно, индийским экспертам. Совершенно отчетливо была видна почерневшая земля и будто выжженный круг диаметром около двухсот метров. Индия отправила в район катастрофы два истребителя, пилоты получили приказ пролететь вдоль края круга, не приближаясь к центру – ожидалось, что там высокая радиация. Радиацию действительно обнаружили, но гораздо меньше, чем ожидалось. Сделав замеры, пилоты благополучно вернулись на базу.

– Да-да, – нетерпеливо сказал Катасонов. Все, о чем говорил Немиров, ему было хорошо известно. – Я это знаю.

– Знаете, – кивнул Немиров. – Это все знают. В центре взрыва, как вы знаете, – Немиров интонацией подчеркнул последнее слово, – был расположен ашрам известного индийского гуру Пери-бабы. Святой человек. ЦелиТЕЛЬ. Учитель. На свои деньги построил деревню, отель для паломников, храм, где каждый день производил магические действия – лечил прикосновениями, например, или предметы материализовывал. Этот трюк пользовался особой популярностью, особенно у местного населения.

– Трюк? – придрался к слову Катасонов. – Доказано, что Пери-баба мошенничал?

– Нет, – усмехнулся Немиров. – Чтобы доказать, нужно поймать гуру за руку, но кто бы это смог сделать? В ашрам допускали далеко не каждого. Двух паломников из трех охрана «тормозила» еще на въезде. Без объяснений: «поворачивайте обратно, господин или госпожа». Почему? Фейс-контроль у них там был или что... А те, кого допускали, – люди, чаще всего, восторженные, готовые верить своему гуру и уж точно не собиравшиеся ловить его на каком-то фокусе.

– Насколько мне известно, – заметил Катасонов, – было не совсем так, как вы говорите. Контроль, конечно, но заявки принимались заранее, чуть ли не за год, и потенциальному паломнику сообщали по электронной почте о решении – принят он или нет.

– Верно, – согласился Немиров. – Для зарубежных гостей действовала такая система. Для индийцев – фейс-контроль, и от ворот поворот, если гость охранникам не нравился. В любом случае, вы же понимаете: не было ни малейшей возможности провезти на территорию ашрама атомный боезаряд. Двести килотонн! Такую бомбочку даже при самых современных технологиях в чемодан не спрячешь, она и в багажник машины не поместится, а грузовые автомобили на территорию ашрама не допускали вообще – разгружали в гаражах за пределами поселка, и все нужное доставляли затем на электрокарах. На всех воротах имелись датчики радиоактивности, а багаж проходил через рентгеновскую установку.

– Да, я знаю, – опять не удержался от замечания Катасонов. – Я слышал, что бомбу могли сбросить с воздуха.

– Чепуха! – отмахнулся Немиров. – Это для публики, надо же было успокоить общественность, особенно в Индии, где взрыв сразу навесили на исламских фундаменталистов, для которых Пери-баба якобы был, как кость в горле. Послушайте, Игорь, гуру, конечно, попирает ислам, но в Индии таких учителей тысячи! Есть, право слово, объекты, где устроить теракт куда как проще, а резонанс тот же, если не больше. С воздуха! Господи, о чем вы? Были с точностью до секунды проверены и просчитаны все полеты в радиусе ста миль. Единственный самолет, пролетевший даже не над самим ашрамом, а в тринадцати милях южнее, – старенький «Дуглас» местной авиалинии, совершавший рейс из Шиллонга в Итанагар.

– Ну, и вывод? – заинтересованно спросил Катасонов. – Бомбу в ашрам пронести было невозможно, так? Не говоря о том, что ни у кого, кроме России и Штатов, бомб такой мощности просто нет, это я от себя добавляю.

– Нет, – согласился Немиров.

– Вывод, вывод? То, что говорят в новостях, можете не повторять.

– Ах... Всем сказали, что террористы, видимо, очень долго пронесли на территорию элементы бомбы и там ее собирали... Чепуха, да. Но именно чепухе, как вы сами знаете, общественное мнение верит легче всего. Это не мог быть ядерный взрыв. Не было там никакой атомной бомбы.

– Что значит – не было? – удивился Катасонов. – А что взорвалось?

– Не надо так нервничать, Игорь, вы мне на рубашку пивом капнули... Ничего. Работали, понятно, несколько экспертных групп. Индийцы уже на третий день запросили помощь у Штатов, России и Израиля. Интерпол подключился на четвертые сутки. Армейские подразделения были там к вечеру первого же дня – через восемь часов после взрыва. Первое, на что обратили внимание, – очень низкая наведенная радиация. При ядерном взрыве основные разрушения производит ударная волна, лучевой удар вызывает пожары, но только вблизи от эпицентра способен, скажем, ударить человека в тень, как это было в Хиросиме. А в ашраме все оказалось не так. У индийских

специалистов сложилось мнение, что почти вся энергия взрыва выделилась в виде электромагнитного излучения.

– Чистая бомба?

– Перестаньте, Игорь! Нет чистых бомб. Ударная волна слабая. Радиация почти отсутствует. Недели две понадобилось физикам, чтобы просчитать спектр излучения. Это не секретные сведения, уверяю вас, но в новостях о них не говорили, поскольку статьи с результатами еще не готовы к публикации. Физики очень ревностно относятся к своей репутации, хотят все обсудить до последней буквы, а потом... Но, в принципе... Перед отлетом в Москву я говорил с одним из экспертов, он работает в ЦЕРНе, специалист экстра-класса. По его словам, почти вся энергия взрыва выделилась в виде гамма-излучения. В спектре яркие полосы, нижняя граница на энергии полмиллиона электрон-вольт. Ниже – плавный, но быстрый спад. Пока привели к одной системе данные с разных спутников, пока сопоставили... В общем, сейчас почти на сто процентов физики уверены, что это был аннигиляционный взрыв.

– То есть?

– Аннигиляция. Антивещество вошло в соприкосновение с веществом.

– Ну, знаете... – рассердился Катасонов. – Какое антивещество? Где? Сколько вообще атомов антиматерии физики могут получить на ускорителе? Сотню? И что, кто-то сложил это антивещество в бутылочку, привез в ашрам...

– Конечно, нет! Вы что, смеетесь? Для того, чтобы удержать сто атомов антиводорода, о которых вы говорите, в ЦЕРНе в свое время построили ловушку, которая занимала объем трехэтажного здания!

– Тогда что вы тут мне рассказываете...

– В ашраме Пери-бабы произошел процесс аннигиляции, – твердо повторил Немиров. – При взаимодействии атомов с антиатомами сначала рождаются нейтральные пи-мезоны, их гораздо больше, чем фотонов, но очень быстро пи-мезоны поглощаются и все равно превращаются в гамма-излучение... Вообще-то, этот процесс даже и не посчитан точно, потому что экспериментальных данных очень мало. Короче: для того, чтобы случилось то, что произошло в ашраме, необходимо аннигилировать от пятидесяти до ста граммов антивещества. Столько на Земле нет и никогда не было.

– Если вы скажете, что это взорвался корабль пришельцев...

– Какие, к черту, пришельцы!

– А откуда тогда?..

– О том и речь, – Немиров допил пиво и достал кошелек из висевшей на спинке стула сумки. – Я заплачу, Игорь, и не спорьте.

– Я не спорю, – пробормотал Катасонов.

– По-моему, – сказал Немиров, когда расплатившись, они вышли на улицу, – с нас... как это правильно сказать? Содрали, да? С нас содрали рублей на двести больше, чем следовало.

– А сколько следовало содрать? – улыбнулся Катасонов.

– Восемьсот сорок. Если я правильно читал меню.

– Давайте вернемся, и я...

– Ради Бога, Игорь! – Немиров ухватил Катасонова за локоть. – Ну что вы, право... Это ваша машина?

– Да. Вы в отель или хотите по Москве погулять?

– В отель. Может, вечером еще выйду. Не знаю.

– Не понимаю я вас, Рене, – пожаловался Катасонов, вырвав в крайний правый ряд. – Первый раз в России, а из отеля ни ногой. Сами русский, неужели вам неинтересно...

– Интересно, Игорь. Но... как бы вам объяснить... У меня географическая фобия.

– Какая?

– Нет такой болезни, это я так, пытаюсь... Понимаете, меня совершенно не интересуют города, здания, площади, улицы, люди, толпой бегущие по делам, машины, стоящие в пробках...

– А еще музеи, театры, – подхватил Катасонов, подумав мимолетно, что в последний раз был в театре, когда учился на третьем курсе, что же смотрел... да, «Восемь женщин» в Малом, а в Третьяковку заглядывал с Настенькой, когда ухаживал за ней и хотел выглядеть большим знатоком классики, не помогло...

– Да-да, музеи и театры, как же. Не люблю театр и совсем не понимаю Шекспира, когда он говорит, что весь мир – театр. Глупости. Мир естествен, театр нарочит. Люди не играют сами себя, иначе нормальные отношения были бы невозможны. Любовь, дружба... А музеи в век Интернета – вообще анахронизм. Игорь, я прекрасно знаю, что и в каком порядке расположено в любом зале Пушкинского музея. А если чего-то не запомнил, то всегда могу зайти на сайт и найти то, что нужно. Вы скажете: это не настоящее? Я не так увлекаюсь живописью, чтобы непременно смотреть на подлинного Шишкина, а не на качественную фотографию. И если совсем честно, Игорь: ненавижу толпу. Не люблю, когда меня ведут и показывают. И... Послушайте, что-то я разбрюзжался. Мы приехали?

Машина остановилась перед входом в «Националь».

– Спасибо, – сказал Немиров. – Приму душ и почитаю. Завтра...

– Мы договорились с Акчуриной на одиннадцать.

– Я спущусь в десять тридцать. Нормально?

– Годится.

Немиров захлопнул за собой дверцу, но она сразу открылась опять – Катасонов выглянул и спросил:

– Вы не ответили, Рене. Я о взрыве. Хорошо, не пришельцы. И не террористы. Кто тогда? И как?

Немиров заслонил глаза от яркого августовского солнца, и Катасонову почудилось, что следователь Интерпола сам стал похож на инопланетянина.

– Не знаю, – сказал Немиров. – Честно. И никто не знает.

* * *

«...Это на четвертый день случилось. Конечно, мы каждый день с Олежкой разговаривали – утром он звонил, вытаскивал меня из сна, я вообще-то

сова, а Олежек жаворонок. Мне в редакцию к одиннадцати, а там, у Олежка, уже время обеда. О чем говорили? Ну, Господи... Я не знаю. «Как ты себя чувствуешь?» Что? Нет, с чего вы взяли, я не болела, это потом... Он просто интересовался. Я говорила: «Все нормально», и спрашивала, как он там, что узнал нового?.. Хорошо, об этом подробнее... Хотя, что... Это же ашрам, там все строго... Утро начинается с медитации, потом прогулка, беседы с Пери-бабой... нет, что вы, конечно, все вместе... это скорее проповедь, даршан. Пери-баба рассказывал о... в первый день, скажем, о том, что человек должен идти по жизни, как гусеница по лезвию, и при этом ощущать полную свободу – типа не то что тебе вот так трудно, ты жертвуешь и понимаешь, что можешь в любой момент упасть... нет, ты чувствуешь, что это естественно, ты даже не напрягаешься... Но чтобы достичь такого состояния... Что? Да-да... Люди. О людях Олежка тоже рассказывал. Он жил в комнате с одним американцем. Очень странный человек... был. Господи, что же это, я не могу... Спасибо, я сейчас выпью... Что я говорила? Американец. Дедушка такой, ему было под восемьдесят, и он всю жизнь вкалывал на стройке, говорил, что строил даже знаменитый мост «Золотые ворота», Олежек сказал, что старик, видимо, или уже все забыл в жизни, или любит приврать, потому что мост этот... Да, извините. В общем, он, когда на пенсию вышел, решил, что пришла пора подумать о душе, и почему-то увлекся именно индуистской философией... Хорошо, о старичке не надо. Еще? Да, Олежек рассказывал: по утрам он сталкивался в коридоре со странной парой. Европейцы, скорее всего, испанцы. То есть, Олежка думал, что испанцы, потому что они по-испански говорили... а может, по-португальски... Молодая пара, мужчина все время улыбался, к каждому подходил и что-то быстро-быстро начинал говорить на своем языке, а женщина его звала, не по имени, а как-то... наверно, прозвище... Олежка говорил, что никак не мог понять... какой-то набор звуков. У них был ребенок, маленький, полгода, наверно, он спал у женщины в рюкзаке на груди, Олежка говорит, что спросил, кто это – мальчик или девочка, она ответила, но он не понял, по-английски они совсем не говорили. Что? А это неважно, Пери-баба ведь тоже не по-английски свои даршаны вел, а на каком-то из индийских языков. Урду, кажется. Олежек мне говорил, но я... В зале переводили, каждый мог взять наушник типа «блютуз» и настроить на свой язык. Нет, русского не было, английский, французский... какие-то еще индийские, там ведь много... Русские вообще редко появлялись в ашраме, Олежек ни одного нашего не видел... Испанец? Олежек не спрашивал, он не знал испанского... или португальского, но ему почему-то показалось, что этот мужчина какой-то аристократ. Руки, Олежек говорил, у него такие белые и нежные, пальцы в кольцах, и женщина тоже одета очень богато, на шее жемчужное ожерелье... хотя, знаете, я думаю, подделка, ну, я по рассказам Олега... По-моему, никакие это не аристократы были, есть такие люди, которые хотят выглядеть... Не знаю, просто мне так кажется. Олежек мне ее платье описал, я просила... Только мужчина мог подумать, что это шикарно. Простенькое, но с претензией... Нет, они все время ходили с ребенком... не знаю, может, что-то и носили с собой еще, Олежка не говорил,

но, думаю – нет. Что? Олежек очень любит технику, любую, особенно если что-то новое, и если бы тот мужчина что-то с собой... Олежек точно мне рассказал бы. Про одного индуса он ведь сказал, что... Подробнее? Хорошо. Там большинство было индийцев... Один такой высокий, в национальной одежде, Олежек затруднялся определить его возраст – лицо вроде старое, лет на семьдесят, а выправка военная. Если смотреть со спины, то больше сорока не дашь... Да, очень темный, Олежек даже подумал сначала, что это негр. И у него был... нет, не прибор... Олежек как-то назвал, я мимо ушей пропустила... В общем, он все время то на эту штуку смотрел, то в небо, будто проверял что-то. То ли в небе должно было что-то отразиться, то ли, наоборот, в этой штуке должно было показаться... не знаю, запуталась, я тогда не переспросила, мне это совсем было не интересно... Может, и наладонник, хотя нет, Олежек как-то иначе назвал... Нет, небольшая такая, он же ее в руке держал. Во время даршана? Не знаю. Всех просили выключать мобильные телефоны, это да. Чтобы не мешали, как на концертах или в опере. А больше ничего такого вроде не было, чтобы запрещали. Олежек? Конечно, у него был мобильный, а как же мы говорили с ним, странно вы спрашиваете... Еще... Знаете, больше я ничего не... Ни о ком Олежек не рассказывал. Хотя... Он говорил, что была там группа из Канады, но они какие-то, по его словам, как же он выразился... да, серо-бесцветные, держались вместе, ни с кем в разговоры не вступали, и еще... Олежек говорил, они много жертвовали на ашрам... у входа в храм стояла такая штука... понятия не имею, как она выглядела, Олежек не описывал, я не спросила... Что-то, куда можно было положить деньги или чеки. И канадцы что-то туда опускали – и когда входили в храм, и когда выходили, каждый проходил мимо и опускал, и что-то еще говорил при этом, Олежек не слышал, ему было интересно, но никак не получалось оказаться рядом... Нет, вечерами он не гулял, он не любит гулять один, да и вдвоем тоже не очень, мне его иногда приходилось чуть ли не силой из дома выгаскивать. Знаете, за день так намотаешься, хочется выйти и просто посидеть на скамеечке, чтобы небо над головой и тишина... А Олежек по вечерам в Интернете. Или книгу читал с экрана. Нет, он как раз предпочитал с экрана читать, я, знаете, тоже люблю бумагу, чтобы в кресле под торшером, страницы переворачивать, а он... Ноутбук он с собой взял, конечно. Нет, другого компьютера у него не было, то есть, был когда-то, еще до нашего знакомства, а когда мы... нет, у него уже этот ноут был. У него свой, у меня свой, только у Олечка, конечно, более навороченный... Так что не думаю, чтобы он там по вечерам гулял... на третий вечер, правда, ему устроили аудиенцию у гуру, это немногим позволяли и ненадолго – минут десять. Олежек сказал, что интересно поговорили, обещал пересказать, когда вернется... Когда вернется... Господи... Нет, не нужно, я уже... О чем я говорила? Да и времени у него не было гулять, Олежек говорил, что делает какую-то работу, надо, мол, что-то посчитать, и вообще... Господи, он всего три вечера там... Восемнадцатого днем прилетел в Калькутту, сутки на поезде, это вообще был какой-то кошмар, Олежек говорил: вернусь, расскажу, но такого я, говорит, в жизни не видел, сколько на поездах ездил... Господи... Вернусь,

говорит... Да, простите, я... В общем, к вечеру девятнадцатого он приехал в ашрам, пока устроился... А двадцать третьего все это... Господи, за что? Почему?..»

* * *

– Все равно не понимаю, зачем вы эту женщину мучаете? – сердито сказал Катасонов. Они сидели в лобби «Националя» и ждали, когда им принесут кофе. Немиров заказал себе еще и коньяк, но Катасонов коньяк не пил, от коньяка у него начинала болеть голова, он предпочитал водку, но не здесь и не под кофе, хотя после второй беседы с Акчуриной хотелось выпить, чтобы забыть мучительный ее взгляд, подергивавшиеся углы рта, пальцы, тербившие воротник блузки, голос... Катасонов, бывало, присутствовал на допросах, когда требовалось его мнение, как эксперта, но то было совсем иное, то было понятное и необходимое, иногда он не ощущал такого тягостного, такого непереносимого... Не нужно было разрешать французу разговаривать с Акчуриной, толку ноль, а рану ей расковыряли... Но решало начальство, а он что? Сказали – сопровождать, он сопровождает.

– Видите ли, Игорь, – медленно произнес Немиров после долгой паузы, – у нас нет иной возможности разобраться, кроме как исследовать физические условия на месте взрыва и попытаться выяснить личность террориста, допрашивая людей, которые...

– О чем вы! – с досадой воскликнул Катасонов. – Вы сами утверждали, что никакой террорист не мог...

– Не мог, – кивнул Немиров. – А еще вы упоминали инопланетян. Они тоже не могли. Тем не менее, как-то бомба оказалась в ашраме и была взорвана во время даршана.

– Вы говорили, что и бомбы быть не могло!

– Тем не менее... Послушайте, Игорь, вы можете предложить иной метод расследования? Есть у вас идеи? Я готов выслушать и доложить – слово в слово.

– Нет, – отвернулся Катасонов. – Нет у меня идей.

– И у меня нет, – наклонил голову Немиров. – Не наше это с вами дело, верно? Мне нужно обнаружить... нет, правильнее сказать: «взять у этой женщины»...

– Вытянуть, – подсказал Катасонов.

– Э... Наверно, да. Вытянуть побольше информации. Любой. Она общалась со своим мужем, и что-то он ей рассказывал. Я хочу знать об этом все.

– А может... – протянул Катасонов, – это был какой-то естественный процесс? Скажем, упал метеор из антивещества...

– Метеорит, – механически поправил Немиров.

– Что? Ладно, метеорит.

– Хорошая идея, – одобрительно сказал Немиров.

– Смеетесь?

– Нет, что вы. Просто... Об этом наши эксперты подумали в первую очередь. Не получается.

– Почему? – собственная идея Катасонову очень понравилась, она выглядела естественной и все объясняла, даже то обстоятельство, что на памяти человечества ничего подобного не происходило, так ведь и метеориты из антиматерии очень-очень нечасто на Землю падают. Может – вообще впервые.

– Есть в этой гипотезе неувязки, – с сожалением сказал Немиров. – Метеор из антиматерии должен был сначала попасть в атмосферу. Пока летел к земле, он должен был оставить аннигиляционный след длиной в несколько десятков или даже сотен миль – смотря под каким углом падал. Ничего подобного не наблюдали.

– А как это могли обнаружить? – Катасонов не хотел расставаться со своей замечательной идеей. – Это ж всего несколько секунд до взрыва!

– Тем не менее... Нашли какие-то данные... кстати, я слышал, что с российского спутника. В общем, не могу сказать как да что, но уже через неделю после взрыва идею метеорита из антивещества перестали обсуждать, как нереальную. Выйдет полный материал, там все будет описано.

– Жаль, – пробормотал Катасонов. – А если... э... черная дыра?

– Спасибо, – сказал Немиров официанту, поставившему на столик две чашечки дымящегося кофе, рюмку коньяка, дольки лимона на блюдечке и два круассана. Француз рюмку сразу же поднял, посмотрел на свет, пригубил, улыбнулся чему-то своему и повернулся к визави:

– Право, Игорь, при чем здесь черная дыра?

– Да я так, – вяло отмахнулся Катасонов и положил в свою чашку ломтик лимона. Немиров поморщился: лимон, мол, и черный кофе – две вещи несовместные, но если у вас такой, извините, вкус...

* * *

«...Нет, знаете, мы редко бывали в гостях. Олежек такой нелюдимый. Да и я... впрочем, я как раз любила встречаться, веселиться... раньше. Нет, Олежек ни при чем. Это я, когда начала работать в портале, знаете, за день столько разных людей повидеешь, столько всяких историй наслушаешься, столько... неадекватного, что к вечеру только и хочешь, чтобы была тишина, никакого телевизора и вообще никого... кроме Олежака... я забиралась с ногами на диван, брала книгу, а он ставил свой ноут на маленький столик, садился рядом и смотрел в компьютере что-то свое, мы, в общем, почти не разговаривали по вечерам, но, знаете, было такое ощущение... как это сказать... того, что мы вместе, он, я, книга, компьютер, диван со столиком... и больше ничего во всей Вселенной. Иногда, конечно, бывали в гостях, и к нам приходили, не без того, но это были как бы события, не просто так. О чем говорили? О чем обычно... Нет, не о спорте, Олежек не то чтобы не любит спорт, но просто... Помните, Россия вышла в полуфинал по футболу? В Европе, да. На улице всю ночь было шумно, кто-то бегал, кричали, петарды пускали, в общем, радость. Я вышла на балкон посмотреть, порадоваться вместе со всеми, это ведь действительно было нечто, я чувствовала... Не знаю, как объяснить. Олежек вышел тоже, постоял минуту, вздохнул, сказал: «Я бы поспал... Ты как?» А мне не хотелось, я осталась. Не знаю, зачем я вам это рассказываю...

Да, о гостях, верно. О спорте почти не говорили. О политике... О политике – да, но мне это было не интересно, так что я, извините, ничего и не вспомню. Когда мужчины начинали о политике, я обычно шла на кухню – чай приготовить или тосты. А если в гостях, то с женщинами... Но это вам не нужно, да? Наши женские... Так о чем еще... О работе, да, конечно. Мужчины любят говорить о работе. Обычно Олежек начинал выяснять что-то с Самвелом... Самвел Саркисян, тот самый, теоретик. Дружили? Нет, не скажу. Дружба – это... Знаете, я вот сейчас подумала... У Олежка не было друзей. Как-то так получилось. В школе, он мне рассказывал, был друг, Саша его звали, не разлей вода, и после школы они тоже какое-то время общались. Олежек пошел в Бауманку, а Саша в университет, на геологию. И... он утонул, поехал летом в экспедицию, куда-то в Сибирь, там они по реке сплавлились, и что-то случилось... С тех пор у Олежка настоящих друзей не было. Коллеги – да. О работе говорили. Но тут... Я ничего в этом не понимаю. Отдельные слова запоминала, конечно, но смысл... Для меня это были просто звуки, музыка разговора, когда по интонациям понимаешь настроение, а слова как ноты – одни создают мелодию, и когда повторяются, то понимаешь, какой в разговоре лейтмотив, а иные слова немелодичны, как, знаете, что-то из Шенберга... Что? Ну, не знаю, у нас, значит, разные вкусы... и уши разные. Если говорить о мелодии, то мне, например, нравилось, когда Олежек произносил: «прецизионный»... Изящное слово, да? А вот «фемтосекунда» – монстр, верно? Ни мелодии, ни ритма, я это слово очень не любила. Я как-то в физический словарь заглянула, фемто – это ведь одна миллионная от одной миллиардной доли секунды, что-то совсем уж... Олежек конструировал приборы... для физиков, конечно, измерительная техника, вот-вот, но такие маленькие кусочки времени... не думаю, а впрочем, если вам это интересно, спросите у его коллег, с кем Олежек работал, вам скажут точнее... Еще? Да, вот было интересное такое словосочетание: «распутывание квазиветвлений». Почему-то у меня в этот момент возникала в голове музыка Пуччини. Не из «Тоски», а из «Девушки с Запада». Или «Плащ», да, скорее «Плащ», – когда там, знаете, она распахивает плащ и видит своего мертвого любовника... Господи, она так плачет... и музыка... Олежек... Я... Извините»...

* * *

«Да. Продолжим. Ничего, уже в порядке... Спасибо. Что вы спросили? Нет, друзей у Олежка не было, с Самвелом это, скорее, не дружба, а... я не знаю, общее хобби. Что вы, какие марки? Олежек марки собирал в школе, а потом монеты пару лет, и бросил... Не продал, что там было продавать, обычные марки и монеты, самая старая была советская, сорок седьмого года. Олежек странно о ней говорил: вытянул, мол, из обращения, а не купил у нумизматов. Нет, не знаю, что он хотел сказать, а хобби у них с Самвелом было... научное, что ли. Самвел? Да, тот самый, вы ведь уже спрашивали. Физик. Говорят, что ему Нобелевка светит за работы по каким-то струнам... или даже суперструнам, я себе это плохо представляю, но Самвел объяснял, что это совсем не такие струны, как на скрипке, скажем, или

гитаре. И Нобелевку, он говорил, ему если и дадут, то лет через сорок, когда теория будет совсем уже другой, но о тех, кто был среди первых, наконец, вспомнят. Нобелевку, знаете, всегда дают за старые работы, о которых начали забывать, что они, эти работы, были пионерскими... Хобби, да, вы правы, я про хобби. Какая-то физическая теория. Смешно, да? Хобби – это, знаете, что-то простое, для души, для отдыха, но Олежек всегда... он не умел отдыхать, то есть, считал отдыхом то, что я бы для себя ни разу не выбрала, потому что такая работа еще тяжелее, чем та, за которую деньги получаешь. Знаете, Олежек одно время увлеклся ремонтом часов... нет, обычные часы его не интересовали... кварцевые там, маятниковые... нет. Он приносил какие-то штуки, которые на часы совсем не были похожи, там и циферблата не было, ничего, чтобы можно было посмотреть и сказать время. Я не знаю... он их называл... там слово «прецизионные» тоже было, да. Атомные? Нет. Я вспомнила – атомные часы такие большие, что домой не принесешь, Олежка рассказывал... Непонятно, почему тогда их атомными называют... Ладно. Какие-то свои часы он и в Индию с собой взял. А с Самвелом познакомился, знаете, на дне рождения у Милы Сорокиной, они учились на одном курсе в Бауманке, а Самвел тогда ухаживал за ее подругой, Евмея ее звали, представляете? Ева, в общем. Так они и не поженились, не сладилось что-то, Самвел приходил мрачный, у него была депрессия, и мы с Олечкой его развлекали, как могли... Да, я понимаю, это совсем не важно. То есть, вам неважно, знаете... Ладно. Вот Самвел Олечка и настропалил на это хобби – сам-то он давно этим занимался... Тоже странно, знаете. Физик-теоретик, на работе сплошные формулы, а хобби, вместо того, чтобы под парусом пойти или в футбол сыграть, вместо этого он опять формулы писал, только другие, ну, скажите, какая разница? Если вместо одних формул другие – это что, перемена занятий? Я понимаю... то есть, как раз не понимаю, никогда не понимала, ну ладно, для Олечка это действительно было другое... днем он работал руками, собирал и ремонтировал очень тонкую аппаратуру, а по вечерам формулы... разнообразие, а что это для Самвела? Многомировая теория – вот как это называется. Тоже что-то из квантовой физики. Я столько раз слышала, когда они говорили, что, кажется, наизусть запомнила, и даже ночью могу, если разбудить... Типа: уравнение Шредингера... есть такое, да? Вот, и у него всегда много решений. В физике, знаете, по-моему, вообще не бывает, чтобы у чего-то было только одно решение. А уравнение Шредингера определяет, как среди элементарных частиц что происходит. И если решений много, то происходить могут разные вещи, и это странно, потому что тогда... ну, скажем, если камень может покатиться по склону, а может, остаться на месте или вообще развалиться, то происходит что-то одно, верно? А должно происходить все – и то, и другое, и третье, потому что все решения уравнения... как это... равноправны. Почему камень катится? Или почему лежит? Вот многомировая теория и говорит, что, мол, все это происходит на самом деле, но в разных мирах. В разных вселенных. Или еще: если вы хотите купить машину и думаете, какую лучше, у всех достоинства и недостатки...

«Рено» или лучше «субару», а может, «форд»... выбираете что-то одно, да? А на самом деле вы покупаете все эти машины, то есть, не вместе, конечно, а каждую – в своем мире. Когда вы принимаете решение, мироздание, знаете, разветвляется, и в одной ветви вы покупаете «субару», в другой «форд»... Ой, ну что я вам, вы должны это знать, конечно... Да, это и было хобби. Как они спорили! Я уходила на кухню, потому что они орал так, знаете, что на улице было слышно. «Запутывание-распутывание, зарядовая симметрия, склейки»... Самвел вообще человек горячий... Что вы говорите? Ашрам? Индуизм? Нет, что вы, это не хобби, это всегда... не знаю, как лучше объяснить... Скажем, у человека с детства мечта – полететь в космос, да? Понимаешь, что не полетишь, но хочется до одури, читаешь все о космосе, о межпланетных станциях, это не хобби, это выше, это... ну, мечта, и все. А хобби – это когда обсуждаешь с Самвелом разные формулы. Хобби – когда можно пощупать, сделать, показать, это реальное, всегдашнее. Есть работа, есть хобби, и есть мечта, знаете... Ну да, с детства. Олежек одно время Рерихов читал, мне тоже пытался, но... не мое это, я пролистала как-то «Агни-йогу» – длинно, по-моему, и скучно. Правда, Олежек тоже потом Рерихов забросил. Мечта у него всегда была – поехать в Индию, увидеть своими глазами монастыри, монахов, ему хотелось пожить их жизнью, потому что, знаете, если не пожить жизнью монаха, не посидеть самому в полной темноте, не есть в день миску риса... Я ему говорила: бытие определяет сознание, и он соглашался: иногда, мол, и опальные классики бывают правы. Да, так если не ощутить то, что ощущает монах, то и понимания никакого в их философии не возникнет, и такого единения с миром... Он хотел, знаете, ощутить единение с миром и понять, как на самом деле все устроено. Что вы сказали? Да, можно и так, мне это в голову не приходило, но, наверно, вы правы. Это просто разные подходы к одному и тому же. Монах познает истину мироустройства в самоотречении и через собственное «я». А научный работник – через формулы, где «я» нет никакого. Может, они оба в результате окажутся в одной точке?

Если так посмотреть, то вы правы, наверно. Олежек хотел попасть в ашрам и все увидеть своими глазами. Он хотел понять, как устроен мир. И его с Самвелом разборки – тоже от этого. А работа? Приборы? Наверно, и в этом есть что-то... Триединство, да, вот вы сказали, и я поняла, что это так, и это помогает понять характер Олежка... Помогает... А теперь уже не... Господи... Нет, не нужно, я... Извините»...

* * *

- Может, закончим на сегодня? Не могу видеть женские слезы.
- Извините, Игорь, это мое расследование, верно? И я почти дошел до финала. Вы еще не поняли?
- Что я должен был понять? Не Акчурин же взорвал бомбу в этом чертовом ашраме!
- Спокойно, Игорь. Если вы такой чувствительный, позвоните своему на-

чальству и, если вам прикажут, запретите мне говорить с этой женщиной. У вас такого указания сейчас нет?

– Нет, но...

– Замечательно. Тогда не мешайте.

* * *

«О да, Олежек долго готовился к поездке. Как-то принес видеокассету, один его знакомый ездил... нет, даже не знакомый, они потом познакомились, а тогда это был просто... кто-то ездил, и Олежку удалось достать запись, мы вместе смотрели, очень интересно. Я никогда не видела такой Индии. В фильмах все иначе, а тут... грязные улицы, коровы, которые ходят, где хотят, будто коты, и такие же драные, знаете, и еще дороги, они тогда на машине проехали почти через всю Индию и снимали на видео, а в ашраме Пери-бабы все очень красиво и организовано, двухэтажные белые домики для паломников, и довольно дешево, есть можно в общей столовой, а можно заказать в номер, веселенькие такие дорожки, кусты кругом, а больших деревьев нет, Олежек сказал, что это новый ашрам, построили его чуть ли не в пустыне, в предгорьях Гималаев, деревья еще не успели вырасти... Что? Нет, это я рассказываю про пленку, которую мы смотрели, Пери-баба на меня тогда произвел странное впечатление. Знаете, будто такой восточный факир, и весь даршан напоминал цирк... не совсем цирк, но что-то такое было в том, как люди толпились у помоста, строились в ряды, музыка играет, такая, знаете, заунывная, а потом наверху появляется он, весь в оранжевом, длинный огромный хитон и рукава, куда можно спрятать поезд. Все падают на колени, а гуру ходит, что-то распевно говорит, и на лицах, знаете, такая благодать, можно действительно поверить, что слепые там прозревают, а безногие начинают бегать. Потом самый интересный момент: гуру начинает материализацию – помните «Формулу любви» Захарова? Вы-то, конечно, помните, а вы во Франции могли не... Видели, да? Нет, совсем не похоже, просто слово то же самое – «материализация». По-моему, просто фокус – гуру прячет маленькие золотые вещицы в рукавах и делает движение рукой, будто достает что-то из воздуха, очень похоже на Арутюна Акопяна, помните такого фокусника, его часто по телевизору показывали, раз – и в ладони золотая статуэтка, очень небольшая, издавек вообще плохо видно, обычно это статуэтки животных, размером один-два сантиметра, не больше. Я говорила: конечно, он в рукаве прячет, а народ верит – если уж человек приехал в ашрам, то готов поверить во что угодно, их там «преданными» называют, а когда стоишь в толпе, и все такие возбужденные, радостные... Преданные, да. Эффект толпы. Любой фокус покажется волшебством... Что? Нет, это я о себе, Олежек как раз все наоборот говорил. Верил? Знаете, он не мог верить – он ведь ученый... То есть, научный работник, Олежек терпеть не мог, когда я говорила «ученый». То есть, английские ученые открыли...» Он так сердился! Что, мол, это значит – английские ученые? Во-первых, не ученые, а научные работники, и у всех своя специальность – физики, химики, астрономы... А во-вторых, вообще нельзя так писать, нужно называть имена, университеты.

Что значит – английские? Они же где-то работают... Нет, это я просто... Олежек во всем любил точность и ни во что не верил, он всегда говорил: «Наука – не вопрос веры, это тебе не религия, в науке или ты знаешь что-то или не знаешь». Он считал, что Пери-баба что-то умел на самом деле, чего не умел, может быть, кроме него никто. Научная загадка, да. Он потому и мечтал поехать в ашрам... Нет, совсем не для того, чтобы разоблачить, наоборот, хотел посмотреть и заснять на камеру... Что? Конечно, он же сам приборы собирал и цифровую камеру переделал, она могла работать в ускоренном режиме, ну, я не знаю, как он... ничего в этом не понимаю. С собой в Индию он взял... да, камеру, конечно, фотоаппарат тоже, обычный, «Никон»-телевик, и еще какая-то штука у него была, Олежек сказал, что это таймер такой, знаете, – измерять очень маленькие интервалы времени, чуть ли не... Вот-вот: те самые фемтосекунды, такое уродливое слово. Нет, я не спрашивала – если ему нужно, мне-то какая разница? Поймите, он поехал, чтобы не просто на Пери-бабу посмотреть и вместе со всеми медитировать... он ненавидел толпу, но другого выхода... Да, это Олежек говорил: «Нет другого выхода, я хочу померить на месте все параметры, это чисто научный феномен, и никто его толком не изучает». Что? Я не знаю... Конечно, в ашраме контроль, но Олежек не вез с собой ничего такого... опасного, я имею в виду. Ну, камера – специальная, но всего лишь камера, он любому мог продемонстрировать. Пара приборов еще – их тоже на любом контроле могли проверить, что нет там ничего такого... И никого он не собирался разоблачать, это я от себя говорю: шарлатанство типа, фокусы... Олежек был уверен, что Пери-баба действительно... Нет, верить он не верил, я же вам говорю, он совсем иначе к этому феномену относился, при чем здесь вера? Он и самому Пери-бабе это сказал, наверно, когда был на аудиенции»...

* * *

– Спасибо, Вера Владимировна, вы нам очень помогли.

– Ну, не знаю... Если вы считаете... Послушайте, вы можете... Закрытая зона, все такое... Но неужели нельзя устроить... Я должна... Вы не понимаете...

– Я все понимаю, Вера Владимировна. Постараюсь сделать для вас, что смогу – правда, возможности мои невелики, я всего лишь следователь-эксперт, причем по проблемам, связанным с наукой, а не... Там пока тридцатимильная зона отчуждения. Вы и сами видели по телевизору, верно? Когда расследование закончится, то, наверно, пустят и родственников, хотя... для вас это только лишняя травма. Поймите, там в центре...

– Господи, да знаю я все! Но ведь он там остался, Олежек, тела его нет, но там его душа, вы должны понимать, вы же сами русский, верно, я не ошибаюсь?

– Д-да.

– Пожалуйста, прошу вас...

– Хорошо, Вера Владимировна, обещаю... Вы можете ответить еще на пару вопросов?

– Но вы сказали, что уже...

– Извините, мне сейчас пришло в голову. Да это и не имеет отношения... Просто научная любознательность.

– Господин Неверов, мы закончили.

– С делами закончили, но мне интересно совсем другое. Можно?

– Не знаю... Если Вера Владимировна не против...

– Я вот о чем. У Олега, вы говорили, было хобби. Многомировая теория, да? Я этим интересовался в свое время, читал кое-что, потому и спрашиваю. У Олега были публикации? Можно что-то прочитать?

– Нет... То есть, он писал какую-то работу, я знаю. Обсуждал с Самвелом, вы лучше у него спросите, я в этом ничего не понимаю.

– Господина Саркисяна сейчас нет в Москве, он уехал в какой-то город в Армении, там и связи мобильной нет. Я, собственно, что хочу... В Интернете никакой информации о каких бы то ни было публикациях Олега я не нашел, в русских научных журналах тоже ничего.

– Конечно! Олег очень ответственно... Знаете, как относятся научные... ну, когда какой-то дилетант вдруг врывается... Олег для физиков-теоретиков, конечно, был дилетантом. У него ведь и степень по техническим наукам, знаете... Его бы и не опубликовали ни в одном приличном журнале, рецензент статью точно заперол бы.

– Вы так в этом уверены? Если статья хорошая...

– Господи, да кто определяет – хорошая или нет? Что значит – хорошая? Если в статье новые идеи, и если автор не специалист – в том смысле, что степени по физике у него нет, и окончил он не физфак, а научное приборостроение, инженерная профессия...

– Да, я понимаю, сам с таким отношением сталкивался... давно, когда еще в университете работал. Я же не сразу в Интерпол пришел, семь лет преподавал физику в Сорбонне. Так что хорошо понимаю, как это бывает. Хоть что-то осталось от статьи? Черновики?

– Нет. Ничего. У Олежка все было в ноутбуке, а ноут, вы знаете...

– Да-да. Но, может, он еще где-то записывал?

– Нет. Точно – нигде.

– Жаль. Если это так интересно, я мог бы посодействовать публикации в «Физикл леттерс».

– Олежек говорил знаете что? Типа: мы так привыкли, что в современной физике эксперимент – это обязательно огромные аппараты, коллективы сотрудников, «один в поле не воин», это раньше, знаете, можно было собрать на столе приборчик, пропустить ток и сделать открытие, а сейчас нужно, чтобы двести человек работали три года, и в результате получите какую-то вострую поправку к третьему приближению...

– Да, это так. Современные эксперименты в физике – штука очень дорогостоящая.

– Нет! То есть, Олежек говорил, что сейчас физика возвращается к истокам, ну, вроде опять можно ставить эксперименты на столе и приборы использовать самые простые, и сделать открытие. Ренессанс, да. Олежек так говорил. Потому что...

– Да?

– Вы хотите, чтобы я вспомнила? Лучше спросите у Самвела.

– Он сейчас недоступен для связи. Я просто хотел понять, кем был Олег. Он ведь сделал открытие, я прав?

– Наверно. Не знаю... Олежек знает что сказал, вот я вспомнила! За день до отлета. Мы вещи собирали, я его заставляла взять три рубашки, а он рубашки вообще не хотел, только майки, знаете, такие – широкие, мне они очень не нравились, Олежек в майке становился похож на дядю Васю-сантехника, извините. А он говорил: там такая жара... И все вещи, что я клала, из чемодана выбрасывал. Там, правда, должен был ноутбук поместиться и камера, и еще прибор для измерения времени, Олежек хотел заснять процесс – как Пери-баба предметы материализует. Тогда он и сказал, типа, если получится, то это будет такое открытие, что и статью можно закончить, и, может, тогда рецензенты, наконец, смысл поймут, а не станут твердить, как попки: не специалист, не специалист... В физике сейчас новая жизнь начинается, или, может, старая, все, типа, по спирали.

– Эксперимент... Вы думаете, он имел в виду свое хобби? Многомировую интерпретацию?

– Эвереттику. Он говорил – эвереттику.

– Если он об этом писал статью, то не вижу, почему рецензенты должны были ее отвергнуть. Потому, что в ней не было ничего нового?

– Как же не было? Не знаю... Может, не было. Нет, не может, чтобы не было!

– Вот и я так думаю. Должна была быть какая-то идея. Новая. Идея эксперимента в области многомировой интерпретации. Для этого Олег и прибор свой построил. И в Индию поехал, чтобы эксперимент поставить.

– Вы думаете...

– Разве не очевидно? Олег интересовался физическим Многомирием. И приборостроением. Пери-баба материализовывал предметы и раздаривал «преданным». Вы говорите – фокусы. А Олег наверняка думал, что Пери-баба, один из очень немногих людей на планете, мог действительно... нет, не творить предметы из ничего, это действительно чепуха, а соединять ветви Многомирия. Это называется склейкой – разные ветви в каком-то месте в какое-то время соприкасаются друг с другом, будто склеиваются на мгновение, и тогда предмет из одной реальности может оказаться в другой. В теории склейки всегда случайны. А что, если существуют люди, которые могут по своей воле склеивать реальности?

– Точно! Олежек об этом с Самвелом и спорил! Самвел говорил, что склейки – психологический феномен, что-то там с моментом выбора реальности, а Олежек – что это физика, а психология тут вторична, и еще...

– Да?

– Погодите... Дайте вспомнить. Вы думаете, Олежек для этого свой прибор взял? Чтобы измерить, как Пери-баба...

– Примерно. По-моему, так. Но... Вы что-то хотели вспомнить.

– Господин Неверов, давайте больше не будем мучить Веру Владимировну! У вас есть конкретные вопросы по делу?

– Игорь, еще минуту. Я заканчиваю. Вера Владимировна, вы хотели вспомнить...

– Да вспомнила я! Это о психологии. В последний раз, когда Самвел у нас был, они спорили, а когда Самвел ушел, мы с Олежком... неважно... я только хочу сказать, что Олежек был такой задумчивый... Как же он тогда сказал? Да. Типа: хорошо, что законы природы нас оберегают, а то наша психология давно нас убила бы. Я спросила: как психология может убить? Олежек засмеялся. Очень даже просто, говорит, ведь существует мировая симметрия, и никакая психология ее нарушить не в состоянии. Мы бы, типа, и секунды не прожили, если бы физика не была первична, а психология – вторична.

– Все, господин Немиров, нам пора уходить, Вера Владимировна устала.

– Ничего, я...

– Мы уходим. Господин Немиров вас больше не побеспокоит.

– Вера Владимировна... Простите меня, я всего лишь делал свою работу и понимаю ваше состояние... Олег ведь тоже делал свою работу, как он ее понимал.

– Господин Немиров!

– Да-да, уходим. До свиданья, Вера Владимировна. Дай вам Бог счастья...

* * *

К машине шли молча. Француз демонстративно сел на заднее сидение. Ну и ладно, Катасонову тоже не хотелось сидеть рядом с этим воющим, показушным интерполовским следователем, делающим, как он сказал, свою работу, не понимая, какую душевную травму наносит человеку. Женщине. Хорошо, нужно им там для отчета опросить всех, кто как-то был связан с людьми, погибшими в ашраме. Воссоздать картину трагедии. Но в душу-то лезть зачем? Может, Немиров решил, что Акчурин взорвал ашрам своим прибором, который только и был способен измерять время? Если Пери-баба действительно мухлевал, вытаскивая золотые статуэтки из рукава, будто какой-нибудь факир, то своей камерой и своим счетчиком Акчурин, конечно, это зарегистрировал бы. Случился бы скандал. А так... Взрыв, все погибли – о Пери-бабе теперь везде пишут, как о святом великомученике. Об Акчурине никто, кстати, не написал, даже коллеги не изволили опубликовать некролог – был человек, и нет человека. Только жена о нем и помнит, только она убивается, и зачем напоминать ей о лучших временах, когда ее любимый был жив и счастлив?

– В отель? – спросил Катасонов, не оборачиваясь.

Немиров зашевелился на заднем сидении, проворкотал что-то.

– Не понял, – сказал Катасонов.

– Да. В отель.

Поехали – медленно, передвигаясь от пробки к пробке, перестраиваясь из ряда в ряд, замирая перед красным сигналом светофора. Немирову казалось, что вся нынешняя Москва – один большой красный сигнал, требующий остановиться, выйти из машины, пойти пешком, и тогда она откроется, покажет свои лучшие качества, которые не видны, если сидеть на заднем сидении

автомобиля и видеть одни только так же застрявшие в пробке машины и в отдалении – дома, верхние этажи и небо, в котором Немирову почему-то не хватало грозовых туч, черных, пугающих и желанных. Парило третий день, а гроза так и не собралась.

– У вас самолет завтра в восемь пятнадцать, – напомнил Катасонов. – Я заеду за вами в шесть, иначе не успеем.

– Спасибо, – буркнул Немиров. – Наверно, вам это не очень удобно? Такая рань... Я закажу такси. Или ваше начальство желает убедиться, что я улечу?

Катасонов промолчал.

– Через месяц, – продолжал Немиров, – статус закрытой зоны будет снят, и туда устремятся туристы и всякие... любопытные. Вера Владимировна захочет поехать.

Катасонов пожал плечами, не заботясь о том, видит ли Немиров его жест.

– Скорее всего, у нее не будет достаточно денег для такого путешествия. Евросоюз может помочь с финансированием...

– Спасибо, – саркастически сказал Катасонов. – Не думаю, что это хорошая идея. Кстати, чтобы подъехать прямо к подъезду, надо сделать круг, а на Тверской сейчас пробки.

– Я выйду здесь, – понял намек Немиров. – Спасибо за содействие. Вы мне не очень мешали.

– Всего хорошего, – с облегчением сказал Катасонов. – Теперь вы, конечно, знаете, кто и как взорвал ашрам Пери-бабы.

Он надеялся, что в голосе его прозвучало достаточно сарказма и упрёка, и что интонацией он дал понять этому русскому французу, что нельзя, не по-людски заставлять женщину вспоминать то, что ей, по идее, сейчас нужно забыть.

– Да, – прозвучало с заднего сидения. – Теперь знаю.

Катасонов посмотрел в зеркальце, не смог ничего прочесть на постном лице интерполовца и обернулся. Немиров сидел, забившись в угол, сложил на груди руки и думал, похоже, о чем-то своем. Наверно, даже не расслышал толком слов Катасонова.

– Да-да, я выйду здесь, – быстро сказал он и поднял лежавший рядом на сидении кейс.

Немиров захлопнул за собой дверцу и быстро зашагал в сторону Тверской, не попрощавшись и ни разу не оглянувшись.

* * *

В номере было прохладно, а из окон, выходивших на юг, видны были наступавшие на Москву тучи – как армия, собравшаяся взять город штурмом: впереди быстро мчались легкие облачка, сталкивавшиеся друг с другом и превращавшиеся в серые кругляши с опущенными вниз краями, а за ними надвигалась армада, черная, с серыми прожилками.

– Садитесь, – предложил Немиров нежданному гостю. – Вообще-то я собирался принять душ и постоять на балконе. Гроза в Москве – это то,

что я хотел увидеть. Нет, скорее почувствовать, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Понимаю, – неуверенно произнес Катасонов, усаживаясь в кресло так, чтобы видеть и небо за окнами, и своего визави, с недовольным видом стоявшего посреди комнаты с полотенцем в руке.

– Чем обязан? – сухо спросил Немиров.

– Вы сказали, что знаете, кто взорвал ашрам, – напомнил Катасонов.

Немиров бросил полотенце на кровать, подошел к окну и долго стоял, вглядываясь в черневшее небо.

– Знаю, – сказал он, наконец. – Собственно, я предполагал это еще тогда, когда в Париже докладывал комиссару свой анализ произошедшего. Потому что в Москву и послали именно меня, хотя, как вам известно, практической следственной работой я никогда не занимался. Я аналитик.

– Знаю, – кивнул Катасонов. – Потому нас и заинтересовало ваше желание провести беседу с Акчуриной. Почему вы?

– А почему вы? – не оборачиваясь, спросил Немиров. – Играем в открытую? Вы тоже не оперативный работник, почему именно вам поручили опекать меня?

Катасонов промолчал.

– Хорошо, – вздохнул Немиров. – Ваш вопрос первый, мне отвечать. Вы, конечно, знаете, что я двадцать лет работаю в аналитическом отделе Интерпола. Время от времени, примерно раз в два года, вряд ли чаще, меня привлекают к расследованию не в качестве эксперта, а для работы в следственной группе – если, скажем, нужно участвовать в допросе ученого, и преступление, в котором его подозревают, как-то связано с научной деятельностью. Кстати, таких преступлений не так уж мало на самом деле, общественность это не очень интересует, не эффективно: подумаешь, кто-то присвоил результаты чьих-то еще не опубликованных исследований, взял патент, переехал в другую страну... и так далее. Когда погибли люди в ашраме, с самого начала предполагалось, что это теракт. Ни у кого не было опыта в расследовании подобных дел. Первый такой мегатеракт в истории, да... Но уже после сведения в систему информации со спутников стало ясно, что никто на Земле не мог устроить такой взрыв. Когда исключили версию атомной или термоядерной атаки, когда поняли, что это была аннигиляция примерно ста граммов антивещества... В общем, примерно через неделю стало понятно, что никаких идей нет. Просто нет, понимаете?

Пока мы ломали головы над физикой взрыва, наши коллеги-оперативники отработывали свидетельские показания. Живых свидетелей не осталось, конечно. Кроме тех, кто наблюдал взрыв с расстояния в десятки километров и ничего, кроме криков «Ужасно! Атомный гриб! Кошмар» сказать не мог. Дней через пять стали опрашивать всех, кто имел какой-то контакт с погибшими. В ашраме погиб россиянин – некий Акчурин, физик-инженер. Естественно, следователи провели поиск в Интернете и к коллегам Акчурина обращались по электронной почте. Когда данные попали, наконец, к нам в аналитический отдел, то было уже известно, что Акчурин – прекрасный прибор-

рист, способный не только сконструировать, но и собрать своими руками чрезвычайно точную аппаратуру.

– Ну и что? – не удержался от замечания Катасонов. – Это все и нам было известно. Львиную долю информации об Акчурине Интерпол получил от нас. Ну, конструировал приборы. И что? Повез в Индию свой прибор – и что? На въезде в ашрам прибор был проверен, там не простаки сидят, опасности никто не усмотрел, иначе Акчурина не впустили бы на территорию. Ничего даже близко похожего на антивещество...

– Конечно, нет! О чем вы? Чепуха какая! Игорь, вы же физик, не нужно вешать мне на уши лапшу, будто вас ко мне приставили исключительно для помощи, вы физтех окончили, я прав?

Катасонов удивленно посмотрел на собеседника.

– И Саркисяна ведь это ваша... как тут говорят... контора, да? Это ваша контора отправила Саркисяна в Армению, где связь с ним была временно утеряна. Кто-то очень не хотел, чтобы я с ним связался, а против моего разговора с Акчуриной возражать не стали. Не знаю, какие идеи бродили в головах ваших экспертов, но не надо мне говорить, что у вас это вообще не обсуждалось!

– Обсуждалось, – признал Катасонов.

– Неужели вы не пришли раньше меня к тем же выводам?

– К каким? – Катасонов непонимающе посмотрел на визави, и Немиров с удивлением понял, что до сих пор недооценивал человека, навязанного ему в сопровождающие. Он ведь физик, был неплохим ученым, перестал заниматься активной научной деятельностью в области квантовой химии лет десять назад – видимо, тогда и перешел работать в органы безопасности. Бог знает, чем он в органах занимался, но, скорее всего, чем-то, связанным с наукой. Эксперт. Умный человек. Наверняка изучил все, что у них в органах есть об Акчурине. Наверняка говорил с Саркисяном и наверняка пришел к каким-то выводам, иначе не было смысла ограждать Саркисяна от разговора со следователем Интерпола. Размышляя о результатах поездки в Москву, Немиров еще вчера решил, что, скорее всего, Катасонову прекрасно известно то, к чему он пришел только сейчас, услышав рассказ Акчуриной и сопоставив факты с теориями. Если так, какой смысл Катасонову изображать из себя невежду?

Немиров прислонился спиной к теплому оконному стеклу, он должен был принять решение – рассказать Катасонову о своих выводах или, как и тот, сыграть в незнание. Пусть в Париже решают – что говорить, что скрыть. Он свою работу закончил, а дальше...

– Хорошо, – вздохнул Немиров. – Я вам скажу, потому что... понимаете, Игорь, каждый должен решать сам. И не только за себя. Вы думаете, это можно сохранить в секрете? Только умоляю, не делайте вид, будто вы так и не поняли, что произошло в ашраме. Вы были хорошим физиком.

– Господин Немиров, – сухо произнес Катасонов. – Пожалуйста, если вы что-то хотите сказать, не изъясняйтесь намеками.

– Хорошо. Мой вывод: взрыв в ашраме устроил Акчурин...

– Глупости! – воскликнул Катасонов.

– ...вовсе того не желая. Он проводил эксперимент и был уверен, что все закончится благополучно. Акчурин был цельным человеком, все в его характере и поступках было едино, и чтобы его понять, нужно учесть все составляющие.

– Послушайте, господин Немиров...

– Нет, теперь вы меня послушайте, Игорь! – возвысил голос француз и шагнул вперед, теперь он нависал над Катасоновым, оперся ладонью о ручку кресла, а другую ладонь положил Катасонову на плечо, будто пригвоздил его, заставляя сидеть и слушать. – Вы меня вызвали на этот разговор. Акчурин был прекрасным физиком-прибористом, это раз. Второе: у него было хобби – многомировая интерпретация квантовой физики. В России придумали название – эвереттика по имени Хью Эверетта, вы знаете, конечно. И третье: Акчурин мечтал посетить Индию и своими глазами увидеть великого гуру Пери-бабу. Все. Больше ничего не нужно знать для решения задачи.

– Ничего? – повторил Катасонов, пытаясь сбросить со своего плеча ладонь Немирова. Впрочем, он не очень-то и старался, скорее делал вид, а на самом деле вялым своим движением заставил француза, убедившегося в своей силе, говорить более раскованно.

– Ничего, – кивнул Немиров. – Естественно, нужны детали. Какие именно приборы конструировал Акчурин? Какие именно идеи были у него в эвереттике? Что именно интересовало его в личности Пери-бабы? Что ж, все сходится, и я не понимаю, почему вы делаете вид, будто... Хорошо, если вам так удобнее, продолжу. Вы, конечно, помните, что Вера Владимировна говорила о том... точнее, не она, конечно, говорила, а ее муж... о том, что наука нынче возвращается на новом витке спирали развития к тем временам, когда открытия можно было делать в одиночку. Галилей открыл законы падения тел, бросая предметы с Пизанской башни и замеряя время падения. Гюйгенс открыл законы отражения и преломления света, Ньютон – законы механики, примеров можно привести множество, но в двадцатом веке это ушло в прошлое, настало время громадных установок, экспериментов, в которых невозможно было получить результат без участия десятков, если не сотен сотрудников. После работы Эверетта все изменилось, хотя в середине прошлого века этого еще не понимали. Что главное в теории Многомирия? Сознание. Наблюдатель. Вот ключевые слова. Если Многомирие существует, то каждый наш выбор приводит к появлению новых ветвей бесконечного мироздания. Выбирает наше сознание, выбирает наблюдатель, проводящий эксперимент, выбирает каждый из нас – ежедневно, ежеминутно. Я положил ладонь на ваше плечо, но мог и не положить, верно? Значит, возникла другая ветвь, где я только подошел к вам, чтобы лучше слышать, но не стал до вас дотрагиваться... как сейчас.

Катасонов все же сделал движение, и рука француза упала с его плеча. Легче, впрочем, не стало. Он слишком много говорит, француз. Волнуется? Конечно. Сейчас скажет: «И эти ветви единого мироздания могут время от времени склеиваться, соприкасаться»...

– Эти ветви, эти миры существуют не независимо, – сказал Немиров. – Время от времени они соприкасаются, это называется склейкой, и может случиться так, что ваши очки, всегда лежавшие на столе, вдруг исчезнут, и вы не сможете их найти. Станете грешить на домашних, которые не хотят признаться, а на самом деле произошла склейка, и в другой ветви Многомирия другой вы не можете понять, откуда взялась вторая пара очков...

– Рене, – раздраженно прервал Катасонов, – зачем вы... Я все это знаю. Вы знаете, что я это знаю. Переходите к...

– О! Замечательно! Я ждал, что вы не станете выслушивать банальности из теории Многомирия и признаете, что вам они хорошо известны.

– Послушайте...

– Я продолжаю! В теории все это красиво: ветвление мироздания, множество миров, возникающих всякий раз, когда происходит процесс, допускающий не один, а два или больше вариантов выбора. Но как доказать, что теория верна? Допустим, что склейки действительно существуют. Вы обнаружили лишнюю пару очков. Это – доказательство? Нет, вам скажут: вы попросту забыли, что у вас была вторая пара... Но вернемся к Акчурину. Он говорил о том, что в наше время для открытий в науке не нужны большие коллективы. Вы понимаете, что он имел в виду – эксперимент, доказывающий существование Многомирия. Если наше сознание создает в Многомирии новые ветви, то наше сознание и должно стать тем прибором, с помощью которого удастся найти искомое доказательство.

– И что тут нового? – не удержался от реплики Катасонов. – Сознание, да. Вы подумали – перейти улицу на красный свет или дожждаться зеленого. Решили пойти на красный, и в тот же момент возникла ветвь, где вы решили все-таки подождать, пока зажжется зеленый. Как вы докажете, что обе эти ветви реально существуют?

– Я-то никак, – пожал плечами Немиров, – я не занимался этой проблемой, в отличие от Акчурина. А у него были любопытные идеи. Помните, Вера Владимировна упомянула, что ее Олежек говорил о законе симметрии? О какой симметрии мог говорить физик? Самая простая и самая устойчивая физическая симметрия – зарядовая. Вещество и антивещество. Материя и антиматерия. Во Вселенной на самых ранних стадиях количество вещества и антивещества должно было быть одинаковым, но мы живем в мире, где антивещества нет. Почему? Как вам такая гипотеза: когда вы делаете выбор и возникают две новые ветви, то непременно одна ветвь получается из материи, а другая – из антиматерии. Очередной акт ветвления вновь создает вселенную и антивселенную. Закон симметрии. Вы выбираете: перейти улицу или подождать. В результате возникают две вселенные – в одной вы перешли улицу, в другой – нет. Но кто скажет, какая ветвь получилась из обычной материи, а какая из антиматерии? В каждой из ветвей вы будете считать свою вселенную состоящей из обычного вещества, верно?

– Любопытная идея, – пробормотал Катасонов. – Непротиворечивая, да.

– Конечно! Но если существует закон симметрии, то возникает противоречие. Склейки! Какие, к чертям собачьим, могут быть склейки между ми-

рами, если они, эти миры, случайным образом перемешаны, и склейка может с большой вероятностью произойти не с обычной ветвью, а с антимиром? Очки, оказавшиеся у вас на столе, окажутся из антивещества, и... понятно, что произойдет.

– Понятно, – кивнул Катасонов. – А поскольку этого не происходит, то нарушается главнейший физический закон – закон зарядовой симметрии, и тогда вся теория Многомирия летит к чертям, потому что...

– Ну, право! Вы меня провоцируете? Ничего не летит, надо только добавить к закону симметрии другой важнейший физический закон – закон сохранения: склейки могут происходить только в том случае, если ветви относительно друг друга состоят из материи одного вида. Миры могут склеиваться с мирами, антимиры – с антимирами. Именно такой вывод, скорее всего, и сделал Акчурин в своей неопубликованной статье...

– Которую вы не читали, – подхватил Катасонов.

– Не читал, – согласился француз, – но, судя по дальнейшим действиям Акчурина, именно такой постулат он выдвинул и на нем построил решающий эксперимент, доказывающий, что существует не только Многомирие, но и сохранение в нем зарядовой симметрии.

За окном громыхнуло, и Катасонов поднялся, чтобы посмотреть, начался ли уже ливень. Нет, туча, шедшая с востока, закрыла пока полнеба, удивительным образом создав четкую границу между ярким солнечным днем и бесцветным мраком. Солнца видно не было, туча поглотила его, будто крокодил из сказки Чуковского, но синее море неба, хотя и отступило, но все еще сопротивлялось челюстям, и безавшие впереди тучи светло-серые быстрые облачка показались Катасонову выбитыми у монстра зубами. Странная ассоциация, подумал он, и, обернувшись, обнаружил, что Немиров стоит рядом, чуть позади, и тоже смотрит в небо.

– В общем-то, вы правы, конечно, – сказал Катасонов, повернувшись к окну спиной и с легким удивлением обнаружив, что тень от тучи поделила странным образом надвое и фигуру Немирова: левая его сторона была освещена ярко-голубым отражением небесной выси, а правая выглядела темной, будто француз надел костюм шута, не хватало только бубенцов и островерхой шапки. Тень двинулась, впечатление растаяло, и Катасонов продолжил начатую фразу:

– Не хочу больше делать вид, будто не очень хорошо понимаю, что вы мне рассказываете. Будем дорожить временем? Вы действительно разобрались в проблеме.

– Слава Богу, – облегченно выдохнул Немиров. – Мне уже начало казаться, что я говорю в пустоту. Вы допросили Саркисяна?

– Естественно.

– И отправили его в Армению, чтобы я не смог с ним пообщаться? Вам, наверно, известно, что Интерпол посылал запросы на беседы с Акчуриной и Саркисяном, но получил разрешение только на разговор с женщиной.

– Да, я знаю, – не стал опираться Катасонов.

– Мы могли бы еще вчера...

– Не могли, – отрезал Катасонов. – Видите ли, Рене, нам ничего не было известно о том, как далеко вы продвинулись в расследовании.

– Вы убеждали меня, что я, как садист, допрашиваю женщину, потерявшую любимого человека, – с горькой досадой произнес Немиров. – В то время, как вы, похоже, говорили с ней прежде и с не меньшим пристрастием.

– Нет, – покачал головой Катасонов. – С ней никто не говорил, уверяю вас. Достаточно оказалось Саркисяна.

– То есть, – голос Немирова стал жестким, – вы уже какое-то время знаете причину взрыва в ашраме, но не сделали ровно ничего, чтобы проинформировать...

– Простите, Рене, ваш сарказм не по адресу. Я эксперт. Принимать решения – не мой уровень. Делаю, что приказывают.

– Хорошо, – сказал Немиров после минутного молчания. – Бессмысленный спор, вы правы. Я тоже принимаю решения не сам. Как я понял, вам разрешено поделиться со мной информацией, для начала проверив, насколько далеко я зашел в решении проблемы. Так?

Катасонов налил себе минеральной воды из стоявшей на журнальном столике высокой бутылки и выпил, сделав вид, что не расслышал вопроса.

– Похоже, – вздохнул Немиров, – мы оба пришли к одному выводу: взрыв в ашраме произошел по вине Акчурина.

– Вы уверены, что здесь применимо понятие вины?

– Убийство по неосторожности в ходе научного эксперимента – такое же убийство, и, если бы Акчурин не погиб, ему пришлось бы предстать перед судом, или вы в этом сомневаетесь?

– Сомневаюсь, – с легкой насмешкой сказал Катасонов. – Если бы Акчурину посчастливилось выжить – хотя, честно говоря, не знаю, как бы ему это удалось, – вряд ли его фамилия попала бы в прессу. В России точно не попала бы.

– Да, это вы умеете, – пробормотал Немиров, и Катасонов опять сделал вид, будто не расслышал.

– Итак, – сказал он, – как, вы полагаете, все происходило?

– Беседа с Саркисяном поставила бы все точки над *i*, – сказал Немиров, – но и так достаточно ясно... Акчурин на досуге занимается многомировой теорией или, как говорят в России, эвереттикой. Выдвигает идею о зарядовой симметрии ветвлений: во время любого физического процесса, имеющего больше одного варианта развития, возникают мир и антимир, как при распаде фотона, когда рождается пара электрон-позитрон. При следующем ветвлении антимир опять делится на мир (то есть, антимир – по отношению к нашей ветви) и антимир (ветвь, которая для нас является обычным миром). И так всякий раз. В бесконечном Многомирии половина миров – обычная, а другая половина – антивселенные.

Немиров сделал паузу, и Катасонов кивком головы подтвердил сказанное: продолжайте, мол, пока все правильно.

– Возникает проблема: если склейки между ветвями происходят хаотически, как это предполагалось в теории, то по чистой случайности миры и ан-

тимиры должны постоянно аннигилировать, и через какое-то достаточно короткое время от Многомирия, скорее всего, ничего не осталось бы, кроме жестких гамма-квантов, которые в расширяющихся вселенных постепенно создали бы обычный микроволновый фон. И ничего более – ни галактик, ни звезд, ни планет... А поскольку этого не происходит, значит, в природе существует запрет на склейки ветвей, состоящих из материи и антиматерии. Скажем, как в газе фермионов – две частицы не могут одновременно находиться в одном квантовом состоянии, это запрещено физическим законом.

– Любопытная аналогия, – улыбнулся Катасонов. – Вам сейчас пришло в голову?

– Сейчас, – не стал отпираться Немиров. – Не знаю, придумал бы Акчурин идею эксперимента, если бы не его увлечение индуизмом, если бы не его мечта посетить ашрам. Закон природы запрещает случайные склейки между ветвями и антиветвями, верно? Но если провести склейку целенаправленно? На Земле есть люди, их мало, но они есть, которые могут, сами того, скорее всего, не понимая, склеивать миры – как тот же Пери-баба. Откуда в его руке появляются золотые статуэтки? Что значит – он их материализует? Они возникают из ничего – так это представляется зрителям. Но что, если Пери-баба умеет склеивать миры и доставать свои артефакты из других ветвей Многомирия? Он ничего не знает, конечно, ни об Эверетте, ни о многомировой теории, действия его импульсивны и рефлекторны, но какая разница – он это умеет. И жив он был до сих пор только потому, что поступал именно рефлекторно, случайным образом, позволяя действовать закону природы, который Акчурин назвал... Кстати, как он этот закон назвал? Вы читали его работу, а я – нет.

– Не читал я ничего, – буркнул Катасонов. – Вы же знаете: ни в редакции журналов, ни в сетевые издания Акчурин статью не отправлял, а информация, содержащаяся в его ноутбуке, погибла вместе с ним. Я знаю только то, что рассказал Саркисян.

– Что он рассказал?

– Никаких названий. Тот, кто теперь заново этот закон откроем, сможет назвать его по-своему.

– Почему бы вам не... Вы же физик.

– Исключено, и не будем говорить об этом. Может, вы? Вы тоже физик.

– Нет, – твердо сказал Немиров. – Это не мое. Очень интересно, но... нет. Мне бы завершить расследование и отчитаться... Ладно. Я хочу сказать, что Пери-баба, один из немногих на планете, кто способен производить склейки целенаправленно.

– Был, – поправил Катасонов.

– Что? Да, был... Он делал рукой жест, хотя мог, наверно, обойтись без показухи, просто сделать мысленное усилие... Выбор реальности. Но он все-таки на публику работал... Да, делал жест, и в его ладони оказывалась золотая статуэтка из другой ветви Многомирия. Закон... давайте, я буду называть его законом Акчурина... закон Акчурина действовал, и статуэтка оказывалась из обычной материи, все нормально. Но достаточно было Пери-бабе

знать... просто знать о возможности антимиров, антиветвей... и он подсознательно мог вызвать статуэтку из антивещества. Это стало бы однозначным доказательством того, что ветвления существуют, что Многомирие – не просто красивая физическая теория. Не знаю, о чем подумал Акчурин, когда эта идея пришла ему в голову...

– Могу сказать, – Катасонов налил себе еще минералки, сейчас он с большим удовольствием принял бы сто граммов, и не коньяка, как этот француз, а водки, чтобы мысли в голове потекли правильно, а не как им заблагорассудится.

– Могу сказать, – повторил он. – Акчурин обсуждал это с Саркисяном довольно детально. Он был в восторге. Именно это слово использовал Саркисян, когда рассказывал мне о том разговоре. Акчурин, по его словам, радовался, как ребенок, – это была замечательная идея прямого доказательства...

– Ценой гибели сотен людей? – поразился Немиров. – И себя? И Пери-бабы?

– Что вы, в самом деле! Он и не думал ни о чем подобном. Рене, вы проворачиваете? Хотите, чтобы я... Да вы сами можете рассказать, как поступил Акчурин!

– Пожалуй... Правда, я не понимаю деталей, но это пока неважно. Акчурин полагал, что сумеет поговорить с Пери-бабой, добиться аудиенции, некоторые добивались, кое с кем Пери-баба действительно встречался лично. Вера Владимировна сказала, что Олег был у гуру вечером перед... Значит, Акчурин действительно убедил гуру вызвать склейку с антиветвью. Взять в руки антистатуэтку.

– И гуру согласился стать самоубийцей? Ну, знаете...

– Конечно, нет. Акчурин убедил его, что опыт совершенно безопасен.

– Это каким же образом?

– Вы сами понимаете, Игорь! Акчурин привез с собой аппарат для измерения времени, как сказала Вера Владимировна. Только ли? У аппарата были, я так думаю, еще две функции: он мог регистрировать гамма-фотоны, и, кроме того, там был генератор случайных чисел. Так?

Если Немиров надеялся получить ответ на свой вопрос, его ждало разочарование: Катасонов слушал внимательно, но и только.

– Как предполагал действовать Акчурин? – вздохнув, продолжал Немиров. – Смотрите: он договорился с Пери-бабой. Возможно, тому и самому стало интересно. Как бы то ни было, при всем честном народе...

– Почему не наедине с Акчуриним? – перебил Катасонов. – Они разговаривали без свидетелей. Почему бы именно тогда...

– Без свидетелей у гуру ничего не получалось! Для создания нужного душевного состояния Пери-бабе необходима была публика, поклонение, нужны были восторженные взгляды толпы. Нет, Игорь, наедине не получилось бы. Итак, при всем народе гуру производит склейку, и в руке его оказывается статуэтка из антивещества. Масса – граммов сто, как обычно. Сколько времени занимает процесс склейки? Теория об этом не говорит, но, скорее всего, это время сравнимо с квантовым – совершенно ничтожные доли се-

кунды. Начинается процесс аннигиляции – первые атомы антивещества сталкиваются с атомами вещества обычного, возникает ливень нейтральных пи-мезонов, которые, в свою очередь, превращаются в жесткие гамма-кванты. До появления первого гамма-кванта проходит – это в теории достаточно хорошо известно – около стомиллионной доли секунды. Пери-баба ничего еще не успевает ощутить. Акчурина – тем более. Но у него в руке прибор, способный фиксировать жесткое излучение, отмерять время и производить выбор реальности – произвольный выбор, заметьте, поскольку генератор случайных чисел разумом и сознанием не обладает. Смотрите: расстояние от гуру до Акчурина – несколько метров, да? Это расстояние фотон пробегает за стомиллионную долю секунды. Процесс аннигиляции только-только начал развиваться, сотня-другая атомов превратилась в пи-мезоны, а первые гамма-кванты уже разлетелись по сторонам, и один из них попадает в прибор Акчурина. Этого достаточно. Срабатывает генератор случайных чисел, происходит очередное ветвление, сознание в этом не участвует, значит, это ветвление подчиняется закону, который запрещает склейки между разнозаряженными ветвями... Понимаете?

– Продолжайте, – буркнул Катасонов. – Вы так эмоционально описываете...

– Да, собственно, все. В той ветви, где оказываются Акчурина, гуру и весь остальной мир, нет никакой склейки с антиветвью, в руке у гуру обычная статуэтка, он даже ожога не успевает получить, потому что весь процесс этого двойного перехода продолжается меньше микросекунды. А люди в ашраме и вовсе ничего не замечают, все идет, как обычно. И лишь Акчурина знает, что доказательство получено, потому что видит: в момент так называемой материализации прибор зафиксировал всплеск гамма-излучения. Всего несколько фотонов, но достаточно и одного, чтобы доказать теорию, верно?

– Это вы уже фантастическую версию излагаете? – мрачно произнес Катасонов. – Как все могло произойти, если бы... А дальше – успех, публикация, признание, Нобелевка... Да?

– Полагаете, Акчурина думал о Нобелевке? – заинтересованно спросил Немиров. – Это был человек увлеченный...

– Имел одну он думы власть, одну, но пламенную страсть, – продекламировал Катасонов.

– Знаете, Игорь, это ужасно.

– Конечно, – кивнул Катасонов. – Столько людей погибло.

– Я не о том. То есть, не только о том. Вы понимаете, что происходит? Если в науке опять становится возможно с помощью элементарных экспериментов делать открытия... Если опять ученый-одиночка может, как два века назад, придумать, разработать и поставить эксперимент... Двести лет назад в случае неудачи он мог даже сам погибнуть, а сейчас... вы представляете, в какую страшную зависимость мы все попадаем от личных качеств ученого, от его профессионализма, от его мудрости, наконец?

– Представляю, – буркнул Катасонов. – А есть выход?

– Нет, конечно. Наука развивается по своим законам. Вы мне лучше скажите... Я хотел спросить об этом у Веры Владимировны, но не стал... да еще

под вашим бдительным оком. Вы бы просто не позволили ей ответить на мой вопрос.

– Какой вопрос? – с подозрением спросил Катасонов.

– Планы. Они строили совместные планы... ну, когда он из Индии вернется. Поехать куда-нибудь отдохнуть, например? Или на спектакль?

– Спросите у меня, – хмыкнул Катасонов. – Отдыхать он не собирался, отпуск использовал для поездки в Индию, и никаких конкретных планов. Если вы имеете в виду, предполагал ли Акчурин, что опыт может закончиться... м-м... так, как закончился... Нет, он не думал о такой возможности.

– Не мог не думать!

– Не думал, – повторил Катасонов. – Он был уверен в надежности своей аппаратуры. В институте экспериментальной физики об аппарате Акчурина знали многие, тайны он не делал – только о том, для чего на самом деле эта штука предназначалась, не говорил. Юстировали аппаратуру жестко, вероятность отказа была практически нулевой.

– Но прибор отказал.

– Да. И если что-то еще нужно расследовать в этом деле, то – почему прибор не сработал.

– Думаю, – сказал Немиров, – Интерпол обратится к российской стороне с предложением создать совместную комиссию. Или принять участие в международной.

– Что тут можно узнать? – удивился Катасонов. – От прибора ничего не осталось.

– Не знаю, – признался Немиров. – Это уже не в моей компетенции. Но... честно вам скажу, мне стало страшно жить. Извините, что я... Если уж мы завели разговор... Помню, лет двадцать назад много писали о том, что экспериментальной науке приходит конец. «Конец науки» Хоргана – помните?

Катасонов кивнул.

– Чепуха, – сказал он. – Страшилка. Мода была такая. «Конец истории» Фукуямы, «Конец науки»... Что-то меняется, что-то сильно меняется, но... конец?

– Привычной нам экспериментальной науке действительно пришел конец в начале нашего века, разве нет? Коллайдер размером с город, телескоп, части которого размещены на пяти континентах, всему есть предел, основные законы природы уже открыты, ничего принципиально нового наука уже не даст... Гигантомания как раз и означает, что экспериментальная наука зашла в тупик. И так далее. Многие и сейчас так думают. На самом деле наука вышла на следующий виток спирали – от исследования нашей единственной Вселенной к изучению Многомирия. Оказывается, человек может создавать реальности, просто делая выбор. В свое время много спорили об ответственности ученого за сделанные им открытия. Должен Беккерель нести ответственность за открытие радиоактивности? А Ферми, Оппенгеймер, Сциллард, Сахаров, Харитон... они ведь понимали, что делали – и делали... А если бы, как сейчас, великое открытие зависело не от работы тысяч ученых, а от выбора одной-единственной личности? От того, хороший это человек или плохой...

– Законы природы от личности не зависят, – сказал Катасонов. – Если бы не Акчурин...

– Этот эксперимент провел бы кто-то другой! В том-то и проблема. Потому я и говорю: страшно жить в мире, где наука опять, но теперь уже на новом уровне, зависит от личности одного ученого... от его вменяемости.

Катасонов встал.

– Послушайте, Рене, – сказал он твердо, – я понимаю вас, но не нам с вами решать, верно? Мы должны отчитаться – каждый перед своим руководством.

– Вы перед своим уже отчитались, – горько произнес Немиров. – Отослав Саркисяна в Армению, ваше руководство ясно дало понять, что не заинтересовано в полном расследовании.

– Мы хотим сначала сами разобраться, – пояснил Катасонов. – И очень надеемся, что Интерпол на данном этапе не будет настаивать... В конце концов, результат расследования будет...

– Да Бог с ним, с результатом! – воскликнул Немиров. – Ну да, не сработал у Акчурина прибор. И мы не узнаем – почему. Но вы хоть понимаете, что мир изменился? Я уже не об ответственности ученого говорю – это отдельно... И безнадежно, потому что... Господи, не сделает один ученый, пойдет на поводу своей ответственности, так сделает другой, у кого ответственности меньше, а совести вовсе нет. Я о том, что мы живем в Многомирии, и если стал возможен такой опыт по направленному ветвлению, если доказано, что возможны склейки разных ветвей... Дальше – дело техники. Год, два, десять – и кто-то научится пересекать невидимые линии между ветвями Многомирия. Кто-то первым научится вызывать склейки так, чтобы сцеплять миры с антимирами... Все это техника.

– Ну и замечательно, – бодро сказал Катасонов. – Миллиарды миров, с которыми можно связаться. Даже не миллиарды, много больше. Вы представляете перспективы?

– Все это техника... – бормотал Немиров. – И каждый день будешь просыпаться, не зная, в какой ты реальности, и кто еще что-то учудил. Кто сошел с тропинки и раздавил бабочку.

– О чем вы? – Катасонов подошел к окну. В общем, они вроде бы все обсудили. Лишь бы интерполовец не пожелал еще раз встречаться с Акчуриной. Она-то ни при чем. Зачем ей знать, что сотни человек погибли из-за желания ее мужа доказать научную гипотезу? Из-за нелепой ошибки... которой, возможно, и не было вовсе. Может, прибор прекрасно сработал, но какой-то другой закон природы, о котором Акчурин не догадывался, проявил себя и...

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Катасонов, – а то сейчас полет, до машины не смогу добежать. Единственное, что хочу сказать: когда будете готовить доклад, подумайте о Вере Владимировне. Мы не хотим, чтобы она из пресс-релиза Интерпола узнала о том, что...

– Мир стал другим.

– Ладно, – махнул рукой Катасонов. – Прощайте, Рене.

Дверь за ним захлопнулась с неожиданно гулким стуком – будто крышка гроба.

– Он всего лишь сошел с тропинки... – бормотал Немиров. Ему казалось, что с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил ему о перемене. И краски – белая, серая, синяя, оранжевая, на стенах, на мебели, в небе за окном – что с ними случилось? По коже бегали мурашки. Пальцы дрожали. Всеми порами тела Немиров улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. Он понимал, что это – нервы. Слишком много эмоций он потратил, разговаривая с Акчуриной, с Катасоновым. За окном – целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что за люди? Немиров буквально чувствовал, как они движутся там, за стенами, – словно шахматные фигурки, влекомые сухим ветром. Акчурин, – подумал Немиров, – всего лишь сошел с тропинки...

...И сверкнула молния.

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

СЕМЬ СМЕРТНЫХ

ВТОРНИК. ГНЕВ

Люська опять ела арахис.

Какое там ела – жрала, давилась, чавкала. Ухватит пальчиками, и давай жмакать, шелуху лущить. И в рот, в рот! – один желтоватый катышек за другим... Запах – от стены до стены. Ошметки шелухи – где ни попадя. На клавиатуре, на полу, у нее на коленках, туго обтянутых колготочным ажуром; у меня, блин, в печенках!

– Корова! – не выдержал я. – Жвачное, растудыть!

Люська не откликнулась.

– Я тебе сколько раз? Сколько, я спрашиваю!

Молчит. Жует.

– Щас по морде размажу! Жрешь, как не в себя...

Хлопнув ресницами – точно, коровьими! угадал... – Люська ткнула острым маникюром в эмо-карту, висевшую у нее над столом, между видом на гребаный Колизей и конопатой мордой Сеньки, ее дебила-сына, заключенной в рамку, как в тюрьму.

Я пригляделся.

Делать мне нечего, как ее карту помнить. Ну да, точно. Людмила Марковна Нечувалова. Вторник: Ч-62 %. Подпись доктора, закорючка астролога-аналитика; печать клиники. Дата последнего освидетельствования. «График недельных колебаний без существенных отклонений...» У этой буренки по вторникам чревоугодие, да еще и выше среднего. Сегодня разве вторник? Вечно забываю, чтоб ее, дуру... Потому как у меня по вторникам Г-71 %. Гнев, значит. И процент выше Люськиного. Натянуло бы до восьмидесяти пяти, подал бы заявление. На отгулы. Отгулов, ясен пень, не дали бы, пожаловались, зато позволили бы работать на дому.

Гнев от 85 % социально опасен.

– Убью, – буркнул я, душевным усилием гася ярость до приемлемой.

– Я в столовую, – доложила Люська. – Тебе принести бутерок?

– Пошла в жопу!

– Иду, уже иду...

Цок-цок, каблучки. Задом виляет, торопится. Шалава.

– Анатолий Павлович, вас шеф зовет.

– Какого черта?!

– Придете – узнаете...

У секретарши Валечки по вторникам Л-47%. Она от лени на ходу засыпает. Ко мне еле дотасилась. Зевает во всю пасть. Хоть бы рукой прикрылась, лимита деревенская. Когда на работу брали, вторичная лень у Валечки фиксировалась не выше тридцатки. Еще год-два, и с такими темпами роста...

Ничего, шеф ей напарницу подыщет. Это у него, козла, быстро.

Когда я вошел, шеф быстро шаркнул мышкой.

Это он зря. А то я не в курсе, какое окошечко он сейчас свернул. Sexorilochka, новые видеоролики. Черненькие, беленькие, желтенькие. Деточки, развратницы, толстухи. Горы совокупающегося мяса.

– Репортажец, – буркнул шеф.

Он сопел и пыхтел, с трудом восстанавливая дыхание. Узкий лоб взмокрел, покрылся блестящими каплями пота. Бисер, значит. Сам перед собой мечет.

– «Княжий двор», новый ресторан в парке. Оператором возьми Генчика, он в курсе.

– Генчик? – я сжал кулаки. – Генчик идет лесом. Он у меня полтинник занял.

– И что?

– Ничего. Не отдает. На фиг Генчика.

– Не морочь мне голову.

– Я ему морду разобью. И объектив.

Шеф сощурился, глядясь в меня.

– А-а... Забыл. Ты ж сегодня полное Г. В четверг сходи. У тебя что в четверг? Чревоугодие? – он вывел на дисплей эмо-карты сотрудников, нашел мою. – Ага, хорошо. Вот и поешь от пуза. Княжата обещали, от щедрот.

Он все глядел и глядел на меня, словно впервые видел.

– Слушай, как тебе Валька? – вдруг спросил он. – Ну, с утра?

– Дырка с ручкой, – честно ответил я. – Гнать поганой метлой.

– Вот и я так думаю. Томная, теплая. Драть метлой. Скажи ей, пусть зайдет. Я ей кое-что продиктую.

– Глубже диктуй. С подтекстом.

– А ты не хами, не хами. Забуду, что друг детства, вставлю по самое... – взгляд шефа лип к телу, как мокрое белье. – Без вазелина... Короче, возьми Генчика. Возьми его за это... за самое...

Еще минута, и я дал бы ему в дыню.

– Я пошел?

– Что? Да, иди, – туманный глаз моргнул. – Вальку позови.

По вторникам у шефа похоть. П-47%+. Плюс означал непредвиденные колебания в сторону роста.

– Толик?

– Нет, уголовка!

Тупость жены доводила до бешенства. Человек открыл дверь своим ключом, разувается в прихожей, а эта дура из комнаты интересуется: муж, или нет? Ясное дело, это Чероки, наш мопс. Сам выгулялся, сам вернулся. Тапочки берет – жевать.

Идиотка!

Чероки прятался на балконе. Он, гад, хуже барометра. Чует, когда у меня гнев или алчность. Его тогда ничем не приманишь. Однажды руку прокусил, до кости. Я хотел его, падлюку, за шкирку. Он мою барсетку сгрыз.

Зато по четвергам ходит за мной хвостом. А за женой – по воскресеньям.

– Ужин есть?

– Макароны...

– Опять макароны?!

– В шкафчике. Ты свари их, Толик...

Лежит на диване, сволочь. На лбу – мокрое полотенце. Мигрень, депрессия, мировая скорбь. Л/У-54%. Если у Вальки сегодня чистая лень, то у моей – с вариациями. Лень/уныние. На днях была передача, какой-то профессор разъяснял, почему эти грехи – двойняшки. Источники цитировал, на авторитеты ссылался.

Мудозвон.

С трудом удержавшись, чтобы не рассказать жене все, что я думаю про ее невареные макароны, я пошел на кухню. Лучше так. В мае не сдержался, врезал. Назавтра стыдно было – хоть вешайся. Она на шее виснет, целует, в постель тащит. «Бьешь, значит, любишь!» Ну конечно, у нее в среду – похоть. А у меня-то – зависть. Отцеловываюсь, лишь бы отстала, а сердце колотится. Хорошо, мол, тебе, родная. Фингал под глазом – и тот в радость.

Мне бы так...

– Толик?

– Ну что?

– Сделай мне чаю... умираю, Толик...

Ага, умирает она. Еще меня переживет.

Ничего. Бывает хуже. Вон у Авраменко по вторникам чистый цирк. У него – гордыня, у нее – гнев. Весь дом ходуном ходит. Менты через раз. Меня как-то позвали успокаивать. А у меня тоже Г. Чуть не сел лет на пять. Хорошо, Авраменко утюг отобрал. Здоровый, собака. Сказал: «Никто иной, как я, ее убью». И в позу встал.

Я дверью хлопнул и больше к ним – ни ногой.

ЧЕТВЕРГ. ЧРЕВОУГОДИЕ

...и что мы имеем с холодильника?

Гуся, увы, не наблюдается. Опа-на! Балычок-с! Горбуша? Она, родимая. Сейчас мы ее на хлебушек, да с маслицем, да сверху – лимончиком... Где у нас лимончик? И веточку укропа... Сыр? «Дор-Блю», «зеленая марка»? Любимый мой! Нет-нет, мы никуда не торопимся. Мы медленно спустимся с горы... На ломоть батона – «толстым-толстым слоем», как правильно учит нас реклама – и в микроволновку. Тридцать секунд. Ага, кофе подоспел. Ветчинка, помидорushки, шпроттики – «Рижское золото», с медалями! Тор-тик на сладкое...

Заморим червячка?

– Толик, ты sdурел?

– Ыгм?

– Тут еды на неделю! Нам обоим! А ты!.. Ты...

С сожалением откладываю бутерброд. Надо прожевать. Надо ответить. Внятно и убедительно. Иначе благоверная не отстанет.

– Какую неделю, Лидок! Оно ж испортится! Укроп вянет, ветчина сохнет. Про балык я вообще молчу. Пропадет! Жалко...

На «пропадет» супруга покупается. У нее, красавицы, по четвергам А-38%. Алчность, или жадность, если по-простому. Уровень так-сяк, терпимо.

Запасы в холодильнике – со вчера. Похоть по средам – это кстати. Именины сердца! А путь к сердцу мужчины лежит, как известно, через желудок. Наша похоть – не только безумный секс, но и полный холодильник.

Эту истину жена усвоила.

– Балык – ладно... И правда, пропасть может. А сыр?

– Ну, сыр...

– А шпроты зачем открыл?!

– Я?! Это ты их вчера открыла! Я только доедаю. Чтоб не пропало... Присоединяйся! Это я для нас двоих приготовил.

Вру, разумеется. Для себя старался. Скромный завтрак волка-одиночки. Но мне не жалко! У меня обжорка, а не алчность.

Я себе потом еще сделаю.

– Я открывала? Быть не может!

– Ты, ты, лапочка...

– У них же срок годности... Еще полгода лежать могли!..

Супруга вздыхает и подсаживается к столу. Ф-фух, пронесло! Можно целиком отдаться процессу... М-м! Вкуснотища! Чревоугодие – мой любимый грех. Нет, похоть тоже ничего... Жалко, мы с женой по дням не совпадаем. Зато похоть с завистью совмещается.

«Зеркалка»: у меня похоть – у жены зависть, у меня зависть – у жены похоть...

Мог ли я такой кайф от еды получить до эпидемии «Синнера»? Как мы вообще до нее жили? Вспомнить страшно. Паника тогда по всему миру поднялась. Новый вирус! Не лечится, караул! Грипп птичий, свиной; чертячий. Температура, все тело ломит...

Обошлось без жертв.

Переболело 99% населения шарика. А как начались последствия, так грипп и окрестили «Синнером» – «Грешником». «Семь смертных» – по дням недели. Поначалу опять двадцать пять: ужас, кошмар, явление Антихриста! Телевидение слюной захлебывается, интернет трещит, газеты пестрят... Ничего, приспособились. Года не прошло – службы пооткрывали. Бесплатные. Врачи, астрологи, тесты, эмо-карты...

Мракобесы упирались: эмо-карта от дьявола! Ни за что, никогда! Поскулили – утихли. А куда денешься, если при поступлении на работу требуют эмо-карту? В обязательном порядке. Мне даже нравится! По крайней мере, точно знаешь, в какой день чего от себя ждать.

Кто предупрежден, тот вооружен!

Лидок ест аккуратно, стараясь не уронить ни крошки. Тщательно прожевывает, чтобы лучше усваивалось. Темнота! Тут смаковать надо... Она ж не ест – питается! Смотреть больно.

Еще и бормочет под нос:

– ...Жрешь в три горла... если б ты так деньги зарабатывал... скажи шефу, пусть тебе зарплату прибавит...

– Угу, – жую в ответ. – Умгу-ухм...

В дверь осторожно лезет Чероки. Косится на Лидку, крихтит. Ждет, когда я один останусь. Пока благоверная рядом, шиш ему что обломится. Все понимает, зверюга... Дождался! Лидка в ванную ушла. Лови ветчинки, друг человека.

А это, извини, мне.

– ...снимай крупный план. Фасад, столики на веранде. Вывеску – обязательно. Потом интервью с вами, Борис Павлович.

Генчик по-волчьи зыркнул на меня. И взялся за камеру, бурча: «Учитель нашелся! Бондарчук хренов...» Зря я ему про тот полтинник напомнил. У него ж сегодня алчность. Как у моей супруги.

Борис Павлович прихорашивался. Чиркнул по лысине расческой, поправил на галстук заколку с бриллиантом. Сделал значительное лицо с уклоном в торжественность. Гордыня! Век пончиков не видать: она, родимая. Значит, обед закатит на славу – чтоб в грязь лицом не ударить. А поскольку обед халявный, Генчик тоже оценит.

ТЬфу-тьфу, удачно складывается.

Хорошо бы и у шеф-повара гордыня оказалась... Я не выдержал: извлек из сумки пакет чипсов с паприкой. Сунул в рот хрустящий кругляш. Надеюсь, ресторатор все поймет правильно – и проявит снисхождение.

Ох, грехи наши тяжкие...

– Снято.

Черт, быстро он! Я даже чипсы доесть не успел.

– Борис Павлович, встаньте сюда, – раскомандовался Генчик. – Толик, ты напротив. Чуть правее... Чтобы вывеска в кадр попала. Внимание... Снимаю!

– Добрый день, Борис Павлович.

– Здравствуйте.

Гусарский разворот плеч. Вздернутый подбородок. Орлиный взор.

– Как я понимаю, ваш ресторан не зря носит название «Княжий двор»? Сразу возникают мысли о старине, о знаменитых пирах Владимира Красно Солнышко... И, разумеется, об уникальной кухне наших предков. Я угадал?

– Более чем! Интерьер моего ресторана выдержан в истинно славянском духе. Благодаря моему чуткому руководству он ненавязчиво сочетается с достижениями современной цивилизации, обеспечивающими комфорт...

Блин! Это надолго.

– Что же касается кухни, то она воспроизводит блюда упомянутых вами пиров. К примеру, черные грузди, состав рассола и режим засаливания которых я разработал лично. Рецепты старины глубокой, знатоком коих я по праву являюсь...

Живот сводит. Слюна течет.

– ...приглашаю зайти внутрь. Покорно следуйте... э-э...

Борис Павлович с трудом берет себя в руки.

– Короче, все, кто любит меня – за мной.

Лестница ведет на второй этаж деревянного терема. Скрип-скрип! Лакированный этно-гламур. Столы, лавки – из досок. Резные наличники. Официанты в свитках и шароварах. Официантки в кокошниках. Жидкокристаллический «Sony» в серебристом корпусе. Забрали бы его в дубовый короб, что ли?

– Меню.

Береста. Натуральная.

– Девушка, записывайте. Мне: уху «Стерляжью», кулебяку по-древляньски, грузди «Чернобог». Это для начала. Поросенок молочный с кашей «Хрюндель». Жбан «кваску домашнего». И водочки...

– Тмин, анис, облепиха? Кедровка, можжевельная, лимонная?

– А что еще есть?

– Смородина, клюковка? Калган?..

– Графинчик облепихи.

– И графинчик можжевельной! – глаза Генчика алчно горят. – Осетринку «Волга-матушка», суп из белых грибов с олениной «Беловодье»...

Надо и себе «Беловодье» взять. Если место останется.

По телевизору шел чемпионат по боксу. Уголовного вида громила – сразу видно, наш! – долбил защиту быковатого негра. У спортсменов жеребьевка к недельным графикам привязана жестко. Особенно в единоборствах. Надо, чтобы у бойцов гнев совпадал. На лени или чревоугодии много не навоюешь. Если финал чемпионата, гормональными допингами циклы корректируют. Дорогое удовольствие. Потом восстанавливаться замучаешься.

Хотя при чемпионских гонорах...

– ...правый хук Бугаева... Латомба поплыл! На экране вы можете видеть эмо-карты чемпиона и претендента. Гормональная корректировка не проводилась, бойцы работают на естественных ресурсах. У Латомбы это, как и следовало ожидать, гнев. У Бугаева... Потрясающе! Бугаев работает на жадности! 76% черного гнева против 81% нашей, родной алчности! Блестящая серия... апперкот Бугаева... Латомба на полу ринга! Восемь... девять... десять! Это нокаут! Алчность сильнее гнева! Призовой фонд чемпионата составляет...

В голосе комментатора звучала зависть.

СУББОТА. ЛЕНЬ

...по ряду макроэкономических позиций Индия догнала развитие государства. Благодаря значительному превышению экспорта над импортом стране удаётся поддерживать положительное сальдо платёжного баланса как в целом, так и по текущим операциям. Этот фактор способствует накоплению золотовалютных резервов. Поскольку валовой национальный продукт на душу населения в Индии стабильно растёт быстрее, чем численность само-

го населения, она позволила себе такую неслыханную роскошь, как программу повышения рождаемости.

Ведущие экономисты связывают этот скачок в развитии «азиатского слона» с тем, что эмо-карты индусов формируются из смертных грехов, оп-ределенных еще Махатмой Ганди:

- богатство без работы;
- удовольствие без совести;
- наука без гуманности;
- знание без характера;
- политика без принципов;
- коммерция без морали;
- поклонение без жертв...

Газета, шурша, упала на пол.

Ну ее. Глаза слипаются. Наверное, я еврей. Врала мне бабушка, что хохол. Лень по субботам – чисто еврейская удача. Лежи, сопи в две дырки.

Выходной.

– Анатолий! Я кому говорю?

У Лидки по субботам – гордыня.

– Почему мусор не выбросил?

Почему-почему. По кочану.

– Я что, одна должна пахать? Весь дом на мне...

Сплю.

– С утра до вечера... как белка в колесе... Лида – туда, Лида – сюда...

Главное – не отвечать.

– Ты бы без меня в грязи утонул... с голоду бы опух...

На балконе скулит Чероки.

– Гля ты бездельная... тряпка...

Ничего. Дождешься ты вторника. Будет тебе тряпка.

А сейчас – лень.

– Если б не ты, я уже кандидатскую... докторскую... меня Эдик сватал...

Это что-то новое. Обычно Лидку сватал Вахтанг.

– Эдик мне до сих пор звонит. Уговаривает: брось ты своего кретина...

Не-а. Не подловишь. Молчу.

– Озолочу, говорит. Такую красавицу, умницу, чистый брильянт...

– Лидок, мне бы чайку. С бубликом.

– Чтобы я тебе, огрызку, чай заваривала? Не дожешься!

– Ну, Лидок...

– Я? Тебе?! Я арабскому шейху, и то не заварю...

– Твой чай – самый вкусный.

– Не подлизывайся!

– Самый крепкий... самый-самый... гениальный чай...

– Смотри, в последний раз...

Баю-баюшки-баю. Спи, Толясик, мать твою.

...Данте Алигьери в «Божественной комедии» помещает грехи на высший уровень (ближе к раю) и на низший (ближе к аду) в зависимости от их угро-

зы любви. В категорию отступничества от любви он зачислил гордыню, зависть и гнев. Лень он считал симптомом недостаточного проявления любви, и отправил её на промежуточный уровень; а грехи, отмеченные чрезмерным увлечением земными страстями (жадность, чревоугодие и похоть), поместил в высший уровень, подальше от ада и поближе к раю.

Надоело.

Дурак этот Данте. И Беатриче его дура.

Лень есть любовь. К себе.

Зря я поднял газету.

...группа французских рестораторов обратилась с петицией к Римскому Папе Бенедикту XVI. Они предложили понтифику упразднить чревоугодие как грех. По их мнению, чревоугодие – всего лишь простительная слабость. Вкусная еда в разумных количествах, считают французы, смягчает нравы и изгоняет уныние.

Здравая мысль.

Хорошо бы ее додумать.

Завтра.

...обозреватель газеты «Гардиан» пишет, что список смертных грехов сократился, учитывая самоустранение из этого списка жадности. «Жадность, – пишет он, – оправдана и переименована в стимул к работе (incentive). Вспомним девиз Гордона Гекко, антигероя фильма «Уолл Стрит»: «Жадность – это хорошо!» Зрители приветствовали этот девиз восторженными возгласами. Согласно такой философии, грешниками являются те, кто жалуется на жадность генералов большого бизнеса. Ведь недовольные обуреваемы другим грехом – завистью...»

– Пей чай, убожество!

– С бубликом?

– Я тебе когда-нибудь лгала? Хоть раз в жизни?

...профессор Кембриджского университета Саймон Блэкберн подверг сомнению правомерность нахождения в «чёрном списке» похоти. Сладострастие, считает профессор, нельзя осуждать, так как «восторженное желание сексуальной активности и сексуального наслаждения ради него самого – во все не грех, а жизнеутверждающая добродетель». Да, время от времени похоть может выходить из-под контроля. Поэтому «лишь то сладострастие добродетельно, которое взаимно и контролируемо». Своё мнение профессор выразил в рамках проекта, осуществляемого издательством Оксфордского университета «Oxford University Press», цель которого – позиционирование семи смертных грехов в современной жизни...

Размачиваю бублик в чае.

А то его еще грызть...

...Ватикан обновил список «семи смертных грехов», приведя его в соответствие с требованиями современности. Новые смертные грехи были перечислены архиепископом Джанфранко Джиротти в ходе проходившего в Риме семинара для священников. Выступая перед участниками семинара, Римский Папа Бенедикт XVI выразил свою обеспокоенность тем, что люди «переста-

ли понимать суть греха». На вечные страдания в аду теперь обречены наркоторговцы, бизнесмены, обладающие «богатством неприличных размеров», а также ученые, манипулирующие с генами человека.

В интервью ватиканской газете «L'Osservatore Romano» архиепископ Джиротти заявил, что самыми опасными областями – с точки зрения смертного греха – являются биоэтические науки и экология. Также архиепископ зачислил в «величайшие грехи нашей эпохи» аборт и педофилию.

Бывший преподаватель моральной теологии в Папском университете, иезуит Джеральд О'Коллинс, приветствовал изменение списка «смертных грехов». «Мне кажется, что современные священники не вполне отдают себе отчет в том, что касается зла в нынешнем мире, – говорит О'Коллинс. – Они должны лучше представлять социальную составляющую греха и зла, а не думать о грехе лишь на уровне конкретного человека...»

ВОСКРЕСЕНЬЕ. АЛЧНОСТЬ

Хоронили Шурку Литвина.

Я знал, что он долго болел. Даже знал, чем. Все собирался зайти, навесить – и медлил, откладывал. Словно боялся заразиться. Вот, навестил.

На 13-м городском кладбище.

Густая компания провожающих топталась у ямы. Рыдала Шуркина мать. Ее успокаивали две дочери. Отца, строительного воротилы, не было – свалился с микроинфарктом. Пьяненький кузен хотел произнести речь. Очень хотел. Его урезонивали шепотом. Шурка лежал в гробу спокойный, деловитый. Казалось, он собрался на работу, и только ждал, пока все уйдут поминать.

Отличный гроб. Двухкрышечный. Из азиатской вишни. Тонировка красная, глянец. Модель «WASHINGTON E-8-62 HR». Я специально подошел ближе, посмотрел на табличку. Такой гроб на хорошие бабки потянет. Тыщи три баксов. Надо было все-таки проведать Шурку при жизни. Венки, опять же. Гвоздика, роза, хризантема. Пятьсот баксов. Ирис, хризантема. Триста баксов. Дальше – искусственные. От тридцати до сорока.

Ленты вроде бы бесплатно дают. В нагузку.

– Не подскажите, ленты дармовые?

– Какое там! – небритый дядька аж вскипел от зависти. – Пятнадцать долларов! Вы поняли? Пятнашка зеленью, и текст не более восьмидесяти символов. Жируют ритуальщики! Золотое дно...

Я быстренько посчитал в уме. 13-е кладбище – в центре города. Плюс поминки. Выходила очень привлекательная цифирка. Жаль, не моя. Мне на такие похороны пахать – не напахать. Зароют в сосновом, за окружной. Сотни за три на круг.

Эх, Шурка. Нет чтоб друзьям помочь. Взял и умер.

Земля тебе пухом.

– ...сайт правительства, – шушукались сзади не по теме. – Зашел, гляжу...

– Что ты там забыл?

– Они ежегодно свои эмо-карты публикуют. Согласно закону.

– Знаю. Вместе с декларациями о доходах.

– Смотрел?

– Я и так в курсе. Усердие, щедрость, любовь. В дни заседаний – самоконтроль и воздержание. По выходным – смирение. Доброта – ежедневно. От 80% до 101%.

– Ага. А как в отставку, так все, как у людей. Жадность, гордыня, гнев.

– Ну не скажи. Процентовка остается. На прежнем уровне...

Попик затынул отходную. Узкогрудый воробышек, он басил Шаляпиным. Откуда и бралось? С другой стороны, мне его гонорар, я Карерасом запою. Кастратом Фаринелли. «Мерин» на въезде с Пушкинской – зуб даю, батюшкин. Там не панель – иконостас.

Я специально заглянул, когда мимо шел.

Надо было не «кулёк» заканчивать, а семинарию. С красным дипломом. Отбасил бы, подтянул рясу, врубил кондишн – и с ветерком... Стоп. Как-то оно сегодня заносит. У меня жадность, а завистью отдаёт. И еще чем-то попахивает.

Унынием?

Пощупал лоб – нет, здоров. Не хватало еще заболеть. Сейчас на лекарствах разоришься. Упаковка «Фервекса» дороже бутылки коньяка. Антибиотик – вообще караул. В больнице дерут, как с сидоровой козы. Медсестре дай, доктору дай, санитарка за так стакан воды не принесет.

Надо было в детстве закаляться.

– ...грипп, – сказали сзади. – Новый.

– Ерунда, – возразили там же.

– Точно говорю. Из Сомали. Ихние пираты первыми заразились. А там пошло-побежало. Матросня в заложниках сидела, подхватила. Воздушно-капельным путем.

– Не половым?

– Хихоньки тебе... Выпустили заложников, те и разнесли: Швеция, Мексика, Венгрия. Уже до нас добралось.

– И что?

– Циклы сбивает. Недельные. Кто переболел, жалуется: не поймешь, что когда. По карте лень, а тебя от похоти трясет. Завалил бабу, снял штаны – глядь, уже гордыня. Не хочю об всякую шваль мараться. И лень опять же.

– Врут.

– Ну, не знаю. По телику сообщали. Мол, сперва крутит, путает, а дальше вообще лажа. Последствия, значит. Все не вовремя, не по расписанию. Иногда вообще ничего.

– Это как?

– Я и сам не понял. Ведущий – идиот. Рекламная, говорит, пауза...

– Шурик не от этого умер? Не от гриппа?

– Не-а...

Я еще раз пощупал лоб. На всякий случай.

Нищий попался настырный. Он тащился за мной от самого кладбища. Простирал руки, точил слезу. Канючил, тряся кудлатой, отроду не мытой головой:

– На пропитание! Не местные!

Молчу. Прикидываюсь шлангом.

– Погорельцы!

Прибавляю шаг.

– Мама в больнице! Папа в тюрьме...

Не выдерживаю. Останавливаюсь.

– Жадность?

– Ага, – кивает честный нищий.

– Уровень?

– 33%.

– А у меня – 42%.

– По воскресеньям?

– Сам не видишь?

Нищий плюет мне под ноги и уходит прочь.

ПОНЕДЕЛЬНИК. ГОРДЫНЯ

Хорошо, что мы не Авраменки. У них тоже гнев с гордыней – в один день, как у нас с Лидкой. Только процентовка – закачаешься! Найдут Анькины 79 на Славкины 84+ – туши свет, сливай воду! Наши жалкие 26 на 31 – курам на смех.

Зато ссоримся реже.

Хрен бы Авраменко в такой день согласился пса выгулять! А я – ничего. Я не гордый. То есть, гордый, конечно. Чероки – лучший пес в мире! Смотрите, завидуйте. Фу, Чероки! Брось гадость! Как тебе не стыдно? Учись у Дика: он никогда...

Куда?! Стой, животное!

Внял, зараза. Взял пример с Дика. Кошку, понимаете ли, Дик увидел! Ты ж вчера с Брыськой только что не лизался, кобелина! Или у тебя тоже циклы? Ну, загнали на дерево – дальше что? Так и будем скакать и лаять до вечера? Ой! Это не Брыська... Это ж Лярва! Ко мне, Чероки! На поводок – и домой, пока Эсфирь Львовна не объявилась. За свою Лярву она нас с тобой обоих на дерево загонит!

Что-то у меня гордыня сегодня не очень... Подкачала.

Дверь квартиры распаивается настезь:

– Я кого просила мусор выбросить?

Становлюсь в позу:

– Пушкина!

– Я тебе покажу Пушкина! Я тебя, в гроб сходя, благословлю! Ты у меня сам застрелишься, бездарь! Марш на помойку!

Пререкайся со вздорной бабой – ниже моего достоинства. И пойду! И выброшу! Пальцы стальным захватом смыкаются на пакете с мусором. Рвется тонкий полиэтилен.

– Еще на пол мне рассыпь!..

Лидка хмурит брови. Нетушки, актрисуля. Не верю. Одарив жену надменной улыбкой, я покидаю отеческий дом. Хлопаю дверью. Шествую по лестнице. С чувством собственного превосходства.

Начинаю гнусно хихикать. Индюк надутый! Придурок-муж из «семейного» ток-шоу для дебилов. Как жена меня терпит? Верно сказала: бездарь! И место мое – на помойке...

Самоуничжение – паче гордыни?

Возле мусорного бака стояли туфли. Черные. Лак, кожа «под чешую» – итальянские. Каблуки всего на треть стоптаны. В доме завелся олигарх? Сорит деньгами? Подарил бы мне... В последний момент я все-таки отдернул руку. У меня не жадность! И не зависть. Чтоб я туфли с помойки взял?! Гордыня, где ты? Ау! Да что ж это, блин, творится?!

В квартире было тихо. До звонка.

– Лидок? Ты дома?

Тишина сгущается, ватой лезет в уши. Собственное дыхание кажется громом. Кто-то скулит. На кухне. Чероки? Кто тебя обидел?!

За столом сидела Лидка. Плакала, закрыв лицо ладонями.

Какие у нее тонкие пальцы...

– Что с тобой?

– Отстань.

– Ну извини меня, дурака. Я ж не нарочно...

– Не трогай меня... Пожалуйста.

Хоть бы вызверилась, что ли? Я б понял.

– Чего ты, Лид? Все нормально, все хорошо...

Она вдруг отняла руки от лица. Взглянула на меня в упор, смаргивая слезы. Будто впервые увидела.

– Ничего не нормально, Толя. Ничего не хорошо.

«Новый грип. Интервью у Хачатуряна. Вирусолог, профессор. Адрес – ниже. Бегом!!!»

SMS-ка от шефа.

– Ну? – спросил профессор вместо «здравствуйте».

– Интервью, – напомнил я.

– Ну-ну...

И профессор убрел в недра квартиры.

Нервничая, я последовал за ним. Так меня встречали впервые. Попадались неврастеники, мизантропы, кретины, пижоны... Ноев ковчег. Вирусолог выбивался из общего ряда. Юркий, как ящерица. Мелкий, как разменная монета. Самодостаточный, как Мона Лиза.

А еще он был, что называется, выпивши.

С утра.

В кабинете царил мрак. Солнце без особого успеха тыкалось в задернутые шторы. Тени, силуэты; звяканье бутылки о рюмку. Мне профессор не предложил.

– Ну?

Разнообразием он не баловал.

– Угостите акулу пера?

– Легко.

Бутылка звякнула во второй раз. Нет, не жадность, понял я. Гордыня?

Брезгует мелким репортеришкой? Вряд ли. Это у меня сегодня гордыня. Два гордеца сцепились бы еще на пороге. Хотя моя нынешняя гордыня...

Я задрал нос. Вышло не очень.

– Это лечится? – спросил я напрямик.

– Нет.

– Совсем?

– Абсолютно. Пейте, уже все равно.

Я сделал глоток.

– Бренди?

– Арцах. Армянская водка.

– Чем пахнет?

– Кизилом.

– Женщины такое любят.

– Такое люблю я, молодой человек.

И не похоть. Была бы похоть, среагировал бы на женщин. Или на меня, если гомик. Лень? Ишь какой живчик... И не гнев. Гнев я бы опознал сразу.

– Что теперь, Марк Эдуардович?

– Черт его знает. Приспособимся. Мы ж тараканы.

– В каком смысле?

– На нас дуста не изобрели.

– Думаете, пандемия?

– Я не думаю, молодой человек. Я знаю.

– Эмо-карты? Недельные циклы?

Профессор был краток:

– Плюнуть и растереть.

Вешайте меня, жгите огнем, лишайте премии, но лишь сейчас я сообразил, что за темный ангел встал на пороге. Это как же? Это что же? Значит, проснулся я во вторник, а гнева-то нет? Дал жене подзатыльник, и оправдаться нечем? Оторвался на Люске, а смягчающие обстоятельства – хрен с маслом? Что я скажу нищему в воскресенье, пройдя мимо? Мама родная – шпроты... Съел, и мучайся, да?

– Спасите, – шепнул я профессору. – Вы же специалист...

Горло свело, шепот сорвался.

– Работаем, молодой человек. На базе старого штамма вируса. Есть положительные результаты. В принципе, повторно заразиться «Грешником» – реально.

Хотите – верьте, хотите – нет, но я готов был руки ему целовать. При всей моей понедельничной гордыне. Жаль, на профессора сей порыв впечатления не произвел.

Он размышлял вслух.

– Реально, да. Но пики циклов «Грешника-2» – существенно выше. Придется вводить новую процентовку. Откалибруем за милую душу...

– Насколько выше?

– Раза в два. Что у вас с утра? Гордыня? Вот и прикиньте уровень.

Я прикинул. И содрогнулся.

– А если снова? Если опять циклы полетят к чертям?
– Разработаем «Грешник-3». Понадобится – и четвертый сделаем, и пятый. С такими пиками, что закачаешься. Наука, молодой человек, может все. Исследуешь, внедряешь, смотришь – все. Меняй белый халат на белые тапочки.

Его юмор мне не понравился.

– Скажите, профессор... Что у вас сегодня? По эмо-карте?

– Вам для интервью?

– Нет, просто так. Я вот наблюдаю за вами, и никак в толк не возьму... Ни одного ярко выраженного.

– Чего – ни одного?

– Ну, смертного. Греха. Порока. Разве что бытовое пьянство.

Звякнула бутылка.

– Нет грехов? Пороков? Это не беда, молодой человек. Добродетелей нет – вот это уже полный грипп...

– А что, и такое возможно?

– Для науки? Для науки, скажу я вам...

Весь дрожа, я ждал ответа.

Май 2009 г.

МАРИЯ ПАРФЕНОВА

СИСТЕМА СФИНКС

ОСТОВСКОГО ШУЛЕРА ЯШУ БОЛТА ВПОЛНЕ МОЖНО было бы назвать красавчиком, если бы не уродливый шрам, расщеливший правую бровь и спускавшийся по щеке до самого подбородка. Впрочем, надо признать, что означенный шрам жизнь Яше нисколько не портил, а даже наоборот – служил недурной приманкой для барышень, чему Яша был несказанно рад.

Однако подобное украшение осеняло его физиономию не всегда. Выросшего в приличной семье Яшу с детства ставили в пример товарищам – глядите, мол, какой послушный и прилежный мальчик. Уроки делает без понуканий, по заборам не лазает и до ночи неизвестно где не пропадает. Яша скромно кивал и вновь садился за книги – назло приятелям и на радость родителям.

Но всё меняется. Честно отбарабанив пять лет в институте и поступив на работу, Яша вдруг понял, что так жить ему категорически не хочется. А хочется по-другому. Чтобы красиво и с шиком. Чтобы деньги рекой, девушки стайками и вообще – как у людей. А на «как у людей» Яшиной зарплаты не хватало. Ни тогда, ни в обозримом будущем.

И Яша решил: написал заявление об уходе, забрал из ящика стола пачку исписанных листочков и кружку с надбитым краем, выкурил у окна первую в жизни сигарету и стал свободным человеком.

Пугая старенькую маму взерошенным видом и красными от бессонницы глазами, он днями слонялся по квартире из угла в угол, что-то бормотал под нос и чесал в затылке – думал. А через неделю до невозможности обросший щетиной Яша позвонил в дверь соседки Марьиванны и со странным блеском в глазах поинтересовался, не знает ли она, где можно купить шикарный, но не слишком дорогой костюм. Марьиванна знала.

Тем же вечером на углу Пушкинской и Крепостного гуляющие по бульвару граждане могли лицезреть молодого человека, облаченного в темно-серый костюм и до блеска начищенные черные туфли. Легким шагом Яша пересек дорогу, улыбнулся стоящему на входе в казино охраннику и скользнул внутрь.

Весь вечер Яша неторопливо прогуливался между столиками и смотрел. За одним вновь и вновь летел по кругу шарик рулетки, за другим – ложились одна к одной игральные карты, тархтели вращающимися барабанами однорукие бандиты, сновали туда-сюда посетители. Люди играли, а Яша соображал. И что-то рисовал в крошечном блокнотике.

Следующую неделю Яша провел дома. Старательно паял что-то до безо-

бразия мелкое, чертыхался, когда не получалось, и ежечасно консультировался с кем-то по телефону, пересыпая речь таким количеством терминов, что понять, о чем он, было категорически невозможно. А когда от едкого дыма начинало щипать глаза и першить в горле, Яша поднимался и шел к зеркалу – репетировать. «Выигрывать надо натурально», – говорил себе Яша и всячески пытался ошеломить зеркало своими актерскими способностями. Поначалу дело шло туго, но через пару дней он научился вполне натурально краснеть и бледнеть, шумно сглатывать и озираться вокруг, как бы ища подтверждения своему неожиданному счастью.

В один из вечеров уже знакомый нам молодой человек вновь появился у дверей казино. Как и в прошлый раз, он побродил между столиками, со скучающим видом подсел к рулетке, сделал несколько незначительных ставок и без сожаления проиграл все до единой. Театрально поколебавшись – уйти или продолжить, – Яша поставил тоненькую стопку фишек на двенадцать и улыбнулся грудастой девице напротив: чего уж там, всё равно проиграю. Прозвучало неизменное «ставок больше нет», за столом зашумели, делая предположения, кому же сейчас повезет, а Яша незаметно нажал на круглую опаловую запонку. Шарик сделал несколько кругов, замедлился, едва не свалился в «семерку», совсем уж нехотя прокатил еще два сектора и аккуратно опустился в нужный Яше сектор. Но Яша этого не видел – он старательно рассматривал глубокое декольте незнакомки и то, что в этом декольте находилось.

– Вы выиграли! Молодой человек, вы выиграли!!! – Яшу дружески хлопнули по плечу и указали на мирно покоящийся в двенадцатом секторе шарик.

Яша покраснел, побелел, заученно-шумно сглотнул, сгреб полученные от крупье фишки и с дрожью в голосе поинтересовался у декольтированной девицы, не откажется ли она выпить с ним по бокалу martini.

Проснувшись наутро в чужой квартире, Яша сел на край кровати, стоня сон, потряс головой и победно улыбнулся самому себе. Martini оказался хорошим, девица – еще лучше, а главное, главное – запонка работала!

И понеслось! Яша перемещался из одного игорного дома в другой, мелко проигрывал, любезничал с дамочками, скучая, делал очередную ставку, выигрывал, удивлялся. Ставил снова, но уже меньше, вновь проигрывал и, пожелав удачи соседям по столику, уходил менять фишки на хрустящие купюры.

Не появляться слишком часто в одном казино. Не выигрывать много. Время от времени просаживать суммы покрупнее. Простые и действенные законы.

Яша заматерел, обзавелся новой квартирой и автомобилем, стал частым посетителем столичных казино и начал подумывать о возможном переезде в первопрестольную. Жизнь неумолимо приближалась к желанному «как у людей».

Однако во всякой истории существует своё «но». Яшино «но» явилось на свет в виде новой системы защиты игорных заведений.

Уверившийся в полной безнаказанности Яша в очередной раз нажал на запонку, проследил за тем, как шарик покорно лег в нужный сектор и совсем уж собрался потянуться за фишками, как свет в зале моргнул, а в динамиках оглушающе взвыла сирена. Яша вздрогнул и поспешно подавил в себе желание сорваться с места и рвануть куда подальше. И правильно сделал. Не прошло и десяти секунд, как столик окружили крепко сбитые ребята в черных костюмах и вежливо попросили всех играющих оставаться на своих местах.

Не найдя ни на столе, ни под ним ничего подозрительного, ребята переключились на игроков. И в первую очередь – на Яшу. Яша покорно поднял руки, дал себя ощупать и даже осмотреть содержимое карманов. А в ответ на последовавшее за этим извинение охранника сочувственно улыбнулся – с кем, мол, не бывает.

Через некоторое время из тех же динамиков залу объявили, что тревога была вызвана сбоем в системе безопасности, и игра продолжилась. Но Яшину счастьем пришел конец.

После недолгих поисков информации оказалось, что подобные системы устанавливаются во всех казино, которые могут себе позволить подобную роскошь. А таких было большинство. Яша почесал в затылке и переключился на провинцию. Но играть с прежним спокойствием уже не мог. Да и прогресс не стоял на месте. Система защиты стремительно дешеvela, владельцы казино в уездных городках радовались, мрачнел один Яша.

Когда риск быть пойманным превысил шансы выиграть, Яша плюнул, спрятал заветную запонку подальше от чужих глаз и ушел в подполье. Подпольем был весьма симпатичный загородный домик с тренажерным залом и бассейном во дворе. Компанию Яше составляли два добермана, мальчишка-посыльный и пышнотелая горничная, приходящая по первому зову.

Яша днями просиживал в шезлонге, лениво полистывал местные газетенки, кормил доберманов трюфелями и скучал. Не хотелось ровным счетом ничего.

Яшино спокойствие нарушила случайность. По одному из зарубежных телеканалов мелькнул зал казино. Яша заметался по комнате в поисках пульта, дважды споткнулся, опрокинул кружку пива, с третьей попытки попал по кнопке «громкость» и успел услышать всего полфразы, суть которой сводилась к следующему: где-то устанавливалась новая система игры под названием «Сфинкс».

Яша полдня просидел на телефоне – польстил, пригрозил, пообещал не оставить в долгу и кое-что все-таки узнал. Дело было простым как две копейки. Система существовала в единственном экземпляре в небольшом аргентинском городке Сан-Саладо. Сектор «зеро» перекрашивался в оранжевый цвет и украшался крошечным изображением сфинкса. Игроку, чья ставка на этот сектор выигрывала, задавался один единственный вопрос. За правильный ответ игрок получал выигрыш, в двести раз превосходящий ставку. Ну, а за неправильный – прости друг: секундный разряд тока, и наши соболезнования семье. Такие вот незамысловатые аргентинские страсти.

Ни одному здравомыслящему человеку и в голову бы не пришло сунуться в эту аферу. Только не Яше. Как подсказывал опыт, не существовало той системы, которую нельзя было бы обмануть. А не проверить подобное утверждение он не мог. План был простым. Внедриться в состав служащих казино и посмотреть на систему изнутри. Здравомысленно рассудив, что крупному казино будет нужен хоть какой-нибудь работник, Яша засуетился. Собрал два чемодана вещей, перевел в аргентинский банк весьма ощутимую сумму денег, попрощался с мамой и сел в самолет.

Предположение оказалось верным. Во второй же газете обнаружилось объявление о найме. Казино требовались крупье, менеджеры и уборщики. Должность крупье Яша отменял сразу. А из менеджеров и уборщиков, поразмыслив, выбрал последних. Как-никак любые, даже самые секретные помещения надо убирать. А уж в том, что система спрятана в надежном месте, Яша не сомневался ни минуты.

На следующий же день в административном здании компании появился молодой человек крайне неказистого вида – серенький пиджачок, торчащие лопатки, взъерошенные волосы, очки в толстой роговой оправе. Молодой человек покрутил головой, неуверенно проковылял к администратору и дрожащей рукой протянул газету, где фломастером было обведено объявление о работе.

Администратор смерил незнакомца оценивающим взглядом, бросил небрежное «\$Up momento!», и что-то бодро затараторил в телефонную трубку. Через минуту за Яшей (а молодым человеком был, естественно, он) спустилась очаровательная юная особа, при виде которой Яша так густо покраснел и с таким заиканием выдал из себя «\$Buenas tardes!», что будь рядом великий Станиславский, знаменитое «Не верю!» заглохло бы на первом же звуке.

Яшу провели по коридору, усадили в кресло и поинтересовались целью его прихода. Яша наморщил лоб и со страшным акцентом изрек: «Я, искать, работа, надо, очень». Миловидная служащая покивала и, протянув холеную ручку, попросила документы. Яша подал паспорт и прокомментировал: «Ruso». Барышня обрадованно приподняла бровки и помахала кому-то в глубине офиса: по закону подлости, и здесь нашелся кто-то русскоговорящий. Яша вздохнул и покорился судьбе.

Русскоговорящей оказалась сухощавая дамочка лет пятидесяти – со вздернутым носиком, бесцветными бровками и маленькими, часто-часто моргающими глазками. Она смотрела на Яшу влюбленным взглядом, гладила его по коленке и убеждала подучить язык. Дескать, с его высшим образованием, он не то, что менеджером будет, а вообще ого-го куда пробьется. Яша мотал головой и всё глубже вжимался в кресло.

Когда стало понятно, что отвертеться от услуг польстившейся на него особы не удастся, Яша воинственно шмыгнул носом и согласился на собеседование. Дамочка захлопала в ладоши и радушно заулыбалась, обнажив мелкие желтоватые зубки, которых, как показалось Яше, было никак не меньше полутора сотен. Но радость Яшиной патронессы была преждевре-

менной. «Не на того напали», – ухмыльнулся про себя Яша и, не моргнув, спутал Цезаря с Одиссеем, при сложении одной третьей и одной четвертой получил две седьмых, а на вопрос «Что такое маркетинг?» с сомнением ответил, что это, скорее всего, новое название филателии.

На этом собеседование было окончено. Радужная улыбка дамочки сменилась обиженно поджатыми губками, а Яше выдали униформу и определили в уборщики.

Два месяца Яша терпеливо драил коридоры компании и втайне от всех зубрил испанский, а на третий проник за заветную дверь, по непонятному стечению обстоятельств имевшую дробный номер 13/13. Спрятанная за дверью система оказалась утыканным проводками железным кубом на ножках, над которым оранжеватым маревом висела полуметровая голограмма самого сфинкса. Яша улыбнулся и подмигнул сфинксу, а за обедом узнал от одной из уборщиц, что сфинкс полностью автоматизирован и с момента настройки никем не управляется – сам подбирает вопросы и сам же шарахает незадачливого игрока током. Идеальная безошибочная система.

На следующий же день Яша стоял на четвереньках в помещении 13/13 и усиленно шоркал шваброй под кубом, пытаясь по возможности чаще задевать его ножки и дно. В противовес ожиданиям, система безопасности на такое разгильдяйство никак не реагировала – молчала сирена, безразлично смотрели со стен два десятка видеокамер.

Яша ласково обругал аргентинцев обалдуями и приступил к стадии номер два – перерыл два десятка справочников, за большие деньги достал горсть каких-то деталей и огромное увеличительное стекло, на всякий случай проконсультировался со специалистом из Питера и за вечер спаял крошечного, не больше спичечной головки, «жучка».

Загнать жучок в систему было минутным делом. Дождавшись своей очереди убирать в заветной комнатухе, Яша проявил невероятное рвение – отдраил полы, до блеска вымыл окна и ласково прошелся по каждому сантиметру куба метелкой для пыли. На одном из этих сантиметров и находилось будущее Яшино счастье – заранее выкрученный болт. Едва заметное движение, и жучок уютно сидит в углублении для болта, а сам болт тоже не где-нибудь на полу валяется: стоит на своем законном месте – разве что люфтит чуток. Красота да и только.

Яша едва заметно улыбнулся сам себе, еще разок прошелся шваброй по углам и двинулся к двери. Но стоило ключу оказаться в замочной скважине, как куб за Яшиной спиной завибрировал и угрожающе загудел. Яша обернулся: куб чихнул, тряхнул подпрыгнувшими дугами проводов и плюнул в обидчика – злосчастный болт со свистом вылетел из углубления, пулей пронесся через помещение, срикошетил от стены и, в полном соответствии с законом подлости, чиркнул по Яше.

Под потолком ожил десяток мигающих оранжевых ламп, а из встроенных в стены динамиков грохнул оглушающий вой. На этом радостном эпизоде большинству героев-авантюристов настал бы полный и неминуемый кирдык. Но только не Яше.

Влетевшим в помещение 13/13 охранникам предстала прелестная в своей непосредственности картина. Зажавший рассеченную бровь Яша покусывал, размазывал по лицу слезы, тыкал пальцем в куб и на ломаном испанском насылал хулу на гадостную систему, покусившуюся на и без того простую жизнь бедолаги-уборщика.

Когда Яшу вываживали из секретной комнаты, он норовил перемазать кровью всех, кто по неосторожности оказывался рядом, грозил кубу кулаком и требовал компенсации за ущерб здоровью.

Посланные проверить систему техники ничего подозрительного не обнаружили. Болт был ввинчен на место, а Яша получил компенсацию за ущерб здоровью, прибавку к зарплате и пять дней отдыха.

Всю неделю Яша наслаждался всеобщим вниманием: принимал соблезновения по поводу навсегда утерянной красоты, презрительно посматривал на директора казино, прилюдно принесшего свои извинения, и доводил до белого каления техников, замучавшихся объяснять недовольному уборщику, что в покусившуюся на него систему никогда не вводили никаких программ нелюбви к иностранцам, особенно – к русским.

В казино продолжали муссировать слухи об агрессивности системы, а Яша сидел дома, и день за днем принимал информацию, идущую с жучка. Система и впрямь оказалась искусственным интеллектом. И именно таким, как и было обещано – сфинксом. Виртуальная женщина-кошка нежилась в золотых песках, с усталостью и презрением следила за игроками в казино и, как казалось Яше, о чем-то тосковала. Ничем, кроме первоклассного бреда, это предположение, естественно, не было, но не проверить его Яша не мог. И начал с «женщины»: едва переступив порог административного здания казино, заявил менеджеру, что сегодня он будет работать, облачившись в смокинг. Менеджер икнул и поинтересовался причинами столь странного выбора одежды. На что Яша с горечью объяснил, что сегодня на его далекой-далекой родине великий праздник – День Синюшного Бесперспективняка, на коем он, в силу обстоятельств, присутствовать не может, а потому хочет показать свою причастность к этому событию хотя бы парадной формой одежды. Менеджер поскреб в затылке, безуспешно попытался произнести слово «бесперспективняк» и махнул рукой – делай, что хочешь.

Облаченный в смокинг Яша сиял лицом, нарезал круги вокруг заветного куба и весьма недвусмысленно строил глазки голограмме сфинкса. Зверушка не реагировала никак. После получаса бесплодных усилий Яша пошел на крайние меры – расстегнул три верхних пуговицы на рубашке и исполнил такой эротический танец, на какой только был способен, чем немало повеселил сидящих за системой наблюдения охранников. В отличие от них, сфинкс к таким ухищрениям оказался равнодушен. Яша плюнул, домыл полы и, шаловливо помахав сфинксу ручкой, закрыл за собой дверь.

Следующий шанс испытать систему выпал через неделю. Яша погладил куб, прошептал что-то ласковое, поставил на пол блюде с золотистой каемочкой, налил в него молока и принялся за уборку. Не прошло и минуты, как в дверях возник охранник и весьма недобрым тоном поинтересовался,

что это за жидкость, и кой черт Яша приволок эту хрень в помещение повышенной секретности.

Яша развел руками и с честнейшим выраженьем лица поведал охраннику леденящую душу историю о вконец обнаглевших тараканах и о своем героическом решении бороться с этой напастью в меру сил и возможностей – подсыпая отраву в молоко, которое, как известно любому школьнику, является наилюбимейшим тараканьим лакомством. Охранник хмыкнул, покрутил пальцем у виска и уволок блюдце «на экспертизу», а Яша преданно посмотрел в глаза каменной египетской кошке и вздохнул – произвол на произволе.

При экспертизе в блюдце не нашли ничего, кроме молока и заявленной отравы, и вернули оружие борьбы с тараканами на место – пока не будет куплено нечто более современное. Но то ли службы в казино работали медленно, то ли о Яшином нововведении просто забыли – так или иначе, блюдце простояло в помещении 13/13 до следующего утра. А утром случилось следующее.

Проснувшийся по будильнику Яша первым делом направился к компьютеру – проверить, какую информацию успел накачать за ночь его жучок. Но стоило картинке включиться, как Яша ойкнул и осел в кресло: с экрана на него смотрела голограмма свернувшейся клубком кошки. Оную зверушку Яша видел впервые, но готов был поклясться, что это – ни больше ни меньше – половинка его сфинкса. Словно ощутив Яшино присутствие, кошка томно потянулась, выгнула спину, поднялась и шагнула в сторону. За ее спиной, на дрожащем голографическом полу обнаружилось весьма знакомое Яше блюдце с золотистой каемочкой.

Яша сглотнул и судорожно заметался от мысли к мысли. В симбиозе женщина-кошка кошки все-таки оказалось больше. Зверушка откликнулась на предложение испить молочка и, кажется, была готова продолжать сотрудничество. И упускать этот шанс было нельзя. Почесать голограмму за ухом Яша не мог, и мышей, коими можно было надеяться развлечь египетскую гостью, в квартире тоже не водилось. Яша пробежался глазами по комнате: брошенные у кровати тапочки, кружка с остывшим кофе, пачка местных газет. Ничего. Ровным счетом ничего подходящего. Разве что... В углу, прикрытый помятым полиэтиленовым пакетом, стоял старенький магнитофон, доставшийся Яше от предыдущего владельца квартиры. А на полу, рядом с ним, лежал аккуратно сложенный длинный шнур.

Яша гыгыкнул и подскочил с места с такой скоростью, какой не помнил за собой уже лет десять. Шустро смотал шнур в клубок, водрузил его на стол и тихонько подтолкнул в сторону голографической кошки. Зверушка замерла, напряжилась и с силой ударила лапой по экрану.

Яша ойкнул неожиданно прорезавшимся фальцетом и всерьез усомнился в своей нормальности, ибо увиденное не желало лезть ни в какие рамки. А увидел Яша следующее: не успевший долететь до экрана клубок резко изменил направление и поскакал к нему, безбожно колотя вилкой по темному полированному столу. Яша клубок поймал и без особых раздумий бросил его обратно. Игра повторилась.

Весь день Яша ликовал, благодарил судьбу за такое везение и продолжал играть с кошкой. А вечером, когда на зеленые крыши Сан-Саладо спустилась ночь, пушистая гостья Яшиного компьютера сладко зевнула, внимательно посмотрела на Яшу и неторопливо ушла куда-то за границу экрана. Но стоило кошачьему хвосту скрыться из вида, как стоявший на тумбочке принтер утробно ухнул, часто-часто застрекотал и начал выбрасывать на затертый линолеум сотни листков, усеянных мелкими буквами. Уставший чему-либо удивляться Яша подхватил одну из страниц, пробежался по тексту и довольно хмыкнул: подарок когтистой красавицы был поистине царским – страницы были сплошь усеяны ответами на вопросы сектора «Сфинкс».

Однако Яшина радость была преждевременной. Принтер извел всю имевшуюся в запасе бумагу, слопал еще четыре пачки, но останавливаться, кажется, не собирался. В углах комнаты стремительно росли груды небрежно сложенных страниц, а Яша курил и ходил кругами вокруг компьютера, не решаясь выключить принтер. Почует зверушка, что ее подарком пренебрегли, обидится, и пиши – пропало.

Принтер замолк только утром. Яша печально оглядел заваленную бумагой комнату и вздохнул: выучить ответы на все вопросы реальным не представлялось. Яша докурил последнюю из оставшихся сигарет и задумался. Готовыми ответами воспользоваться было нельзя. Стало быть... (тут Яша победоносно покосился в зеркало и подмигнул самому себе)... стало быть, надо генерировать свои вопросы или искать еще какой-то выход. Как это осуществить, Яша пока не знал, но, уходя на службу, оставил у включенного компьютера блюдо с молоком и давешний моток шнура.

Вечером в блюде не обнаружилось ни капли молока, импровизированный мячик валялся в дальнем углу, а на экране, мирно посапывая, дремала пушистая Яшина гостья.

За следующую неделю Яша прочел два десятка книг о повадках и воспитании кошек, обегал все зоомагазины и завалил комнату всяческой ерундой – по углам были раскиданы бесчисленные игрушки и мячики, по коридору ездила заводная мышь, а в самом центре комнаты, маня персиковым шелком покрывал, стояла дорогушая корзина для кошек.

Один день сменялся другим, неторопливо ползла череда недель, из колонок лилось довольное мурлыканье, кошка исправно пила молоко и гоняла мячик. А Яша ждал. И с каждым днем всё больше зверел от такого подвешенного состояния. И неизвестно, сколько бы еще это продолжалось, если бы не его величество случай.

Воскресным вечером в Яшину дверь позвонили. Яша отложил газету, сунул ноги в тапочки и пошел открывать. За дверью оказалась соседка по этажу. Едва завидев Яшу, она что-то затараторила и начала совать ему в руки взборошенную болонку со смешным бантиком на голове. Из обрывков фраз, которые удалось понять Яше, клеилась категорически неприятная картина: соседка собиралась уезжать и просила Яшу подержать собаку у себя. От одной мысли о подобной перспективе Яшу передернуло. Он замотал головой

и вежливо отодвинул протянутую ему болонку. Соседка опять что-то затрепала, Яша опять замотал головой, а болонка, которой, по-видимому, порядком надоело сидеть на руках у хозяйки, крутанулась на месте, спрыгнула на пол и в мановение ока проскользнула в Яшину квартиру.

Едва завидев собаку, голографическая кошка вздыбила шерсть, выгнула спину и с шипением отступила в глубь экрана. А болонка залилась лаем, заметалась по комнате, то норовя накинуться на ожившую половинку сфинкса, то вновь отскакивая к дверям. Бросившийся в комнату Яша вмиг сгреб возмущенно твякающую собачонку, не церемонясь, швырнул ее на лестничную клетку и шарахнул дверью перед самым носом изумленной соседки.

Избавившись от гостей, Яша матерно обругал всех аргентинцев сразу и владельцев болонок в отдельности и обеспокоенно глянул на экран – как там его рыжая красавица? От того, что случилось следом, у всякого нормального человека отвисла бы челюсть. А случилось вот что: кошка, внимательно наблюдавшая за выдворением болонки из квартиры, вдруг громко мявкнула, оттолкнулась от голографического пола, и легко, будто всю жизнь только этим и занималась, перепрыгнула через край экрана, мягко приземлилась на пол, встряхнулась и стала самой обычной кошкой. Живой, пушистой, с хитрыми глазами и тонкими золотистыми полосками поперек рыжей спинки. А вслед за этим экран замигал и предложил ошарашенному Яше определить, когда на рулетке выпадет сектор «Сфинкс» и выбрать вопрос, который будет задан желающему испытать свою судьбу.

Сказать, что у Яши чесались руки проверить работу системы – значило не сказать ничего. Бывший ростовский шулер метался по квартире, то принимался одеваться, то вновь разоблачался, вызывал такси, а через минуту одумывался и отменял заказ. Хотелось играть. Хотелось выигрывать. Много и сразу. Но было боязно. Кто его знает – можно ли доверять этой рыжей бестии. В самом ли деле она готова подарить Яше неслыханное состояние или просто хочет пошалить, глядя, как мир очистится от еще одного жадного до денег человечка?

Так и не решившись испробовать систему на себе, Яша надел темные очки, приклеил тонкие черные усики, облачился в ярко-зеленый костюм, заколол галстук булавкой с поддельным бриллиантом, вышел на улицу и нырнул в такси.

Выйдя из машины в нескольких шагах от казино, Яша увидел то, что и ожидал. Сухощавый старик-араб, разложивший на складном столике несколько десятков талисманов и амулетов, привычно расхваливал товар на всю улицу. Ухо койота сулило удачу в карточном деле, замерший в капле янтаря паучок оберегал от шулеров, а зуб крокодила помогал при игре в рулетку.

Экспериментировать на других Яше казалось неправильным, но другого выхода его, в целом, изворотливый ум пока не находил. Поэтому, дождавшись, когда такси скроется за поворотом, а вокруг будет не слишком много людей, Яша подошел к старику, и придав голосу максимальную загадочность, сообщил, что тот дождался своего звездного часа: вот-вот на него

ссыплется такая сумма денег, о которой ему даже мечтать не доводилось. Старик поднял на Яшу темно-карие глаза и покачал головой – не поверил. Яша покровительственно улыбнулся, извлек из кармана пачку хрустящих купюр и обычный носовой платок, протянул их старику и заверил, что этот платок – самый действенный из всех существующих в мире амулетов. А для того, чтобы получить деньги, нужно просто отправиться вот в это казино, в нужное время сделать ставку на сектор «Сфинкс», а на заданный вопрос ответить... Тут Яша по-шпионски покосился по сторонам и прошептал правильный ответ на ухо старику.

Оставалось только ждать. Яша отклеил усы, снял пиджак и очки и, дабы отвести от себя всякие подозрения, поспешно отправился домой, где для укрепления алиби зашел извиниться перед хозяйкой гавкучей болонки и попросил спички у соседа по этажу.

А наутро всё казино гудело: все, от руководства до последней уборщицы, только и делали, что говорили о невероятном выигрыше уличного торговца. А сам торговец, облаченный в шитый золотом белоснежный балахон, вызывал нескрываемую зависть окружающих, сидя в припаркованном у дверей казино ярко-красном кабриолете.

С тех пор, как Яша уволился с должности уборщика, прошло полгода. Казино обзавелось новым зданием и поменяло адрес. В летнем Сан-Саладо танцевали знойное аргентинское танго, пили текилу и наслаждались жизнью. А в уютном зале казино, за столом с рулеткой сидел средних лет мужчина, в котором далеко не всем удалось бы узнать простого ростовского шулера Яшу Болта – нарождающуюся лысину прикрывал парик, пересекающий щеку шрам скрывали пышные бакенбарды, а на носу красовалась внушительных размеров накладная родинка. На коленях у Яши нежилась пушистая красавица-кошка, а сам Яша попыхивал сигарой и улыбался: шарик описывал последние круги, призывно мерцал сектор с головой женщины-кошки, а желанное «как у людей» приближалось со скоростью галопирующей лошади. Ведь теперь системой «Сфинкс» был он.

БОРИС ШТЕЙМАН

ВРЕМЯ ОХОТЫ

Н УМЕЛ ВЫЖИДАТЬ. НЕТЕРПЕЛИВЫХ И НЕРВНЫХ **ОН** презирал. Они, как правило, гибли первыми. Иногда **он** сутками лежал в засаде. В укромном месте, где-нибудь неподалеку от тайной тропы, ведущей к водою. Ничто не выдавало **его**. Даже запахи, и тот становился едва уловим. Желтые глаза неподвижно смотрели в одну точку. Ни один волосок не шевелился на тогда еще кудрявой голове. Полысел **он** позже. Когда женился. Она была худая и нервная. С острым лицом. Но тоже могла надолго замереть. Видимо, это привлекло **его**. Да и пора было. Она работала в большом НИИ в отделе главного технолога. Вскоре родился сын. **Он** учился тогда в заочном институте на радиоинженера.

Он любил стоять в очередях. **Его** от души веселило раздражение и нетерпение остальных. Никто не догадывался, что два-три часа в какой-нибудь захудалой очереди для **него** были двумя-тремя минутами. Рядом стоящие только чувствовали какое-то беспокойство. Видимо, ощущали исходивший от **него** холод — температура **его** тела в такие моменты падала на несколько градусов — и невольно отодвигались.

После армии **он** устроился работать телефонистом на стадион. Великолепное было время. На небе ни облачка. Тепло. Пряные волнующие запахи цветущих трав волнами накатывали с того берега реки. Чуть слышно постоянно играла музыка. Солнце только на мгновение скрывалось за горизонт. Периодически из-за угла появлялись мужчины и женщины в карнавальных костюмах и масках. Они шептались, смеялись и, притворно вскрикивая, шутливо щипали друг друга. **Он** стоял в проходе под трибунами, прижав плечом к уху телефонную трубку. Невысокого роста, крепыш, с мощными ногами и руками, тонким хищным носом, немного нависающим лбом и глубоко посаженными глазами, **он** наблюдал за молодыми спортсменками. Они нахально семенили голыми ногами мимо **него** из раздевалки к беговым дорожкам, к зеленому полю стадиона. Надо было только не торопиться, не спугнуть раньше времени. Почувствуй хоть одна неладное — все стадо помчится, не разбирая дороги, с такой скоростью, что **ему** их ввек не догнать, хоть **он** и пробегал стометровку за одиннадцать секунд.

В то время в просторной стеклянной банке из-под венгерских консервированных помидоров «Глобус», стоящей на подоконнике **его** комнаты, поселился моллюск. Он осваивал помещение, не торопясь, ползая по стеклянной стене, и довольно мурлыкал популярную тогда мелодию: «Yes, I love you! Yes...» Моллюску казалось, что он сочинил эту песенку, и самоуважение переполняло его. К тому же он просто радовался, как обычный новосел.

За свою недлинную жизнь он впервые получил такое комфортное жилище с восхитительно гладкой круглой стеной.

Тогда еще у **него** были нормальные брови. Это потом, когда **он** стал работать в том же НИИ, где и жена, и заниматься сверхвысокими частотами, обрзавалась лысина, которую **он** старательно прикрывал длинными прядями. Зато в качестве компенсации буйно разрослись брови. Особенно **он** ни с кем не общался. Но, чтобы не выделяться, иногда заходил в курилку, где мог поддержать разговор о хоккее или футболе. Хотя последнее время старался не смотреть подобные зрелища по телевизору. Они стали действовать ему на нервы. Особенно, когда какой-нибудь игрок не доставал до мяча или совершал иную ошибку, связанную с неточным, нерасчетливым движением. Раньше же **он** часто ходил на стадион, куда его по старой памяти пускали без билета. Когда заходил разговор о женщинах, вставлял какую-нибудь соленую плоскую шутку, никогда не имевшую успеха. Это **его** удивляло. Они были, на **его** взгляд, не хуже других, вызывавших улыбки и смех. **Его** сторонились. Зато жена его знала пол-института. Была своим человеком в профкоме и всегда доставала дефицитные продовольственные заказы, которые **он** приносил в лабораторию, вызывая зависть сослуживцев. Женщин **он** одновременно и привлекал, и отталкивал.

Рабочее место **он** отгородил штабелями приборов. А не полюбившихся сотрудников доводил тихим монотонным повторением первых букв их фамилий. Неторопливо настраивая какое-нибудь устройство, сморщив нос и безразлично всматриваясь в экран осциллографа с дрожащими голубыми линиями, он любил вспоминать саванну... Охота... Они с братом гонят стадо антилоп, обезумевшее от страха. Опьяняющий, бешеный топот сотен копыт. Все забыто, ничему нет цены. Только любым способом продлить наслаждение. Они даже не бросались на отставших животных. Все путалось в этой смертельной пляске. Кто преследует, кого, зачем? Оставалась только неистовая любовь к этим, таким быстрым и слабым существам. И лишь когда любовь становилась невыносимой, еще немного — и судорогой сведет тело, они бросались и резали острыми клыками добычу. Окуная головы в теплую хлещущую кровь...

Премию давали раз в квартал. Около сорока процентов от месячной зарплаты. Работал **он** старательно. Приходил раньше всех. И изредка получал повышенную премию, на десятку больше остальных. Этот излишек **он** откладывал, а также экономил на обедах. Жена выдавала рубль в день. **Он** покупал самую дешевую колбасу, которую, в основном, брали для собак, или жевал хлеб, запивая большими глотками молока. Набиралась некоторая сумма. **Он** не швырял ее на ветер, а тратил очень разборчиво. Примерно раз в год покупал себе новые часы. Обязательно японской или швейцарской фирмы, с множеством кнопочек, стрелочек, календариков, целый часовой комбайн-агрегат. А старые загонял, доплачивать приходилось не так уж и много. Не жалел денег и на авторучки. Хотя практически ничего не писал. Но любил достать из внутреннего кармана пиджака диковинной формы авторучку и аккуратно провести несколько черточек. На одежду

внимания не обращал. Ходил по десять лет в одном костюме. Но периодически удивлял сослуживцев сверхмодными галстуками, которые **ему** присылал из Африки брат.

В детстве у них с братом была любимая игра — дурачить слонов. Выберут здоровяка покрупнее и подобродушнее. Станут перед ним, один за другим. А потом разбегутся в разные стороны. И снова один за другого спрячется. Слон такого обычно не выдерживал — не мог представить, глупец, что бывают братья-близнецы, — и мчался к реке. Плюхнется со всего разбега в воду, начнет фонтаны пускать, только так и приходил в себя. А братья рады-радешеньки, смеются до колик в животе. Да, было время...

Смерть отца он перенес легко. Тот долго болел. **Он** был совершенно не похож на отца и был уверен, что тот ему не родной. **Его** сильно мучил тошнотворный запах, исходивший от отца в последние дни. На работе **он** угрюмо попросил вместо положенных трех дней за свой счет два. На сочувственные вопросы начальника охотно ответил:

— Сам долго мучился и других мучил. Не приведи господь! Уж лучше сразу, без дураков! — и **он** резко махнул ручищей.

Начальник согласился, что на полном ходу лучше, двух мнений быть не может. У начальника родители были живы и бодры, и он подумал, что и у него когда-нибудь тоже. От этого не уйти, закон природы. Хотя бывает, что дети в этом деле опережают родителей. Так сказать, нарушение закона... Начальник похлопал его по спине и поинтересовался, не нужна ли помощь.

Женька пришла в лабораторию после аспирантуры. Высокая, стройная, длинноногая. Такого класса женщин, пожалуй, в институте не было. **Он** немного раздвинул приборы и подолгу смотрел на нее в получившуюся небольшую амбразуру. Рука, сжимавшая паяльник, в такие моменты белела от напряжения. **Он** знал, она от него не уйдет. Не надо только спешить. Моллюск, дотеле дремавший в банке, оживился и снова начал ползать, оставляя липкий незаметный след. Смотря на Женьку, **он** вспоминал краткие мгновения свободы, когда все желания удовлетворены и внутри царят сытость и пустота. Потом желания опять надвигались, и снова начиналась изнурительная борьба за их удовлетворение. **Он** мечтал победить все свои желания и стать свободным навсегда. Обсудить эту проблему было не с кем. Друзей у **него** не было. Был приятель. Таксист, живущий в одном с **ним** доме. **Он** уже решил было поговорить с ним, не приведет ли исчезновение желаний к концу жизни. Но таксиста забрали. Оказалось, что он привозил к себе женщин и убивал их. Была большая газетная статья. **Он** любил рассказывать о соседе в курилке. Обычный парень. Веселый. Болел за «Динамо». Сильно переживал, когда те проигрывали. Прямо убивался. И вот на тебе! Скорее всего, ненормальный. На самом деле **он** так не думал. Тот был вполне нормальный, даже чересчур. Сам бы **он** этого делать не стал. И не из страха. Просто ни к чему. Некоторое время со своими воспоминаниями **он** был в центре внимания. Но вот посоветоваться теперь было не с кем. Вся эта история **его** несколько не удивила. Нет, сам бы **он** этого делать ни в коем случае не стал... Хотя в саванне они с братом творили и не такое...

Говорили, что Женька недавно развелась с мужем и у нее трехлетний сын Сашка. **Он** знал, надо ждать. В жизни каждой женщины бывает момент слабости. Надо ждать. **Он** подолгу разговаривал с ней о Сашке. Давал ценные советы по физическому воспитанию. Предлагал свою помощь. Покупал дефицитные продукты. **Он** не торопился. Кто-то обо всем доложил жене. Она устроила скандал. Назвала **его** ничтожеством. Что **он** бы давно опустился без нее, чтоб **он** не обольщался и почаще смотрел на себя в зеркало. Это она все устроила, а так не видать ему старшего инженера в веки веков!.. **Он** молча посмотрел на нее. Сказал, если ее что-то не устраивает, то она может считать себя свободной. Отныне **он** будет давать ей пятьдесят рублей в месяц. Она в ответ надолго замерла, а потом поникшая, как резиновая кукла, из которой стал выходить воздух, пошла на кухню, готовя ужин.

Женьку сначала ошеломил **его** облик. Что-то в **нем** вызывало у нее даже страх. Но потом привыкла. К тому же такой услужливый, всегда посоветует, поможет, причем совершенно бескорыстно. Так необычно в наше время. Она только вздрагивала, когда замечала **его** глаз в амбразуре между приборами. «Вы меня пугаете», — смущенно говорила она **ему**. **Он** с трудом прятал довольную усмешку.

Вскоре **он** убедился, что уже не вызывает своим видом неприятных эмоций. Улучив момент, робко признался ей в любви. Увидев испуг и недоумение, сразу же заверил, что **ему** абсолютно ничего не надо. Просто она должна знать, у нее есть верный и надежный друг, который в любую минуту придет на помощь. **Он**, шутя, поднял огромный прибор, и Женька отметила, что **он** удивительно силен. Через некоторое время **он** рассказал ей о своих домашних неурядицах, жена совершенно чужой человек и не понимает **его**. «Это так обычно», — мягко сказала Женька в ответ. «В ванной по-другому», — усмехнулся снисходительно **он**. «Странный...» — подумала она.

Женьку после работы часто встречал Олег. Он приезжал на новой «Волге» и останавливался за углом. Олег три года проработал за границей, был женат и имел двоих детей. Женька была влюблена в Олега. Их роман длился уже почти полгода. Так долго Олег еще ни с кем не встречался.

К рыбам **он** относился спокойно. Но не понимал, как можно есть мороженую рыбу, и покупал только свежую. Любил наблюдать, как продавец выхватывает большим сачком из небольшого бассейна блестящего, желтой чешуей трепещущего карпа. Но птицы?! Их он терпеть не мог. В том, как они грудой голые лежали на прилавке, было такое непереносимое непотребство, что, проходя по магазину, **он** всегда отворачивался. И потом эти крылья... Если бы **его** попросили назвать что-нибудь самое фантастическое, **он**, ни секунды не сомневаясь, назвал бы птичье крыло.

Он долго и мучительно думал над выражением «жизнь проходит...» И не мог его понять. Как проходит? Почему? Ведь жизнь совершенно неподвижна. Это как дважды два. Это они бегают взад-вперед по жизни, невозможно приближаясь к концу зеленого поля, саванны. К чернеющему лесу. Этот бег напоминал **ему** движение электронов в сильном поле. Они могли

столкнуться с ядром атома, отскочить назад. Но лишь на мгновение. Победить поле они могли...

Он возликовал, узнав о намечающейся командировке. Ехать должны были трое. Женька была в их числе. **Его** в списках не было. Командировка была очень хорошей. В Евпаторию. В сезон, доводить до кондиции разработанный прибор.

Он подкараулил начальника отдела в коридоре. Тот недавно получил эту должность. Еще не привык и упивался собственной значимостью и зарплатой. Начальник стремительно двигался в туалет и думал о производстве. Момент был удобный.

— Можно вас на минуточку? — **он** преградил ему дорогу.

Начальник прекратил движение и вопросительно уставился на **него**.

— Я должен поехать в Евпаторию, — спокойно произнес **он**.

— Кажется, вас нет в списках, — наморщил лоб начальник. — Да, точно нет.

— Надо, чтоб был, — терпеливо пояснил **он**.

— Как надо? — не понял начальник. — Вас нет в списках. Извините. Я спешу, — и попытался продолжить движение. Но **он** положил лапу ему на плечо. Она была покрыта жесткой рыжеватой шерстью.

«Ну и ручища!» — отметил начальник. Ему недавно исполнилось тридцать пять, он каждый день делал зарядку и хорошо играл в теннис. И сразу же возмутился: «Что за фамильярность?! Говорим о дисциплине, говорим... Разболтались... Всегда тихий, подобострастный, и на тебе! Совсем спятили с этой Евпаторией!»

— Вы, просто спя... — начальник посмотрел **ему** в глаза и осекся. Желтые немигающие глаза с вертикальными прорезями зрачков неожиданно сильно напугали его.

— Вы что? — с трудом выдавил он. — Ну, нельзя же так! Поедете, поедете в командировку, и... и не волнуйтесь. Идите, работайте.

Он снял руку, низко наклонил голову и приторно произнес:

— Большое спасибо! Извините за беспокойство!

Начальник снова помчался по коридору, повторяя про себя: «Извините за беспокойство!.. Ну и публика! Прямо, уголовники какие-то, а ведь не подумаешь!»

Как бы невзначай **он** сообщил Женьке, что тоже едет в Евпаторию. Она равнодушно пожала плечами и, вежливо улыбнувшись, сказала:

— Вы же, кажется, не должны были ехать?

— Без меня в таком деликатном деле не обойтись. Начальник упросил, — ответил **он**. — Да и чемодан помогу дотащить.

— Спасибо, меня проводят, — отказалась она.

Женьку провожал этот хлюст Олег. **Он** оценивающе окинул его крепкую фигуру и подумал, что одним ударом, шутя, мог бы перебить ему хребет. Засмеялся и пошел вслед за ними по перрону. Из обрывков разговора понял, что тот собирается на несколько дней приехать к ней, туда. «А как же семья, дети? А, Олег? Нехорошо! — усмехнувшись, подумал **он**. — Жене что ли позвонить?..»

В поезде **он** ни с кем не общался. К Женьке не подходил. Только один раз выскочил на каком-то полустанке, купил душистую дыню и подарил ей. Она начала смущенно отказываться: «Да вы лучше сами...» Но **он** оставил дыню в ее купе и ушел.

В свободное от работы время **он** бродил по жаркому пыльному городу в шортах и вылинявшей футболке. В этой одежде да в стоптанных кроссовках **он** чувствовал себя свободно и легко. **Он** испытывал необыкновенный подъем и прилив сил. Морской воздух странно будоражил **его**. Жара, редкая даже для этих мест, совершенно не действовала на **него**. Один раз, чтобы проверить свою реакцию, **он**, шутя, поймал мчащуюся мимо **него** стрелой кошку. Свидетелей этого происшествия было немного. Один, пытаясь объяснить происходящее, тоскливо заметил из-под соломенной шляпы:

— Жара...

— Разве это жара, — усмехнулся в ответ **он** и брезгливо разжал руку.

Кошка, будто лишившись всех жизненных сил, понуро побрела прочь и, лишь опомнившись, через некоторое время опрометью умчалась.

Женщины посматривали на **него** одобрительно.

Вечерами **он** устраивался всегда на одном и том же месте. Подтаскивал к самому морю лежак. Прислушивался, как море во тьме шлепает о берег. Купался. Потом долго неподвижно лежал полностью расслабленный. Думал о сыне. Тот был похож на мать. Тонкий, хлипкий, сутулый. Ему не пробежать даже двух миль в хорошем темпе. «Как он будет охотиться?» — думал про сына со щемящей брезгливостью. **Он** пытался заставить его делать зарядку, но тот проявлял завидное упрямство. Чуть не бил его, ничего не помогало.

— Ты же пропадешь! Как ты будешь добывать еду, паршивый слизняк! — кричал **он** ему в гневе.

— Ты ничего не понимаешь! Мы не в саванне! Сейчас другое время, — с тупым упорством твердил **ему** в ответ сын, надевал наушники и забивался в отдаленный угол.

Ему хотелось ударить сына, сломать магнитофон, но это было бы глупо и непедагогично, и **он**, сжав челюсти, уходил в другую комнату.

Как-то **он** показал Женьке место на пляже. Сказал, что всегда бывает здесь вечером, что **его** любовь приняла чудовищные размеры, и она должна опасаться. **Он** за себя не отвечает. При этом **он** с силой стукнул по серой шершавой стене дома. Звякнуло оконное стекло. Выглянули из окон встревоженные жильцы-отдыхающие. **Он** резко скрылся за углом. «Такой милый, кроткий... подумала Женька. — И вдруг такие страсти... Прямо... зверь... Вот уж... странный, дикий зверь!» Настроение у нее повысилось. Ей было приятно, что она может вызвать такие мощные чувства.

Вокруг Женьки кружился постоянно меняющийся хоровод мужчин. От смазливых юнцов до людей весьма солидных и состоятельных. Многие, быстро убедившись, что здесь не «светит», отваливали. Но было и несколько постоянных поклонников. Женьке все это нравилось. И успех, и море... Да и работа шла как по маслу. Она пребывала в чудесном настроении. Через пару дней должен был приехать Олег.

Вечером, как обычно, **он** лежал у моря и вдруг почувствовал — все, хватит, пора! «Уж не отдохнуть ли ты сюда приехал?!» — мрачно усмехнулся **он** про себя. Вскочил, слегка напрягив мышцы. Отряхнул налипший песок и трусцой побежал к переговорному пункту. Там, как всегда, толпился народ. Женька как раз заходила в кабину. **Он** незаметно выглянул из-за спины толстого мужчины и, не мигая, смотрел, как Женька набирает номер.

— Молодой человек! Зачем вы дышите в шею?! Отойдите! — возмутился толстяк.

— Тихо, носорог! Не шуми! — вяло огрызнулся **он**, чтобы не привлекать внимания. Толстый мужчина напомнил ему носорога.

«... Олечка, ты не представляешь, как я соскучилась... Целую, милый... И я тоже...» Остальное сюсюканье было слышать невыносимо.

— Безобразие! — возмутился снова толстяк-носорог. — Понаехал всякий сброд! Зарекался ездить на этот паршивый юг! Нет, только в Прибалтику!

— Там то же самое, — посочувствовал **он** толстяку. — К тому же там холодно. Ты озябнешь.

— Ну, знаете, это... это, — стал заикаться носорог.

Женька, напевая, вышла из будки. **Он** незаметно скользнул вбок.

Немного подождав, вошел в телефонную будку. Набрал номер. Закряхтел в трубку:

— Алле.

— Вам папу? — пропищал детский голос.

— Нет, маму!

Стал солидно объяснять. Звонит Женин муж... Как вы не знаете, кто такая Женья? Ваш муж нас не слышит?.. Вышел?.. Очень хорошо... Я намного старше жены. Смотрю сквозь пальцы на некоторые ее шалости. Вы понимаете, о чем я?.. Не понимаете? Ваш Олег уже полгода встречается с моей женой! Это, вы знаете, чересчур!.. Да, Олег и Женья... Не может быть, а точно. Скандал, огласка мне ни к чему. Я занимаю ответственный пост... Надо не охать, а принимать меры... Да, да, именно меры! Он собирается к ней на юг... Какой симпозиум?.. Вы меня просто поражаете, милая!.. Ну, извините! Я просто не мог так это оставить. Прошу прощения... Да, Валерий Степанович... Согласен, ужасно! Но еще все поправимо...

На следующий день он искоса взглядывался в довольное Женькино лицо. **Ему** было ее немного жаль. В обед **он** купил роскошный букет цветов и, когда в комнате никого не было, положил ей на стол.

Вечером **он** лежал на своем месте, на лежаке. Вокруг слышались шепот, приглушенный смех и любовная возня расположившихся на берегу парочек. По дороге в гостиницу **он** встретил двух юных пташек. Они были навеселе.

— Слушай, возьми нас к себе, — сказала одна, обнимая его. — У, какой сильный! Ты посмотри! — обратилась радостно к подруге.

— Вижу. Очень хороший! Хоть и лысый, — отвечала вторая. — Нам где-то ночевать, понимаешь или нет? Нас продинамили! Ты понимаешь или нет?

«А что... — подумал **он** с досадой. — Чем они хуже?» Внутри загорелся огонек. **Он** грубо схватил их, посадил на плечи и пошел.

— Надо же, какой здоровый! Настоящий зверь! — залепетала одна.

— Нам повезло, Нинка! Ведь, правда, повезло! У тебя есть дома вино? — откликнулась другая.

Неожиданно **он** остановился:

— Нет, вам не повезло, крошки! Ко мне нельзя! Пока!

Быстро пошел прочь.

— Противный! Обманщик! — закричали они ему вслед. — Нинка! Да он просто голубой!

На следующий день под вечер **он** снова стоял за спиной толстяка-носорога и сочувственно слушал:

— ...я тебя не понимаю... Что случилось?! Кто звонил? Что ты придумываешь?! Как не сможешь! Какие обстоятельства? Кто наклепал?! Я тебя очень прошу приехать! Ты понимаешь? Очень!.. Нет, ты меня послушай!.. Так ты приедешь или нет? Я тебя никогда ни о чем не просила!.. Ну, хорошо... Извини... Нет, не надо. Да, понимаю.

Толстяк-носорог вяло объяснял **ему**:

— Вы меня просто преследуете. Как только я звонить, вы тут как тут. Я же не могу все бросить и ехать в Прибалтику. У меня заплачено вперед и...

— Не можешь, потому что ты упрямый носорог, — ответил **он** и успокаивающе похлопал его по потной спине.

Женька бросила трубку и как сомнамбула вышла из будки. «Бедная девочка...» — подумал **он**, и желание захлестнуло **его**.

«Вот и все...» — повторяла Женька про себя одно и то же.

Он прекрасно видел в темноте и разглядел Женьку, когда она еще только подходила к пляжу. Пошел ей навстречу.

— Решили искупаться, Женья? — спросил **он** мягко. — Нет ничего лучше ночного купания. Пойдемте на мое место. Я каждый вечер здесь и все жду, жду.

— Чего? — безразлично поинтересовалась Женька.

— Не чего, а кого! Я жду вас, Женья...

Он говорил тихо, вкрадчиво о себе. Иногда она едва слышала **его**. Временами **он** совсем приглушал голос, и только раздавался шепот моря. **Он** рассказывал об Африке, что там навсегда влюбился в саванну. Говорил об особенностях и повадках обитающих там животных. Очень непросто перехитрить этих пугливых и хитрых тварей. **Он** поразил ее знанием мельчайших деталей.

«Рядом незаметный человек... И вдруг незаурядная и такая странная личность... Необычный, сильный человек!» — подумала она, и что-то ее при этом смутило.

Он неожиданно обнял ее и мягко повалил. Ей необыкновенно приятны были **его** прикосновения. Она поцеловала **его**. Ей стало казаться, что небо поменялось местом с морем, а море с пляжем. Воля ее стала плавиться. Ей почудилось, что глаза **его** светятся в темноте... «Боже, что я делаю?!»

Зачем?» — вдруг очнулась она. Происходящее вдруг представилось ей со стороны. Она выскользнула из **его** объятий. Раздался треск рвущейся ткани. И у **него** в кулаке оказался длинный светлый лоскут ее платья. Она стала быстро удаляться вдоль берега. **Он** мог, шутя, одним прыжком настичь ее. Но лишь потянулся так, что хрустнули кости, и стукнул кулаком по лежаку, проломив толстую деревянную рейку. **Он** стукнул так, для порядка. **Он** не был ни раздражен, ни раздосадован. **Он** был почему-то рад, что все сорвалось. Хрипло рассмеялся. Оскалился. Было темно. По-прежнему, с соседних лежаков доносилась любовная возня. **Ему** захотелось напугать их. **Он** тихо зарычал. И возня прекратилась. «То-то же!» — подумал удовлетворенно. **Он** был свободен. **Он** бежал по саванне. Солнце двигалось по чистому без единого облака небу. **Он** бежал и смеялся. Дыхание **его** было легким и быстрым. Приближалось время охоты.

Моллюску до невозможности надоело его жилище. Он возненавидел роскошную стеклянную банку. Он по спирали добрался до горловины. Там на секунду замер. Вид с высоты был прекрасный. И перевалился через ребристый край. Он летел, кувыркаясь, вниз и орал свою любимую песню: «Yes! I love you! Yes...»

ВЛАДИМИР СЕМЕНЯКИН

НЕ ВЕРЮ!

У ВАН ИВАНОВИЧ, ЭТО СЛУЧИТСЯ НЕОЖИДАННО ДЛЯ тебя и для всех окружающих, это перевернёт, сломает привычную тебе жизнь. Твоя жена будет плакать по утрам, а под вечер носить тормозки к тебе в палату. Твои дети будут болезненно вздрагивать, когда у них будут спрашивать отчество. Сослуживцы ещё многие месяцы будут судачить о тебе; в коротких перерывах на лэнч секретарши будут со вкусом обглаживать косточки твоей рухнувшей репутации.

Возможно, тебе покажется в начале, что в том дне ничего особенного нет. Всё будет идти привычно, по уже проторенной, хорошо отрепетированной ежедневной колее... Впрочем, возможно, что-то особое и принесёт тебе тот день – например, повышение в должности. Пусть так и будет!..

С утра тебя разбудит до чёртиков надоевший будильник. Ненавистная мелодия с кровью выдерет тебя из сонной неги. На кухне уже будет возиться с посудой жена, будут вяло переговариваться не выпавшиеся дети. Ты вздохнёшь, понимая, что уже утро, решительно сбросишь с себя одеяло. Встанешь, хрустнув своими не совсем здоровыми сорокалетними суставами. Тщательно оденешься, стоя лицом к окну... Солнце ли будет за окном, хмурое утро ли – всё равно, ты этого не заметишь. Разве что, если в тот день в атмосфере будет что-то совсем уж выдающееся, ты поймашь взглядом видимый среди серых тел высоток клочок неба, чтобы вежливо сказать кому-то в течение дня: «Хорошая погода, не правда ли!», или другое, как бы между прочим: «Ну и небо сегодня! Не иначе будет дождь!»

Закончив завязывать галстук (ты умеешь это делать, не так ли, и, понятнo, очень гордишься, что обходишься в этом деле без помощи жены), выйдешь на кухню. Улыбнувшись милой отцовской улыбкой (у тебя болит гастритный желудок и гадкое настроение – но так надо), крикнешь: «Доброе утро, моя семья!» Дети что-то хмуро промямят в ответ, жена устало отзовётся. Ты сядешь за стол, во главе, величественный, весь строгий такой, с иголочки. Твоя семья будет понимать, что ты торопишься, поэтому обычно-бессмысленный утренний разговор пройдёт скомканно, второпях. Стремительно покончив с едой, ты схватишь свой компьютерный кейс и выскочишь к порогу. Крикнув через весь дом, поторопишь детей. В глубине души затаишь обиду на свою семью – не понимают они, что у тебя ноет желудок и дурно на сердце... Впрочем, вслух ты, конечно, ничего не скажешь.

Дети наконец-то кончат завтракать и поплетутся к порогу, взваливая портфели на плечи. Жена чмокнет тебя, скажет что-то ласково-напутствующее. Потом один из твоих детей вспомнит вдруг, что забыл взять с собой дневник. Начнётся беготня. Уже едва сдерживаясь, ощущая, что желудок

болит всё сильнее, ты бросишь: «Выходите, я пока разогрею машину!» Спустя пять минут, полные нервотрёпки и постоянного подглядывания на часы, из подъезда наконец-то выскочат дети, и ты, вдавив педаль газа в пол, велишь им пристегнуться.

По дороге в школу ты успеешь прочитать замшелую мораль о пользе собираться заранее. Они тебя, конечно, не будут слушать, и ты будешь это прекрасно понимать. Однако всё равно выскажешься, бросив уже вслед, когда дети, торопливо подхватив рюкзаки, выскочат из машины: «И чтобы завтра всё было кардинально по-другому!» Какое слово-то замечательное – кардинально! Сразу видно – интеллигент сказал, представитель великого и могучего среднего класса!

...Твоё пожелание, в кои-то веки, исполнится – завтра действительно принесёт кардинальные изменения. Для тебя – не в лучшую сторону. Но ты это ещё не будешь знать...

По дороге на работу ты попадешь в пробку. Как всегда. Вокруг будут бесноваться водители фур и шестисотых «мерсов», и от бесконечного гула клаксонов у тебя ко всему ещё и разболится голова. Сам-то ты не будешь участвовать в общем безумии – ты из среднего класса, тебе непозволительно ронять своё достоинство. И к чему портить нервы, если сделать ничего нельзя. Резь в боку у тебя станет к тому моменту ещё нестерпимей – не портить нервы, говоришь?

Наконец ты прорвешься сквозь пробку. Проехав в темпе гонщика «Формулы-1» ещё пару улиц, ты увидишь свой офис. Стекло и бетон, три тысячи сотрудников – три тысячи винтиков в сложном транснациональном механизме.

Свернув к воротам подземного гаража, ты улыбнёшься охраннику (хотя на душе скребутся кошки) и, предъявив пропуск, въедешь в открывшуюся створку ворот.

Ты припаркуешь машину и, схватив из багажника компьютер, отправишься к лифту. По дороге ты встретишь Катю Сухишко – милую девушку из отдела бухучёта. Она всегда ходит в синих гламурных туфельках на высоких шпильках, носит безвкусную розовую гламурную кофточку и обливается литрами гламурных духов. Катенька уверена, что так и надо. Более того, в том, что так и надо, уверены все окружающие (притом, окружающие утврждают, что гламур им ненавистен).

И ты, Иван Иванович, сморщив на мгновение нос от оглушительной смеси запахов, тут же возьмёшь себя в руки, и скажешь: «О, Катюша, рад тебя видеть! Как у тебя дела?» Она хлопнет длинными ресницами, позвенит прозрачным смешком и скажет: «Иван Иванович, всё ОК!» Ты скажешь: «Хорошая погода, не правда ли!», или – другое: «Ну и небо сегодня! Не иначе, будет дождь!» Вы войдете в лифт вместе, болтая о какой-то бессмыслице. При этом ты будешь кивать и поддерживать разговор, не спуская с лица идиотскую в своей вежливости улыбку. Ты будешь себя ненавидеть в тот момент – ненавидеть загаённо, не признаваясь себе в этом, и у тебя от этого ещё сильнее разболится желудок. Ты будешь напоминать себе, что так надо,

что так живут все... Хотя нет, не будешь напоминать – ты будешь в этом просто уверен.

Наконец-то створки лифта раскроются, и Катя выйдет, оставив после себя крепкий парфюмерный дух. Два этажа ты проедешь сам. Всё это время ты будешь, продолжая глупо улыбаться, принуждённо думать, какая же всё-таки милая девушка – Катенька Сухишко... И чего от неё уже третий муж уходит... И она почему-то не выглядит особо расстроенной по поводу последнего развода, произошедшего на днях...

Тут ты быстрее прервёшь свои мысли, зарёкшись никогда не высказать бедной девушке указанных выше соображений. «Это было бы бестактно!» – пеняешь себе. И прошло же такое в голову! Не дай Бог сказать кому-то – назовут сплетником...

Ты окажешься на рабочем месте с десятиминутным опозданием. Поздороваясь со своими соседями по «клетке» (твой офис подобен тысячам других офисов по всему миру – картонные ячейки, точно клетки в школьной тетради по математике). Миша Громов, Костя Сидоркин, Антон Юшкин и Борис Манин. Со всеми соседями у тебя установлены деловые отношения – то есть, кроме их имени, фамилии, «мыла» и телефонного номера, ты знаешь только их должность. Ну и, конечно, к каждому у тебя добрососедские чувства (хм, ты в этом пока так уверен!..). Для работы вполне достаточно. Каждый из вас – остров, пусть вопреки словам Хемингуэя. Работаете вместе, в прямом смысле слова плечом к плечу, но на самом деле – вы одиночки, и пустота между вами сродни космической.

Такие соображения ты тоже отбросишь – за ненужностью. Пора будет работать. Приняв таблетку от гастрита, ты подключишь компьютер и выйдешь в корпоративную сеть. Дальше начнётся обычное беличье колесо. Звонки, письма, нервотрёпка, короткие перерывы на еду, деловые разговоры, жонглирование цифрами. И всё время ты будешь бесстрастным, деловым, спокойным. С коллегами будешь сдержано-воспитанным, с руководством – внимательно-услужливым.

А в два часа (отличное время, почему бы и нет?) тебя вызовет босс. Твои соседи уже давно будут знать о твоём грядущем повышении, и когда ты положишь трубку и сделаешь озабоченное лицо, они всё поймут, и тут же примутся подбадривать тебя, давать нелепые наставления, вроде: «Главное, держи себя в руках!», или: «Отвечай на вопросы точно и осторожно!», или вообще, банальное: «Не бойся, всё уже давно решено!» Тебе тысячу раз наплевать на то, что они тебе говорят (им, кстати, тоже), но ты выразишь крайнюю признательность и поблагодаришь их. Потом встанешь и пройдёшь через весь этаж, к двери начальника. Секретарша – как и Сухишко Катя, милая, одинокая девушка в разводе – с улыбкой взглянёт на тебя и выпустит в кабинет, сказав, что надо будет немного подождать.

Ты зайдёшь, конфузливо оглядишься по сторонам – ты тут был пока всего два раза, не привык ещё толком. Сядешь в удобное кресло, обитое скрипящей чёрной кожей. Глянешь на портрет Главы компании, висящий над

столом. Потом в окно. Скучный вид на многоэтажную недостройку – проект умер, очевидно, в результате мирового кризиса...

Мысль о кризисе заставит тебя внутренне содрогнуться – ты её тут же задушишь в зачатке. Ты убедишь себя, что твоей компании кризис не может коснуться...

Устав наблюдать безрадостную картину за окном, ты опустишь взгляд на широкий стол.

Тут-то всё и случится...

На столе – приятного дипломатического коричневого цвета – будет лежать единственный листок формата А4. Ты удивисься, и, скорее по инерции, чем по велению разума, протянешь руку и возьмёшь его. Ты тут же поймёшь, что это совершенно нелепый поступок с твоей стороны – без спросу, с чужого стола (да ещё и с чьего стола!). Дёрнешься положить его на место. Но ты успеешь заметить своё имя и отчество на листке. Тогда любопытство пересилит вежливость и ты вчитаешься внимательнее. «...входит в дверь... – Прочитаешь ты. – **Иван Иванович:** Здравствуйте, Михаил Александрович. *Михаил Александрович проходит и садится.* **Михаил Александрович:** Да-да, конечно... Извините, что я заставил вас ждать. Кручусь, как белка в колесе, честное слово – нервов на всё не хватает. Время сейчас непростое. Весь мир лихорадит... Впрочем, ладно. Давайте перейдём к делу...»

Иван Иванович, ты будешь потрясён, ох, как сейчас вижу твоё лицо! Найдти такую бумажку на столе у своего начальника!.. Нет, смысл написанного до тебя вначале не дойдёт. Тебя удивит сама форма – словно вырванная из пьесы страница. Секунду ты будешь лихорадочно пытаться найти объяснение, потом снова опустишь взгляд на листок.

Ты не успеешь ничего прочитать. За дверью послышится голос Михаила Александровича – ведь так зовут твоего начальника? – и ты бросишь странную страницу на стол. Страница перевернётся, слетит вниз и, скользя по блестящему полу, с шорохом исчезнет под массивным шкафом.

В тот же момент войдёт босс. Ты оторвёшь взгляд от шкафа, встанешь и, вежливо улыбаясь, скажешь: «Здравствуйте, Михаил Александрович». Он рассеяно глянет на тебя, потом пройдёт к столу. Сядет на своё место. Скажет тебе в ответ: «Да-да, конечно... Извините, что я заставил вас ждать». Потом он разведёт руками, и добавит усталым голосом: «Кручусь, как белка в колесе, честное слово – нервов на всё не хватает. Время сейчас непростое. Весь мир лихорадит...» Помолчит немного. Поднимет взгляд. Скажет: «Впрочем, ладно. Давайте перейдём к делу...» Ты согласно кивнёшь. Внутренне ты будешь весь сжат, испуган. Тебя не будет оставлять страшная мысль: если Михаил Александрович вспомнит про листок... Впрочем, твои опасения окажутся напрасными. Босс ни разу не заикнётся о странной распечатке...

Разговор пройдёт как по маслу, под конец вы пожмёте друг другу руки и Михаил Александрович скажет: «Я поздравляю вас». Ты, как и ожидалось, получишь повышение...

Соседи встретят тебя прямо возле двери – поздравлениями и крепкими рукопожатиями. С того момента ты станешь их начальником. Если честно,

на твоё место претендовал ещё Антон Юшкин, но он не будет в обиде (во всяком случае, не выкажет её) и поздравит тебя вместе со всеми. «Иван Иванович, вы получили по заслугам! – Скажет он. – Вы удивительно быстро построили свою карьеру! Откройте секрет – как вы это сделали?» Ты – сдержан и торжественен – ответишь: «Главное – это умение чётко распределять своё время... Ну, и уметь просыпаться по зову будильника!» Все посмеются, соглашаясь с тобой. Ты пообещаешь «отпраздновать это дело», и пригласишь всех на воскресенье. Сделаешь это, скорее, не из дружественных побуждений, а потому, что так принято.

Потом ты извинишься и, вернувшись на своё рабочее место, позвонишь жене. Она быстро возьмёт трубку – точно будет ждать. «Дорогой, это замечательная новость!.. Я очень рада!» – скажет она. Ты согласишься с ней, но в глубине души у тебя будет странное, горькое чувство, которое ты не сможешь объяснить себе.

Ты попросишься с женой, положишь трубку и только тогда вспомнишь про листок, найденный на столе Михаила Александровича. Вспомнишь, как странно текст, написанный на нём, совпал с началом вашего разговора. Впрочем, ты тут же отбросишь эту мысль. Важнее для тебя в тот момент будет проявить внимание к своим отныне подчиненным. Ты встанешь и, перед тем как выйти, скользнёшь взглядом по столу Антона Юшкина... По пустому столу, с лежащим на нём листком, исписанным ровными, аккуратными строками. Ты вздрогнешь и остановишься. Быстрым шагом подойдёшь к столу. Оглянёшься украдкой и поднесёшь листок к глазам.

«Подходит Иван Иванович, – Прочитаешь ты. – **Антон Юшкин:** Иван Иванович, вы получили по заслугам! Вы удивительно быстро построили свою карьеру! Откройте секрет – как вы это сделали? (Про себя). Ну, и чем я хуже? **Иван Иванович:** Главное – это умение чётко распределять своё время... Ну, и уметь просыпаться по зову будильника!»

Ты отбросишь листок и попятишься. У тебя снова занает желудок. Ты будешь испуган – очень испуган. Ты никогда не верил в мистику, всю жизнь прожил не атеистом всё-таки – «во что-то такое» верующим, но в этот момент твоя вера тебе не поможет.

Ты попытаешься подобрать рациональное объяснение. Ничего у тебя, ясное дело, не выйдет. После мучительных секунд бессмысленного раздумья, ты поймёшь только одно: в происходящем тебя больше пугает неспособность рационально объяснить, чем сама по себе необычность. Как себя вести в подобной ситуации – вот что окажется самым непростым для тебя.

Сверкнёт простая мысль – спросить у Антона... Но ты тут же поймешь, что это будет выглядеть смешно. «Слушай, Антон, я тут шёл мимо, и увидел на твоём рабочем столе...» – как чудовищно!

Окончательно отчаявшись, ты решишь пока ничего никому не говорить. Положишь листок на место, усилием воли приклеишь к лицу улыбку и пойдёшь к соседям.

Тебе придётся проявить недюжинную выдержку, чтобы казаться довольным и радостным. Через каждые полчаса ты будешь глотать таблетки от

желудочной боли. Работа пойдёт неровно и тяжело. При разговоре с коллегами ты будешь чувствовать, что на твоём лице написана рассеянная задумчивость. От неудобных вопросов тебя спасёт только гипертрофированная (как и у тебя) вежливость собеседника.

И одна уже совершенно навязчивая, параноидальная, мысль будет язвить тебя. Вдруг это не листок впитывал в себя произнесённые слова – такого и быть не могло, ты ведь находил листок раньше сказанных слов, а Михаил Александрович и Антон УЧИЛИИ текст с листка? Для тебя это будет выглядеть как непонятный сговор.

Наконец-то рабочий день кончится. Обычно ты задерживаешься на десять-двадцать минут на работе, но в тот день ты быстро соберёшь вещи и отправишься к лифту, точно там твоё единственное спасение. Как назло, ты окажешься в лифте не один. С верхнего этажа будут спускаться девочки из отдела кадров. Ты, глубоко вздохнув, войдёшь в лифт. «Иван Иванович, – скажет Аня Куйбышова, – мы слышали, что вы получили повышение! Поздравляем». Ты покорно кивнёшь, буркнешь: «Да-да, конечно» и отвернёшься к стене...

В твоём офисе каждый лифт является ещё и средством рекламы. К одной из стен в них приделан пластмассовый кармашек, в который мерчендайзеры вкладывают рекламные буклеты.

В этом карманчике не окажется буклетиков. Там будет белый лист формата А4. Шрифт Times New Roman, 12 размер. «...**Света Смирнова**: Я ведь и сама, без него способна справиться – верно? И почему я должна убивать свою жизнь на детей? Стирать за ними, утирать им сопля... Как в гадкие древние времена! Вообще, девочки, я думаю, что в наше время женщина должна себя очень не уважать, чтобы иметь мужа и детей! **Аня Куйбышова**: (Про себя) Вот дура (В слух) Да, ты права, Светочка...»

Тебя оторвёт от чтения голос Светы. «Иван Иванович, как ваши мальчики?» – спросит она. Конечно, она захочет просто задать тему для вежливого коротко трёпа – не ехать же молча.

Но в этот момент тебя возьмёт неожиданная злость. Почему-то именно этот вопрос выбьет тебя из колеи. «Учатся, – скажешь ты. – Спасибо, что заинтересовалась!» И добавишь, едко и зло: «Ты ведь любишь детей, не так ли?» Когда ты скажешь это, Света вздрогнет, отшатнётся и испуганно глянет на тебя. «Иван Иванович, что вы кричите на неё?» – воскликнет Анюта. Ты ничего не ответишь – просто отвернёшься к стене, хмурый и злой.

«*Дверь лифта открывается.* – Будет написано на листке дальше. – *Входит Иван Иванович. Девушки замолкают, глядя на него. Дверь закрывается. Лифт, дёрнувшись, двигается дальше.* **Аня Куйбышова**: Иван Иванович. Мы слышали, что вы получили повышение! Поздравляем. **Иван Иванович (сердечно)**: Да, девочки, большое спасибо! **Света Смирнова (после паузы)**: Иван Иванович, а как там поживают ваши ребятишки? **Иван Иванович**: Учатся! Лёша вот к экзаменам готовится – не разгибаясь, читает учебники. У него по физике есть кое-какие проблемы... **Света Смирнова**: Никогда физику не понимала! Эти валентности и спектры... Жуть!»

Ты прекратишь читать и невесело усмехнёшься. Обернёшься к девушкам. Они будут подавленно молчать – пожалуй, давно им не приходилось молчать так долго. Света будет стоять, понурившись, и в глазах у неё будут поблёскивать слёзы. Ты захочешь извиниться перед ней, но тут же подавишь это желание. Ты поймёшь, что сделал всё правильно. Возможно, впервые в жизни.

Когда лифт спустится в гараж, первой из него быстрым шагом выйдет Света. Ты увидишь, как у неё вздрагивают плечи, и поймёшь, что она беззвучно плачет. Аня выйдет вслед за подругой, обернется, крикнет: «Зачем вы так, Иван Иванович!», и побежит вслед за Светой. Ты виновато глянешь им вслед, не удержишься и крикнешь: «Света, извини меня».

Потом подопрёшь ногой закрывающуюся дверь лифта, выхватишь из пластмассового карманчика листок с текстом, отпустишь лифт и пойдёшь к своей машине. По дороге ты медленно, с чувством порвёшь листок на мелкие клочки. Сев в машину, положишь их на соседнее сиденье.

Ты попросаешься с охранником и выедешь на вечернюю улицу. Разогнавшись, выбросишь клочки за окно. Ты откроешь все стёкла, и ветер с оглушительным гулом ворвётся в машину. Он будет трепать твои посеребрённые сединой волосы, забьётся тебе в глаза, выдавливая слёзы. Остановливаясь на перекрёстках, ты будешь смотреть в окно, провожая взглядом медленно бредущих по тротуарам пешеходов. «Лжецы» – будешь говорить сам себе... Жаль, что правда открылась тебе тогда только с одной стороны.

Ты приедешь домой раньше времени. Жена откроет дверь и с улыбкой скажет: «О, дорогой, ты сегодня рано!» Ты сразу, с порога, задашь ей вопрос: «Нина, как ты думаешь, все люди врут, или есть такие, которые говорят правду?» Она удивлённо отшатнётся от тебя. Так, как совсем недавно сделала это Света Смирнова. Слишком похоже... У тебя похолодеет всё внутри от этой схожести.

«Ваня, что случилось?» – спросит жена. Ты, не разуваясь, не снимая куртки, пройдёшь мимо неё, мимо испуганно замерших за её спиной детей – в гостиную. Ты угадаешь совершенно точно. Там, возле телефона, среди бумажек, на которых записывают временно необходимые номера...

«Что случилось?» – снова спросит тебя жена, осторожно подходя к тебе сзади. Ты схватишь в руку листок, скомкаешь его и свирепо обернёшься к ней. «Я у тебя хочу спросить то же самое! Что это такое?!» – крикнешь ты. «Ты почему повышаешь на меня голос?» – скажет она со слезами в голосе.

Ты возьмёшь себя в руки. Подавив ярость, протянешь ей лист. «Прочитай!» – скажешь ты. Она испуганно глянет на тебя, потом возьмёт из твоей руки скомканный листок. Развернёт и прочитает вслух: «Вася Горбушкин 145-65-12...». «С другой стороны!» – крикнешь ты. Она дрожащими руками перевернёт лист.

«**Нина Александровна:** Ваня, что случилось? *Иван Иванович судорожно переворачивает бумаги. Наконец, находит ЛИСТОК.* **Иван Иванович:** Я у тебя хочу спросить то же самое! Что это такое?!»

Она прекратит читать, поднимет на тебя испуганные глаза и начнёт говорить: «Ваня, я не понимаю, почему...» Ты перебеёшь её: «А я, думаешь,

понимаю – почему? Сегодня весь день меня повсюду – даже здесь, дома! – преследует эта... чертовщина!» «Не ругайся при детях!» – крикнет твоя жена. Обернётся, скажет: «Мальчики, идите делать уроки!» А сама войдёт в гостиную, закрыв за собой дверь.

«Ну что случилось, Ваня? – спросит она, подходя к тебе ближе. – Что на тебя нашло?» Ты, не слушая её, примешься метаться по комнате. «Нина, я сегодня весь день нахожу вот такие бумажки! И на них то, что говорят люди! Нина, неужели и ты тоже... Господи, какой кошмар!» Она будет испуганно следить за тобой, потом скажет очень спокойным голосом: «Ваня, успокойся... Ну что ты...»

Мягко возьмёт тебя за руку и усадит в кресло в углу комнаты. «Вот, сядь. Всё будет хорошо», – скажет, садясь рядом на корточки, заглядывая тебе в глаза, не выпуская твою ладонь из своей. Ты одёрнешь руку. Скажешь с горечью: «Нина, ты тоже – врешь мне!» Она побледнеет, когда ты ей это скажешь, но тут же вздохнёт и скажет снова спокойным голосом: «Ваня, я же вижу – ты просто устал. Ты много работал последнее время... Ну давай ты успокоишься, и всё мне расскажешь, только уже спокойно...» Снова возьмёт твою руку. «Ты возьмёшь отпуск – и мы уедем, подальше от всей этой суеты ... На майские уедем в Крым. Мы будем слушать морской прибой, и ложиться спать пораньше, а вставать – когда уже будет жарко на улице... Успокойся, Ваня...» Ты посмотришь на неё: «Словно бы там ты мне меньше врать будешь».

Тут она не выдержит, встанет в полный рост, отступит на шаг и крикнет: «Ну как, скажи, как я тебе вру?! Ты что, с ума сошёл?! Откуда ты это взял?! Я думала, что у нас будет такой прекрасный вечер...» Ты тоже встанешь, шагнёшь к ней. «Лживый, наигранный вечер, полный не до конца искренних поздравлений родственников и друзей!.. Слушай, неужели нельзя говорить только то, что думаешь? Думаешь сам, целиком и полностью сопоставляя слова с тем, что хочется сказать, – спросишь ты. – Просто то, что хочется сказать, а не то, что надо?! Не врать другим, говорить им об их грехах и ошибках, не боясь сделать им больно? Ведь всё равно они сами увидят правду, и им от этого – от этой страшной раздвоенности – будет ещё хуже... Может, от этой раздвоенности и есть все беды человечества? Ведь могли люди раньше быть честными?.. Или и раньше было так же?!»

В этот момент она заплачет. Ты шагнёшь к ней, обнимешь, не прерываясь, продолжишь, уже шёпотом, ей на ухо: «Ты любишь меня, я знаю это... Но неужели обязательно говорить со мной так, как это мне нравится? Нельзя говорить просто и легко – как живут бабочки-однодневки? Зачем играть в эту игру?»

Жена ещё долго будет плакать, а ты будешь утешать её, шептать уже другое: «Ну, всё-всё, успокойся, ну я был не прав... Не надо было кричать – тут я не прав...» Наконец она успокоится. Отстранится от тебя, глянет тебе в глаза. В знак примирения, коснётся своими губами твоих губ. «Я люблю тебя», – скажет она. Ты скажешь в ответ то же самое. «А теперь дай сюда этот злополучный листок...» – скажет она.

Твоя жена порвёт листок – на кучу мелких частей – и выбросит в форточку. Ты будешь следить за ней, усталый и бессмысленный. «Ладно, пошли есть», – скажет она, вытирая слёзы и делая на лице улыбку. Откроет дверь в коридор, крикнет искусственно весёлым голом: «Мальчишки, идём есть!» Ты несколько минут постоишь, не в силах двинуться с места. Потом снимешь куртку, медленно пройдёшь в ярко освещенный коридор. Слушая весёлый говор на кухне (словно и не случилось ничего), пройдёшь в ванную. Закроешься на замок. Включишь холодную воду. Набрал полные ладони, плеснёшь себе в лицо. Потом ещё раз наберёшь и плеснёшь. И ещё раз, и ещё...

«Хоть бы не было ничего этого... – будешь бормотать сам себе под нос. – Хоть бы не было этого злополучного дня... Что же это... Все вокруг – все врут... И друзья, и знакомые – все... Нельзя и слова молвить, чтобы не соврать... И даже я... Я... Сам себе... Тоже... Не верю!» Шокирующая мысль!

...Да, дорогой Иван Иванович – и ты сам себе врёшь. Твоя роль в страницах сценария тоже была. Помнишь – **Иван Иванович...**

Не выключая воду, ты медленно поднимешь голову, сотрёшь рукавом пиджака воду, стекающую по лицу, прищуришься и подозрительно глянешь в большое ванное зеркало над умывальником...

Приехав по вызову твоей жены, доктора выломают дверь. Они так и найдут тебя, останутся на пороге, профессионально поблёскивая стёклами очков, а ты будешь с ужасом и недоверием всматриваться в глаза собственного отражения, и всё повторять, повторять себе под нос удивлённо и горько: «Не верю! Не верю! Не верю...»

12.01.2009

ТАТЬЯНА ПЛИХНЕВИЧ

РИМЛЯНЕ В МЕКСИКЕ (ОЧЕНЬ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ, ИЛИ ГЕНИАЛЬНЫЙ РОМАН-2)

МФИТЕАТР КОЛИЗЕЯ РЕВЕЛ. НА АРЕНЕ ВЫСТУПАЛ любимец публики – гладиатор Спартак. Он уже сразил великана-нубийца и парочку галлийских варваров. Пришло время потягаться силами с дикими зверями.

На арену выпустили тигров – сразу двух. Спартак принял боевую стойку, готовясь отразить нападение.

Гай Максимус Цезарь, сенатор и генерал римской армии, наслаждался зрелищем боя. Сегодня (как, впрочем, и все предыдущие дни) он был на вершине блаженства. В недавнем прошлом – удачный поход, триумф, награда императора. На вилле и в поместьях – тысячи рабов, покорных первому щелчку. Сегодня вечером – пир у Лукулла, ну а сейчас... Любимая забава всех мужчин – бои. А из соседней ложи улыбается прекрасная Луцилла.

Тем временем Спартак справился с тиграми и стал бороться врукопашную с медведем.

– Как он силен! – с восхищением прошептала Луцилла.

– Я сильнее, – отозвался Гай Максимус Цезарь.

– И ты мог бы с ним сразиться?

– Конечно. Дай ему расквитаться с медведем. Потом я вызову его на поединок.

Ждать пришлось недолго. Слегка потрепанный, Спартак вышел из боя победителем. Гаю Максимусу Цезарю пришлось выполнять обещание, данное даме...

Гай Максимус Цезарь проснулся ближе к вечеру с гудящей головой. Нет, все-таки вчера перегуляли. Не надо было после всего идти к Лукуллу...

Что было-то?.. Лукулл... Луцилла... Ах, Луцилла! А до этого – славная драка. Как он отделал этого варвара! Кажется, слегка перестарался.

Гая Максимуса затошнило. Свинные язычки Лукулла... Да, и хиосское вино.

К закату Гай Максимус Цезарь слегка отошел. Он возлежал после бассейна и массажа, попивая разбавленное вино, когда раб доложил, что к нему – посетитель. В атриум вошел худой носатый человек в потертой тоге – поэт Овидий Вергилий Публий. Трудно вообразить двух более несхожих людей,

чем знатный военачальник и нищий поэт, однако они были лучшими друзьями – как видно, каждый искал в другом то, чего недоставало самому.

На сей раз Вергилий Публий был встревожен.

– Плохие новости, – без предисловий начал он. – Сегодняшнее заседание Сената...

Гай Максимус Цезарь поморщился. Ах да, он пропустил заседание. Невелика беда! Один раз проголосуют без него. И чего этот поэт так суетится...

– На сенате обсуждался твой вопрос, – продолжал Публий.

– Мой вопрос... А в чем же – мой вопрос?

– Сенаторы пришли к единодушному решению, что твоя вчерашняя выходка позорит все сословие патрициев. Сражаться на арене как гладиатор, как раб! Да еще и убить всеобщего любимца! Трудно тебе было пощадить того фракийца?!

– Да это, в общем-то, случайно получилось. Ну, ткнул я его слишком сильно мечом – с кем не бывает! Заплачу Крассу возмещение – хоть миллион сестерциев. Средства позволяют.

– Да не в возмещении дело! Пойми ты, Спартак – это идол. Кумир молодежи.

– Погорюют и найдут других кумиров. К примеру... этого... что ты рассказывал... ну как его... Сократа.

– Так он давно умер.

– Уже! Вот незадача.

– Да не в кумирах дело! – гаркнул что было сил Овидий Вергилий Публий.

– А в чем?

– Ты в опасности! Император разгневан.

Гай Максимус Цезарь сел на ложе.

– Сам император! Что случилось? Рассказывай быстрее, да не тяни!

– Цицерон произнес пламенную речь о моральном облике патриция. Ее список дошел до императора – ты знаешь, он его поклонник, все речи читает. Ну... император рассердился на тебя и... в общем... ты в опале. А тут еще египетские события...

– Какие еще события? Причем тут Египет?

– Ты что, с луны свалился? Антоний взбунтовался!

– Антоний?! Этот выскочка...

– Ну да. Женился на Клеопатре, прибрал к рукам весь Египет, вот-вот объявит себя Цезарем. Об этом, в общем-то, и говорили в сенате, а твой вопрос обсуждался по ходу, в разделе «разное». Цицерон (опять же Цицерон!) в своей очередной пламенной речи провозгласил, что Карфаген должен быть разрушен...

– А причем тут Карфаген? Он разве... уже не того...

– Молодец – хоть что-то помнишь из истории! Конечно, Карфаген – фигура речи, в смысле «Египет». Решено было послать туда экспедиционный карательный корпус. Возглавить его – твой единственный шанс. И я с тобой отправлюсь.

– А ты мне зачем? Из тебя воин... И, вроде бы, ТЫ – не в опале.

- Я и не собираюсь воевать. Я жажду знаний. Египет – древняя земля, страна чудес. А Александрийская библиотека, говорят, самая крупная в мире...
- Ладно, книжник – беру тебя в поход. С тобой все-таки веселее.

Гай Максимус Цезарь был доволен собой: блиц-криг удался на славу. Сперва Антонию всыпали как следует в морском сражении при Акциуме, потом дожали в Битве Пирамид. Антоний, трус, не выдержал позора – закололся. Клеопатра еще некоторое время обороняла столицу. Ее хотели захватить живой, да не успели – отравилась, змея! Но эта досадная мелочь не омрачит триумфа. Египетские провинции снова покорны Риму – вот что главное.

Гай Максимус Цезарь принимал парад. Перед ним проходили когорты, манипулы, центурии... Сияли начищенные до блеска доспехи, отражая свет солнца. Колонны печатали шаг.

За победоносной армией – военные трофеи: пленные военачальники в национальных костюмах, золотые колесницы фараонов, вереницы рабов, клетки с экзотическими хищниками для гладиаторских боев... Император должен оценить труд по достоинству.

– Самовлюбленный дурак – чему ты радуешься? – зашептал на ухо триумфатору Овидий Вергилий Публий. – Тебя уже внесли в проскрипционные списки.

– Откуда информация? – обалдело спросил Максимус.

– Вечером расскажу. Сейчас не время – много лишних ушей.

Настроение генерала испортилось. Приветственные крики толпы и бравые рапорты вояк уже не радовали. Интересно, откуда этот пройдоха поэт исхитряется добывать эксклюзивную информацию? Вечно он все про всех знает, повсюду у него друзья... И нет бы рассказать что-то хорошее – так вечно гадости пророчит. Которые, как ни печально, сбываются.

– Олух – ты упустил Клеопатру! – объяснял вечером генералу поэт. – А ведь наш Цезарь хотел на ней жениться! Этого он тебе не простит.

– Так что же теперь делать?

– Сматываться поскорее отсюда – туда, где он нас не достанет.

– Куда же?

– Есть идея. Недаром я проводил все дни в библиотеках и храмах, пока вы гоняли Антония. В старых свитках можно много чего вычитать, а старые жрецы – кладезь премудрости.

Входи, Рамзес!

В покои вошел сухонький старичок и что-то залопотал по-египетски.

– Что он говорит? – раздраженно спросил Максимус Цезарь. Он был зол на друга – без спросу привел в дом невесту кого.

– Он говорит, что может показать нам путь к неизведанным землям, что лежат за Геркулесовыми Столпами.

– За Геркулесовыми... чем?

– Не важно. Это так далеко, что императору до нас не дотянутся. Там мы можем быть в безопасности.

– А старикашке-то какой с этого прок? С чего это он вдруг нам вздумал секреты выбалтывать? Или ты уже пообещал ему мои поместья? Зря надеется – Цезарь в казну отберет.

– Нет, дело не в этом. Старик – жрец, нарушивший древний обряд. За это его должны скормить священным крокодилам на ближайшем храмовом празднике. Он вызвался плыть с нами вместе – дорогу показывать.

Флот пока что тебе подчиняется, армия – тоже. Слухи о проскрипции дойдут нескоро. Должны успеть.

Собери всех, кто тебе верен. Я тоже приведу своих друзей. Старик пообещал помочь с матросами. Через два дня отплываем.

В день отплытия флотилии в порту былолюдно как никогда. Войско Гая Максимуса Цезаря отправлялось к Геркулесовым Столпам почти в полном составе. Мало кто захотел отвечать перед императором за невинно убиенную Клеопатру.

Овидий Вергилий Публий привел толпу каких-то нищих оборванцев и заявил, что все они – его друзья. Но всех переплюнул старик. За ним, похоже, пришло пол-Египта.

– Их что – всех хотят скормить священным крокодилам? – спросил Гай Максимус Цезарь, угрюмо оглядывая шеренги смуглых египтян в набедренных повязках.

– Нет, они бегут от римской оккупации.

– Всех взять с собой мы не сможем – корабли не выдержат груза, потонут. Пусть тянут жребий, кому плыть сейчас, а кому – следующим рейсом.

– Так ведь следующего рейса не будет.

– Да. Но им об этом знать необязательно.

Посадку на корабли закончили под вечер. Гай Максимус Цезарь хотел было отложить отплытие на завтра, но и поэт, и старик-жрец уговорили его не расслабляться. И точно. Не успела флотилия выплыть из гавани, как с последнего из кораблей было замечено подозрительное облако пыли, приближающееся к порту.

– Наверное, погоня за старым жрецом, – решил генерал, когда ему доложили об этом.

В тот же миг его флагманский корабль чуть не столкнулся с триремой, плывущей навстречу. На мачте развевался флаг с гербом императора.

– Успели... – подумал Гай Максимус Цезарь.

Гай Максимус Цезарь устало вглядывался вдаль. На горизонте – ничего, кроме воды. Так было вчера, и неделю назад, и месяц назад, и два месяца...

Морской поход длился без малого полгода. Шторма и нападения морских

чудовищ уничтожили половину флотилии. Экипажи оставшихся судов по-редели от недоедания и болезней.

– Обманул нас старик, Рамзес Сусанин. На край света сманил, чтоб все сгнули, – с отчаянием думал генерал.

И тут... На горизонте показалось облачко... нет – дымка... нет... земля.

– Земля! – закричал Гай Максимус Цезарь.

Корабли приближались к неведомому берегу. Вскоре стали различимы строения невиданной архитектуры – ступенчатые пирамиды, странные, удивительные скульптуры – огромные головы без тел. Растительность была чахой – одни кактусы.

На побережье ожидали приветливые туземцы в сомбреро и мокасинах. Десятеро из них держали огромный плакат с надписью “Welcome to Mexico!”, остальные распевали веселую песню, аккомпанируя себе на гитарах и потрясая маракасами-трещотками. Из слов Гай Максимус Цезарь смог различить лишь “la playa”, но все равно понял, что их ждет теплый, дружеский прием.

И он не ошибся.

Фиеста длилась всю ночь и весь день. Потом – еще один день, одну ночь. Уставшие от танцев и текилы римляне валились с ног, а веселью конца не предвиделось.

На третьи сутки бравые вояки стали выходить из строя. Гай Максимус Цезарь держался до последнего, но, наконец, текила одолела и его.

Пробуждение было жутким. По городу с дикими криками метались всадники на конях в живописных уборах из перьев, палили из луков во что ни попадя и потрясали окровавленными томагавками. Танцоры в сомбреро разбежались в панике.

– Индейцы! Команчи! – испуганно вопили они.

– Римляне не сдаются! – сказал Гай Максимус Цезарь и, пошатываясь, поднялся на ноги. – Публий, ты где? Вели нести мои доспехи и мой меч, собери всех, способных держать оружие. Мы дадим отпор этим варварам!

И тут в их крепость ворвались команчи.

Гай Максимус Цезарь дрался как лев, но силы были неравны. Отважный генерал упал, сраженный попаданием в лоб метко пущенного дикарем томагавка.

Гай Максимус Цезарь и Овидий Вергилий Публий брели, привязанные к длинным и гибким шестам, в веренице прочих пленников: римлян, египтян, мексиканцев. Армия доблестного генерала значительно поредела. Много воинов осталось лежать оскальпированными на негостеприимном берегу.

Команчи вели пленных в лес, вернее – в джунгли. У переправы через реку караван остановился. Дикари передали пленным воинам совсем уже жуткого вида – татуированным, в стеганых панцирях, шлемах в виде змеиных морд, с костяными украшениями в носу и связками отрубленных голов на поясе.

Поход продолжался. Караван то продирался вперед сквозь заросли лиан – воины прорубали дорогу мачете, то карабкался по горным склонам вверх. Шли мимо покинутых городов с развалинами пирамид, покинутых селений. Ночами нападали ягуары. Днем жалили змеи. Докучали надоедливые насекомые. Количество пленников таяло день ото дня.

Наконец, пришли в огромный город с каменными дворцами, широкими проспектами, гигантской рыночной площадью. По улицам ходили смуглые люди, большинство – в одних набедренных повязках, но некоторые – в причудливых, фантастических одеяниях из шкур животных и птичьих перьев. Туземцы с интересом оглядывались на караван – видать, белокожие пленники им были в диковинку.

Пленных привели в церемониальный центр, застроенный многоступенчатыми пирамидами. Там их развязали. Большую часть куда-то увели, а Гая Максимиуса Цезаря, Овидия Вергилия Публия, старика-жреца и еще некоторых раздели почти догола и стали готовить к церемонии: обмазали синей краской, увешали гирляндами цветов и окурили какой-то пахучей травой. Во время странных приготовлений поэт все время шептался со жрецом.

Когда процедуры закончились, на пленников, как черти из преисподней, налетели неопрятные существа в устрашающих масках, с немывтыми, нечесаными гривами и потащили несчастных к пирамиде. Долго шли по лестнице, украшенной балюстрадами с оскаленными мордами змей. Наконец, очутились на вершине, но зрелище, открывшееся взорам, не обрадовало. Алтарь, забрызганная кровью статуя бога-страшилища, жрецы в пышных одеяниях из перьев, и, главное – жертвенный камень.

Гай Максимум Цезарь оцепенел. И в страшном сне ему бы не привиделось, что он закончит жизнь подобным образом!

– Слушайся меня и ничего не бойся, – одобряюще зашептал ему Овидий Вергилий Публий. И – без перерыва:

– Иди первым.

Гай Максимум Цезарь на негнущихся ногах поплелся к жертвенному камню. Его тут же схватили жрецы, повалили, распластали... Старший замахнулся кремневым ножом.

– Остановитесь, несчастные! – завопил Овидий Вергилий Публий. – Вы подняли руку на бога! И в наказание за ваше святотатство сейчас померкнет Солнце!

И точно. И жрецы, и пленники заметили, что, несмотря на полдень, довольно темно. Сумерки продолжали сгущаться. Диск Солнца начал исчезать, и вот – пропал совсем. Воцарилась крошечная тьма.

– О боги! Вы отвергаете жертву! Настал конец света! Что делать? – завопили в испуге жрецы.

– На жертвенном камне – ваш бог. Он разгневался на ваше святотатство, – отвечал Овидий, – но бог может вернуть Солнце на место. Отпустите его – и светило появится вновь.

Жрецы с почестями сняли Гаю Максимуса с камня, но мрак не спешил рассеиваться.

– Вы также должны отпустить всю свиту бога! – продолжал вещать Публий.

Старший жрец отдал распоряжения. И тут... На мрачном черном небе появился яркий серпик.

– Спешите выполнять! – гаркнул верховный жрец.

И Солнце понемногу стало возвращаться.

– К нам возвратился бог Кецалькоатль! – провозгласили жрецы и водрузили на чело Гаю Максимусу корону из перьев.

Гай Максимус Цезарь проснулся в покоях, отделанных с варварским великолепием. На полу – ковер из ягуаровых шкур, на стенах – ковры из птичьих перьев, барельефы, красочные фрески... Из-за стены доносились голоса. Овидий Вергилий беседовал с кем-то на неизвестном генералу языке.

Вскоре появился и поэт, но не один. Узнав в его спутнике одного из давешних жрецов, Максимус снова притворился спящим и лежал так до тех пор, пока не услышал жизнерадостный возглас:

– Можешь открывать глаза! Все чисто.

– О чем ты мог беседовать с этим мясником? И на каком языке? – недовольно пробурчал генерал.

– Он вовсе не мясник, а очень милый и культурный человек. А беседовали мы с ним на пиджин-майя-греческом, – весело отозвался поэт. – Он благодарил нас за услугу: мы предотвратили конец света.

– Чего-чего конец?

– О, это долгая история! Древние жрецы майя (так называется народ, с которым мы имели счастье или горе познакомиться) когда-то высчитали день, в который миру суждено погибнуть. Недавно в храмовых архивах откопали свиток, отряхнули его от пыли, перечитали внимательно и... главный жрец заявил, что все сходится. И время, и место, и расположение светил, и сопутствующие обстоятельства: упадок нравов, блеск и нищета, эпидемии, голод в далеких провинциях – ну и дальше, все как полагается. О пророчестве возвестили народу – чтобы морально готовился. После умники еще раз проверили расчеты, и выяснилось, что «конец света» – всего лишь затмение. Поздно! Конец мира официально объявлен, народ готовится повсюду: кто пьянствует напоследок, кто горшки бьет, дома рушит и лавки громит, кто в новые земли эмигрировал. Да и кто против слов Главного пойдет, авторитет его нарушить посмеет? Сказал – конец света устроить – и сделаем. Боги не помогут – сами справимся.

Правда, кое-кто из оппозиции продумывал альтернативные варианты. Например, принести в жертву столько пленников, чтобы Солнце ужаснулось и взшло взглянуть на безобразия. Или же – взять не числом, а умением: отпра-

вить к богам пленников поэксклозивнее – таким под силу уговорить небожителей повременить с концом света. Ну, а лучше всего – чтобы сам бог опустил ся на землю и объявил во всеуслышание об официальной отмене апокалипсиса. Только где ж такого отыскать – да еще, чтобы Главный поверил? И тут – мы. Как будто по заказу! И овцы сыты, и волки целы... или наоборот? Словом, все решилось наилучшим образом – и авторитет главного жреца не пострадал, и конец света устраивать не надо, и оппозиция может спать спокойно. Даже жертв, что не успели зарезать, быть может, удастся помиловать. А ты теперь – белый бог Кецалькоатль, вернувшийся с Востока. Его, кстати, здесь давно ждут.

– А как ты про это узнал?

– Про затмение или про бога?

– Про все.

– Ха! В приключенческих романах, где ж еще – там все написано.

И стал Гай Максимус Цезарь, генерал римской армии, богом Кецалькоатлем. Правда, царствовать без проблем не получилось.

Конец света был официально отменен, но зловещие знамения остались. Ох, не зря главный жрец так хотел переложить ответственность на светопреставление! А теперь – шила в мешке не утаишь, хрустальный череп в ларце не спрячешь! Воровство и казнокрадство, утаивание доходов, коррупция в верхах и нищета народа – кому прикажете за это отвечать? Уже сейчас задаются вопросы, почему людям так плохо живется, раз конца света не будет, а ими правит милосердный бог? Кто виноват? Что делать?

И опять мир спас Вергилий Публий. Расспрашивая жрецов майя о народах, населяющих новооткрытый континент, он узнал о могущественной империи Монтесумы. Эврика! Вот кто главный злодей! Вот где Империя Зла – в центре Мексики! Сидит себе тамошний император на золотом троне, из золотой посуды кукурузу двадцати трех видов трескает. А майя голодать должны? Мудрые, просвещенные майя – греки Нового Света!

Так был объявлен священный поход.

* * *

Армии противников встретились в долине, окаймленной цепью гор. Перед сражением генералиссимус Гай Максимус производил смотр своей армии. Военачальник славно потрудился, призвал под свои знамена жителей Тикаля и Копана, Паленке и Чичен-Ицы, Ушмаля и Тайясаля. Воинственных киче и какчикелей, бочика и чиму, муиска и чибча... Стоят стеною римские когорты, египетские вспомогательные войска, штурмовые отряды нубийцев, летучие эскадроны команчей, апачей, ирокезов... Всадницы-амазонки на ягуарах (прибывшие только вчера с Амазонки), боевые колесницы, запряженные бизонами, дрессированные пумы... А во главе войска – небожитель, Белый Бог, Гай Максимус Цезарь Кецалькоатль.

Напротив – многотысячное войско противника. В глазах рябит от множества красок: перья и золото, полковые значки и флаги, шлемы-звериные морды, облегающие доспехи, боевая раскраска, султаны из перьев... Император ацтеков не терял время зря.

Бойцы обеих армий застыли без движения – противники изучали друг друга. Вдруг у ацтеков началось какое-то движение. Чуть позже на открытом пространстве, разделяющем неприятельские войска, появилась пышная процессия. Восемь знатных вельмож несли паланкин, украшенный самоцветами, золотом, перьями. Перед ними выступали подметальщики, убирая с пути соринки, устилая его коврами.

Гай Максимус Цезарь (с подобающей свитой) вышел встречать парламентаров. Паланкин опустили на землю. Из него при помощи придворных выбрался ацтекский император Монтесума. Склонившись перед римским генералом до земли, он произнес:

– Добро пожаловать в твою страну, вернувшийся бог. Мы сохраняли твой трон для тебя.

И, сняв царский венец (перья с золотом), водрузил на генерала – поверх шлема.

– Сдались без боя, – обалдело прошептал Гай Максимус Цезарь. – Пришел, увидел, победил... Вот это да!

* * *

Амфитеатр Теотиуакана ревел. Вот-вот должно было начаться любимое развлечение мексиканцев – коррида.

К корриде готовились долго. Чего стоило переделать церемониальный центр Теотиуакана Сьюдаделу в Колизей, отловить в прериях побольше бизонов (спасибо команчам!), объездить диких мустангов... Но теперь, наконец-то, хлопоты позади. Можно расслабиться и отдохнуть.

Гай Максимус Цезарь, бог Кецалькоатль, император ацтеков и майя, зять Монтесумы и верховный вождь команчей был на вершине блаженства. В недавнем прошлом – военный триумф. На виллах и поместьях – тысячи рабов, покорных первому щелчку. Из ложи улыбается прекрасная Отоми, любимая дочь Монтесумы. Тесть, передав ему бразды правления, радостно удалился на покой и занялся, наконец, любимым делом – открыл мексиканский ресторан, где задает Лукулловы пиры. Сегодня вечером ждет в гости...

На сцене – любимец публики, тореадор Спартак. Призывно улыбается Отоми...

Внезапно император ощутил беспокойство. Все это уже было... когда-то... А потом – лучше не вспоминать! Что-то должно произойти.

А вот и Вергилий. Идет к нему сквозь ряды – сообщить какую-то пакость, не иначе.

– Дежа вю, – вспомнил римский воин, – по-моему, Вергилий Публий как-то говорил, что это называется дежа вю.

ЭПИЛОГ

Молодой писатель плохо спал. Ему снились Гай Максимус Цезарь и Овидий Вергилий Публий – всю ночь гонялись за ним, причитая: «Что с нами сделал ты?»

Может быть, стоило пред работой над очередным томом сериала почитать соответствующую литературу или же проконсультироваться с кем-то из историков? Хотя зачем? Пока будешь читать и консультироваться – кто-нибудь другой идею перехватит. Да и кто о них знает хорошо – об этих римлянах, ацтеках, майя! И он – как все: телевизор смотрит иногда, в кино ходит, книжки приключенческие почитывает. Базовые знания есть, а если где и ошибся – кто это, кроме специалиста, заметит! Не герои же его, в самом деле! Кстати, пора за работу...

Ярко светило солнце, развеивая ночные страхи и кошмары. На экране монитора – чистый лист. Молодой автор набрал первые строки очередной главы. Сегодня он планировал отправить двух друзей на поиски сокровищ Эль-дорадо...

Август 2009 г.

ЕЛЕНА КЛЕЩЕНКО

ЗАПРЕЩЕННАЯ КНИГА

*Авторам аннотаций и отзывов:
все совпадения случайны и неумышленны.
Кроме двух-трех коротких цитат, когда
сказать лучше было технически
невозможно.*

ОЖИДАЯСЬ КУРЬЕРА, ОН ПОЛЧАСА ТОРЧАЛ В СЕТЕВОЙ кофейне «Лавка чудес», вместо кофе пил маленькими глоточками газированную лимонную воду, взяту в знак протеста, и думал, не уйти ли.

– Пра-астите, вы здесь ма-ахито с клубникой не заказывали? – детский голосок промяукал условленную фразу. У девчонки были треугольные меховые ушки и черные контактные линзы. Сплошь черные, во весь глаз. Как она что-либо через них видит? Наверное, полупроницаемые.

– Здесь не подают мохито, – сколько ни ждал, а сердце все равно заби-лось.

– А сига-аретку можно?

Не дожидаясь разрешения, девица протянула лапку к пачке «Кента», которую Юджин загодя выложил на стол. Слишком долго ковырялась в ней, или это Юджину от нервов показалось? Наконец отошла с сигаретой в пальчиках, унизанных разноцветными кольцами. Напоказ, чтобы обе потолочные видеокамеры отметили: остроухая разжилась сигареткой у прилично одетого парня. Но парень вроде не возражал, а значит, и гнать остроухую пока нет резона.

За то, что теперь лежит в сигаретной пачке, ему светят три года полного отключения, если кто-нибудь узнает и стукнет. Три года, блин... может быть, скомкать эту пачку да бросить в ближайший утилизатор? Нет, глупо.

А ведь как невинно и безобидно все начиналось!

Может человек скачать себе что-нибудь почитать? Конечно, может, и более того, должен. Культурные люди во всем мире ежедневно скачивают терабайты художественных текстов. Есть для этого на просторах Сети официальные магазины издательств, и книги у них гениально смактерированы под любой размер экрана, от карманного до настольного, мастерски проиллюстрированы, особо дружественны для глаз, а коллекционные издания вообще исполнены на веленовой бумаге с тактильным эффектом. Есть книги неизданные, выложенные в бесплатный доступ, сверстаные автором или же

нарочито лишённые украшений, удобные для представления в любом пользовательском формате... Читай – не хочю.

«Мы давно этого ждали! Уже прочитали миллионы!» Он тоже прочитал, а куда деваться. Но теперь хотелось чего-нибудь такого, что читают не миллионы, а тысячи. Или даже сотни. У писателей, чьих книг давно ждал лично он, ничего нового пока не вышло. Смотрим дальше...

«Необыкновенный роман. Наверное, гениальный. Текстов такого уровня уже и не пишут, потому что быть гениальным неприлично». М-да, на мелочи не размениваемся. Можно полистать, но не хочется.

«Колыбель для сборки». Светлая и грустная повесть о сложностях человеческих отношений в большой семье, о равном праве на счастье в пятьдесят и в пятнадцать лет...» Не сомневаюсь, что мило и психологично, но слишком уж сиропу много.

«Чудеса запечатления, фиксации. Где взять фотоаппарат, чтобы делал снимки в полной темноте? Вскользь, на самой грани бокового зрения, в bend sinister Набокова, говорится о самом важном. О том, что жизнь побеждает смерть». Кто кого побеждает, дурища? Набокова знаем, а с падежами управляться не научились.

Особенно удручало то, что все эти книги сайт, где Юджин был постоянным посетителем, предлагал именно ему, под ссылкой «вам, возможно, понравится...» Все остальное, значит, не понравится наверняка. Юджин сердито покрутил головой и переместился из Большой Литературы в Альтернативную.

«Одна из пяти лучших вещей сезона. Выпить чашечку кофе со случайным знакомцем – дело безопасное вроде бы, но кто может знать, вдруг он окажется древним божеством? Разделить трапезу с богом – то еще развлечение, доложу я вам...»

«Представьте себе: вы проснулись, а у вас чужая голова. Голова дикобраза. Мысли в ней вроде бы ваши, но ни побриться, ни причесаться, ни кофейку попить...»

«Если в вашем компьютере каким-то чудом завелся этот файл, не поленись украсить его как следует. Пусть это будет египетский папирус, испещренный таинственными знаками. Или ломкая белая бумага Митиноку с иероглифами «дрожащей кисти», нанизанными на невидимые вертикальные нити. Или, куда ни шло, листок старинной тетради в клеточку, на котором оставил следы свинцовый карандаш. А потом заварите себе крепкий кофе, и вперед...» Ага, уже бегу. Шнурки вот только поглажу, для полной аутентичности.

«Они работают в лаборатории, амплифицируют ДНК древних чудовищ и героев уголовных дел и заваривают свой кофе в огнеупорной колбе. Они поют под банджо и играют в скрабл. Они поздно просыпаются и уходят с работы в темноте, и живут не изо дня в день, а из ночи в ночь. Мелочь за мелочью, и вот ты уже не принадлежишь к числу нормальных людей...»

«Под этой ссылкой с любовью и тщанием собраны: песенка зяблика, запах кофе, солнечный зайчик на старинных обоях, шум моря и миллион тех

бессмыслиц, из которых, собственно...» Еще одно упоминание кофе, и меня стошнит. Нет, решительно ничего не греет.

Ладно, в конце концов, среди Развлекательной Литературы и прочих Низких Жанров тоже время от времени попадаются хорошие книги. Чем черт не шутит...

«Тайная карта Васко Нуньеса де Бальбоа, любовное письмо Колчака, золотые часы арабского шейха и секреты первых лиц империи – все смешалось...»

«Биография великой актрисы. Абсолютный бестселлер».

«Кто сумеет одолеть проклятие расстрелянного мага? Только смертный, которого неведомые силы сделали бессмертным. Скромному продавцу из провинциального секс-шопа суждено стать магистром ордена колдунов. Но пока он не нашел свою единственную любовь, ему не обрести могущества и власти...»

«Грядет Полный Конец Всему. Война восточной и западной империи закончилась хаосом. Голодные одичавшие жители США лавиной хлынули на просторы России, они готовы убивать за фляжку с водой и флешку с информацией о бомбовых полях. Новый бесчеловечный роман Алексея Топчанова».

Аннотации к женским книгам он не читал, только просмотрел обложки. Задержался на одной: девица в пурпурном вечернем платье на фоне ночного города. Красавелла, ничего не скажешь, только почему-то держится обеими руками за живот и зубки оскалены. Роман-катастрофа, что ли? О вирусе желудочного гриппа? Нет, эротика.

Нет, с ума я сошел, что ли – официальные анонсы читать? Какой торговец сам скажет, что халва у него несладкая?

Юджин плюнул и полез в книжные комьюнитиз, для фанатов чтения вроде него. «Что почитать», «Книжный червь», «Библиотекарь Понго», «Радио Сарафан» – выручайте, люди. Читатель читателю брат, он не получает никакой выгоды от продажи книг, и врать друг другу нам ни к чему. Наверное.

Книги издательского дизайна, по уму, стоили тех денег, которые за них просили. Сколько в прежние времена магазины брали за хорошую бумажную книгу, или даже за несколько книг – от маленькой, какую удобно брать в путешествии, до огромной, чтобы читать дома и любоваться? Тоже, наверное, рублей десять, вряд ли меньше. Другое дело, сегодня для толкового пользователя представить любой текст в удобном для чтения формате, пусть не изумительном, но и не ужасном – задача на тридцать секунд. И среди писателей далеко не все стремились сотрудничать с издательствами. Велика ли разница, попадет ли роман к читателю в виде очень красивого или обычного файла? С тем же успехом можно разместить свое произведение на десятке легальных и полулегальных бесплатных ресурсов и получать по копейке с баннера, а там, глядишь, и издатели заинтересуются. Так что критики и простые читатели на равных правах обозревали изданное и неизданное.

На «Библиотекаре» известная Мэриан хвалила ту самую книгу про пение зяблика с запахом кофе. «Исключительно вкусная книга. Необычный замес весьма нежной консистенции. Хорошо идет мелкими аккуратными порциями. Более изысканного интеллектуального лакомства...» Юджин не любил гастрономического направления в литературной критике, вдобавок Мэриан, насколько он помнил, участвовала в том же проекте.

На «Что почитать» лидировал некий роман, выложенный на личном сайте автора и богато разукрашенный. Каждая буква названия переливалась собственным цветом, а назывался роман «Никогда не отчаивайтесь». Сотни одобрительных отзывов: «читал всю ночь, не мог оторваться», «классно, всем рекомендую», и, само собой, «совершенно гениально». Юджин мрачно ухмыльнулся и запустил одну хорошую программку. Ну точно: все голосовальщики оставили отзывы в течение одного часа, и большинство писало с компьютеров Нормального политехнического колледжа. По удивительному совпадению, там же учился и автор романа.

То ли настроение у Юджина испортилось, то ли день был неудачный, но все остальные новые книги, получившие высокие оценки, тоже не внушали доверия. Вот, к примеру, Volverine2 пишет: «Мне понравилось. Рекомендую всем, кто не потерял вкуса к простым вещам и не страдает избытком снобизма». А просмотр других отзывов мгновенно показывает, что избытком снобизма страдает давний последовательный оппонент Вольверина, которому назло и написан хвалебный отзыв. «Хорошая вещь, действительно хорошая», «настоящему мощно, редкость в нынешние времена» – друг автора, издатель автора. «Не знаю, обратил ли кто-нибудь внимание, но текст интересный». «В самом деле? А мне показалось, слабенький». «Не скажи, есть интересные моменты». «Мне тоже очень нравится, автору удачи!!!» – сам автор, сам автор, сам автор и... нет, четвертый кто-то другой, изо всех сил надеюсь, что не любовница автора. Да откуда любовница у такого недотепы. Скорее, мама.

Юджин стер со стола клавиатуру и подтащил поближе пепельницу. Такое дело следовало перекурить.

Нет, разумеется, все книги Большой Литературы написаны умно и талантливо, Альтернативной – остроумно и не без блеска, а Развлекательной – не ниже базового уровня, с гарантированным содержанием шуток, потасовок и эротических сцен на лист. И наверняка среди этой уймы текстов найдутся и хорошие, и даже замечательные. Очень может быть, что замечательные книги были и среди тех, отзывы на которые он только что прочел. Но как это узнать? Если «раскручивание» книги давно превратилось из стихийного процесса в процесс производственный? Если независимые критики – сами или писатели, или издатели, или друзья одних писателей и враги других? Если хороших книг, то есть написанных хорошим слогом и без явных идиотизмов, ежедневно появляются сотни, и вокруг каждой стоит гвалт и гомон? Если грамотность в мире близка к поголовной (а кто не очень грамотен, тому поможет спелчекер), свободного времени у людей хватает, и вынести творение на суд публики можно через минуту после того, как поставишь последнюю точку?

Оставались, конечно, проверенные способы. Десяток писателей, чьи книги не разочаруют, и пяток читателей – как критиков, так и просто сетевых знакомых, чьему вкусу и слову доверяешь. Еще что можно учесть: вокруг посредственной книги невозможно долго поддерживать гомон и гвалт. О какой книге спорят месяц, та и хорошая. Хотя... продолжительные споры в Сети тоже, говорят, проплачивают издатели.

Черт побери, да неужели я не могу сам найти, что мне почитать? Ума не хватит?

Есть еще один способ. Непроверенный, но известный с древних времен и, как в древние времена, сопряженный с риском. Дед Юджина в свое время был исключен из института только за то, что у него была копия одной из ТАКИХ книг. Бумажная копия, компьютеров тогда не изобрели, и тексты копировали всякими извратными способами. На копире, кажется, или фотографировали каждую страницу. Дед еще говорил – перепечатывали, то есть перенабирали на механических печатающих устройствах, которые делали (кто ж до такого додумался?!) не больше трех-четырёх копий за каждый перенабор. Ну, это он что-то напутал, рассказ можно перенабрать, если фанатизма хватит, или стихотворение, но роман, целый роман пальчиками по буковке – это уже вранье, не бывает...

Под запрет, как дед объяснял, попадали книги, в которых было сказано что-то против режима, книги авторов, которые раньше что-то писали против режима (причем даже если потом они писали просто стихи про весну и море, и стихи их были запрещены!), книги авторов, которые уехали из страны, а еще почему-то книги, в которых было описание полового акта. То есть можно было намекнуть, что он у героя с героиней иногда происходил, но вот описание процесса, даже иносказательное и поэтическое, все на метафорах, не одобрялось. Юджин подумал, что это было как-то связано с религией, спросил у деда, тот хохотал, пока не закашлялся. А потом, отдышавшись, сказал: «Зато, спасибо им, тогда мы знали, кого именно следовало читать. Нет худа без добра, Женька, вам в этом смысле труднее». В самом деле: если человек слишком умен, чтобы смириться с дурацкими запретами, и слишком смел и талантлив, чтобы испугаться и бросить писать, – его книга с высокой вероятностью будет хорошей. Дед говорил, что в черных списках были всё лучшие люди, нынешние классики.

Дед, конечно, ничего не слышал про белый список. Откуда, в его-то годы. Про белый список и наши не все знают. Подумав так, Юджин ощутил гордость.

Книги белого списка, таинственные, полулегендарные, гениальные без кавычек творения постпечатной эры! За выкладывание их в Сеть полагается пожизненное отключение, за скачивание или хранение файла на любом носителе – срок. Книги, по нежеланию или неумению авторов не проданные издателем и в то же время достаточно хорошие, чтобы нанести ущерб интересам того или иного издательства. Средний читатель за определенный промежуток времени может прочесть ограниченное количество книг, и если появится такая книга, которую бросятся читать все – это значит, что множество

читателей не купит книги с официальных сайтов. А допускать подобное нельзя. Иначе пострадают люди, занятые в издательском бизнесе, от директоров и топ-менеджеров до последней секретарши для голосового общения. Чем секретарша-то виновата? И если книгу заносят в этот список, то издатели уже не решаются к ней подступаться, чтобы конкуренты по судам не затаскали. Книге остается один путь: в легенды современной литературы. Точнее, в мифы. В сказки-страшилки.

Логично, справедливо, но... Юджин однажды прочел одну из этих книг. Друг давал. Это было... она была как из другого мира. Иначе не скажешь, при всей нелюбви к пафосу. Для автора не существовало стандартов, он не находил нужным применяться к чужим правилам игры. Он не оглядывался ни на издателей, ни на массового сетевого читателя. Нет, не притворялся, что ему плевать – так-то многие могут, это притворство тоже входит в правила. Он действительно не думал об этом. Писал, как ему было надо, как он считал необходимым и правильным. Где-то пускался в подробные описания (в пятьдесят раз подробнее, чем принято, но почему-то было не скучно), а где-то, наоборот, выпускал ключевой эпизод, и как радостно было понять, что там у них произошло... Удивительно.

Друг был немногословен, однако кое-что лишнее все же сказал. А Юджин, так уж получилось, некоторое время профессионально занимался сетевым поиском. Найти спрятанное от простых граждан, узнать, где люди берут эти книги, и при этом самому не засветиться – посложнее, чем отследить, как писатель сам себя хвалит, но возможно. Вечером того же дня Юджин, войдя под чужими параметрами с терминала в отдельной кабинке интернет-кафе, просматривал белый список. Никаких аннотаций, естественно, только имена и названия. Сапиенти сат. Вот, например: Павел Богдановский, «Ватель черепов». Должно быть, хороший человек, раз Хайяма читал.

Встречу ему назначили по соседству, в «Лавке чудес».

Где читать то, что остроухая сунула в сигаретную пачку, вопроса не было: к Соло пойти, он примет. Юджин и раньше бывал у него, и Соло Юджина за что-то отличал.

Кто бы спорил, у Соло был стиль. Соло носил серую сюртучную пару, а под сюртук – черную майку с цветным портретом своего тезки. Соло жил вдвоем со своей Ларой в огромной квартире внутри бульварного кольца и принимал гостей почти в любое время дня и ночи. У Соло в одной из комнат, с восхищением рассказывали гости, устроена библиотека бумажных книг. Настоящая, как в играх и кино, – ряды стеллажей от пола до потолка, разноцветные корешки и такая специальная лесенка на колесиках, чтобы снимать книги с верхних полок, и он каким-то образом помнит, что у него где на этих полках. Спросишь у него книгу, он сразу идет и эту книгу выносит. И читать позволяет, но только на месте, с собой не дает.

Соло был отключен от Сети, то ли годов на двадцать, то ли вообще пожизненно. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться – за что. Это не мешало ему быть знаменитостью в литературных кругах обеих столиц. И вообще, кажется, не мешало. Ни в каком отношении.

Звонок был старинный, не полифонический. Юджин вызвонил «Хабанеру», открыл сам Соло в домашнем френче.

– День добрый.

– Заходи. По делу или так?

– Соло, мне бы почитать одну штучку. На несетевом компе.

– Что-то интересненькое?

– Белый список, – небрежно сказал Юджин. Соло уважительно поднял брови.

– Пошли.

Гостиня здесь называлась провинциальным словом «зала», которое вдруг обрело свой первоначальный смысл. Лепнина на высоком потолке, низко висящая лампа с абажуром из темно-золотистых кружев, в углублении окна-эркера – большое кресло. В кресле угнездились две девчонки. Одинаковые челочки, одинаковые очки в толстых черных оправках, но не двойняшки – одна побольше и потолще, другая помельче. Девочки, голова к голове, склонились над одним экранчиком. «Погоди ты, не верти! – А ты читай быстрее!..» Дуры, скопировали бы файл, привычно подумал Юджин. Потом вспомнил, где находится. Зачем малолеткам лишняя статья?

Соло вышел из библиотеки, протянул Юджину старомодную «ладошку» с облезлыми кнопками.

– Держи. Порт вот здесь, втыкай в свое удовольствие. Можешь списать в память, я потом тоже посмотрю. Нам терять нечего.

...Через час или два Юджин поднялся с диванчика и вышел на кухню. Очкастые девочки ушли, он и не заметил, когда. Юджин налил себе воды из пузатой зеленой бутылки и стал пить маленькими глотками, глядя в окно, затененное кленом. День клонился к вечеру, темно было в пятом этаже двора-колодца, как в подводном царстве.

За спиной у него в кухню вошел Соло.

– Ну как? Дочитал?

– Дочитал. Знаешь, старею я, что ли... Не понимаю, за какие заслуги этого Богдановского загнали в белый список. Книга как книга. Или я дурак?

– Богдановского? – нараспев спросил Соло. – Так это у тебя книга Богдановского? А зовут его как?

– Павел.

– Павел... Ох и ничего себе дела. Дай парабеллум.

Юджин отдал ему «ладошку». Соло пощелкал кнопками, в черно-серебряной бороде его зашевелилась редкой зловредности улыбочка. Он положил локти на стол и взглянул на Юджина поверх своих окуляров, по-мефистофельски задрав бровь.

– Есть такая птичка, – с преувеличенной серьезностью сообщил он. – Маленькая птичка из отряда воробьиных. Что ей свойственно: гнездится она исключительно на ивах и ветлах. И за то ее зовут – на-ив-няк.

– Ну, объясни наивняку, в чем правда жизни, – Юджин обиделся. – Эта книга не из белого списка?

– Из белого, белей некуда. Только, как бы это тебе...

Соло помолчал и вдруг спросил:

– Ты никогда не задумывался, на что живут распространители запрещенных книг?

Юджин открыл рот, сказать, что еще вчера утром он вообще не задумывался о распространителях запрещенных книг, а уж о том, что они пишут в налоговой декларации, подавно... и тут до него дошло.

– Напекаешь, что это... что... – Ведь и в самом деле, остроухая со товарищи не взяли с него ни копейки! Он почему-то подумал, что это бескорыстие.

– Я не намекаю, я тебе прямо говорю: часть книг попадает в белый список за взятки. Небольшая часть, процентов этак пять, по моим подсчетам. Тебе просто не повезло. Некоторые писатели платят непосредственно чиновникам в министерстве, другие – экспертам, которые на этих чиновников работают, третьи – мелкой сошке вроде тех, с кем ты общался. Первое и второе существенно дороже, потому что в этих случаях книгу действительно вносят в БС, и пойманных читателей отрубают за нее тоже по-настоящему. В третьем варианте ее только выдают за белую, зато и тебе, если поймают, ничего не будет. Но первые два варианта лучше. Для писателя, я имею в виду.

– А смысл?

– А как ты думаешь? Ты бы стал читать этого Богдановского, если бы нашел его не в белой базе? Вот то-то. Свою следующую книгу он понесет в любое издательство, и его там примут с распростертыми. Или, если его волнуется только слава, выложит за бесплатно. Доказать подлог невозможно, если ты не стоял у Богдановского за плечом в момент перевода денег. Искусствоведение – дело тонкое, рецензия эксперта, подтверждающая высокое качество этого самого «Ваятеля» и необходимость запрета, наверняка существует. Такие дела.

Соло прислушался к тишине, воцарившейся на кухне, и потряс Юджина за плечо.

– Эй, ну ладно. Я пошутил. Только что все это сам придумал, слышишь? Извини.

– Соло, – сказал Юджин. – Дай мне что-нибудь почитать. На твой выбор.

2009

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

ЛАБИРИНТ ВЛАСОВА-САНЧЕСА

В

БАР «ГЕРБ И МОЛОТ» СТАС ПРИХОДИЛ ЧАСТО. НЕ ИЗ-ЗА жратвы. Она все равно везде синтетическая, разница разве что в упаковке: в одном месте подают в пакетиках, в другом — в брикетиках. Впрочем, от перемены мест слагаемых содержимое, как известно, не меняется.

«Герб и молот» нравился Стасу отсутствием официантов. В ресторане подлетят расторопные, фальшиво-приветливые, с заученными улыбками, а взгляд цепкий, хваткий — миг оценят стертые напыленные скафандра и заметят кремнезем на подошвах. И мелькнет в глубине глаз презрение — старатель! — и разочарование: хороших чаевых не дождешься.

Однако все равно улыбнутся — будто оскалятся — и заученно протараторят: — Какую желаете консистенцию? Жидкую, полужидкую, твердую? Вкусовые добавки? Мясная, овощная, рыбная?..

А в «Гербе и молоте» вместо этих, юрких и хватких, только равнодушные автоматы с кнопками. Меню то же, зато цены дешевле — ведь расходов на рабочую силу меньше.

Впрочем, главное достоинство бара — даже не цены, а полунатуральное пиво. Солод, конечно, синтетический, а вот вода — настоящая, не переработанная, с ледяного озера на Южном полюсе.

Бар нравился Стасу еще и тем, что, в отличие от большинства построек в поселении Шрётер-12, кирпичный цилиндр «Герба и молота» был загрунтован лишь наполовину. Полная грунтовка, конечно, лучше защищает от ионо-излучения, но... как же устаешь от подземных помещений! А в «Гербе и молоте» можно сесть на высокую вертушку у стойки бара и долго глядеть в окно, на сиреневое плато Большого Сирта, на клыкастые пики Терры Тиррени. Можно душевно молчать с улыбочивым барменом Хавардом или перекинуться парой слов со сморщенным стариком-завсегдатаем Афоризмычем.

Можно писать письмо Лиле. Писать в мыслях, тщательно выстраивая фразы, так, чтобы выразить то, что слова передать не могут. И когда придет срок отправлять почту, письмо будет уже давно написано; останется только выложить готовые слова на бумагу и отдать маленькое состояние за почтовые расходы.

И уж совсем редко в «Гербе и молоте» можно позволить себе бережно извлечь из закромов души мечту, полюбоваться ею, убрать обратно и постараться убедить себя в том, что уже совсем скоро она исполнится.

Нельсон торопливо плюхнулся на стул рядом со Стасом и буднично выложил на стол две золотистые банки консервов.

— Сардины? — недоверчиво поднял брови Стас, беря банку в руки. — Настоящие?.. А в честь чего?

— Надоела синтетика — сил нет, — как-то отчаянно отмахнулся Нельсон.

Стас с трудом оторвал жадный взгляд от банки и подозрительно взглянул на своего напарника. Транспортировка натуральных продуктов с Земли была крайне дорогой; «настоящая» еда стоила здесь запредельных денег.

— Просто захотелось немножко живой пищи, — правильно истолковал молчание Стаса Нельсон. — И так мы себе во всем на свете отказываем... Ну, чего сидишь? Вскрывай, что, смотреть на них станем, что ли?

Стас не заставил себя долго уговаривать. Ухватился за колечко на крышке, потянул — и вот, в густом золоте масла появились ровные ряды румяных рыбешек...

Память хранила воспоминания о любимых домашних блюдах — о гусе, запеченном с яблоками, о воздушных пирогах с луком и яйцами. Но божественный вкус консервированных сардин в масле безжалостно изгнал эти драгоценные воспоминания.

«Я ведь ни разу не ел настоящей пищи с тех пор, как прилетел сюда», — образил вдруг Стас. «Ни разу за три с половиной года... Марсианских года».

То есть семь земных лет.

Видимо, неистребимая тяга к лучшей жизни передается по наследству.

Нельсон рассказывал, что в поисках этой самой лучшей жизни его прапрадед пешком прошел весь путь от Гватемалы до Техаса. Больше трех месяцев брел вдоль федеральных трасс, питался лимонами, что росли на деревьях вдоль дорог, пил остатки газировки из пластиковых бутылок, которые выбрасывали из окон проезжающих машин туристы.

Дошел.

А прадед Стаса в свое время больше года добирался из Восточно-Китайской Сибири в Москву — он попался пограничникам с поддельными документами и десять месяцев провел на тюремных нарах где-то в Средней Азии, пока его вскладчину не выкупила московская община.

Неудивительно, что именно праправнуки таких авантюристов и первопроходцев прилетали на Марс — ведь они унаследовали от предков беспокойный ген поиска лучшей жизни.

И как надеялись на удачу, ныряя в холод морской глубины, мальтийские ловцы жемчуга с разъеденной солью кожей и раздутой от постоянного пребывания под водой грудью...

Как были уверены, что им вот-вот повезет, обмороженные золотоискатели Юкона и Аляски...

Как не сомневались, что оно того стоит, измученные на грандиозных стройках мировых столиц гастарбайтеры...

Так и их потомки, пропитываясь радиацией на кремнезёме и урановых залежах Марса, ждали, что со дня на день найдут ее — лучшую жизнь.

Когда внутренности банок из-под сардин заблестели жестяной чистотой, Нельсон откинулся на спинку высокой вертушки, прикрыл глаза и вздохнул:

— Домой хочу.

Стас пожал плечами. Не было на Марсе ни единого старателя, который в один прекрасный момент не махал бы в сердцах рукой и не говорил: «Всё! Хватит! Надоело!»

Все старатели прилетали сюда с одинаковым планом: подкопить денегат — и сразу же обратно. И почти все — до сих пор здесь...

— Ну, должно же и нам с тобой повезти, в конце-то концов! — сердито сверкнул темными глазами Нельсон.

— Должно? — криво усмехнулся Стас и кивком указал на сидящего в углу зала бессменного завсегдатая «Герба и молота».

Высохший беззубый Афоризмыч со сморщенным лысым черепом выглядел на семь десятков. На самом деле ему было намного меньше. Насколько именно — никто не знал. Говорили, старик был в четвертой группе исследователей Керганского купола, тех самых, которые попали под протонное солнечное событие, и им выплатили огромные компенсации. Вот на эти деньги Афоризмыч здесь и жил.

Непонятно только — почему здесь...

— Ему как — повезло?

Нельсон нахмурился, а потом неожиданно прокричал через весь зал полупустого бара:

— Афоризмыч, ты почему домой не возвращаешься?

— Домой? — встрепенулся старик и непонятливо заморгал глазами.

— Ну да, домой. На Землю.

— Ах, на Землю... — Афоризмыч помолчал, пожевал беззубым ртом. — Знаешь, Земля ведь кажется домом только с Марса... Да и привык уж я к ней такой... Когда она висит в небе голубым ночником.

Стас с Нельсоном проследил за кивком старика. Сиреневые вечерние облака почти рассеялись, в небе недвижно висел Деймос, его резво обгонял Фобос и слабо мерцала полоса лазерного луча, по которому качали атмосферу с Венеры на Марс.

И где-то между ними горела голубая точка, от взгляда на которую теплело на душе... Хорошо, когда есть дом.

И пусть он истощен и перенаселен; пусть там почти не осталось нефти, а питьевая вода на вес золота.

Пусть он очень далеко.

Но пока он там, есть куда возвращаться.

Хотя бы в мыслях.

Нельсона развезло с одной пинты пива. Но вместо привычной депрессии — «Сказочники! Это из-за них я потерял здоровье и семь лет жизни! Всё торчу здесь, торчу — а зачем?» — Нельсон пришел в состояние упрямой уверенности:

— А я говорю, нам должно повезти! Не может такого быть, чтоб зазря мы тут столько лет облучались! Мы с тобой им еще покажем... Мы еще такое найдем, что они забудут про всех этих Гарденасов...

Как археологам Земли в свое время не давали покоя лавры раскопанного Трою Шлимана, так и искателей удачи на Марсе вдохновляла исто-

рия старателя-мексиканца Гарденаса, наткнувшегося на Цитадель. Первое целое сооружение, явно не являющееся случайным созданием природы. И пусть суровые песчаные бури за долгие тысячелетия изъели камень — это не имело никакого значения. Главное, что на Марсе всё-таки существовала цивилизация!

— Везунчик, — с завистью говорили старатели, упуская из виду тот факт, что Гарденас восемь долгих марсианских лет без устали подставлялся ионоизлучению Марса на Сабейских землях, прежде чем ему «повезло».

— А если не найдем? — приподнял брови Стас.

— Значит, когда-нибудь наберемся смелости и плюнем на старательство. Наймемся на урановые залежи или в концерн. Будем получать стабильную зарплату... Станем благоустраивать планету для будущих поколений.

Если бы не пьяные нотки в голосе, фраза прозвучала бы почти иронично.

Все понимали, что здесь, на Марсе, жить, а не существовать, станут очень нескоро. Однако жертвовать собой ради блага будущих поколений был готов далеко не каждый.

Зато каждый стремился урвать себе на кусочек жизни. Урвать — и увезти с собой, домой, на Землю.

Только вот урвать так запросто не получалось.

С Земли марсианские зарплаты казались Стасу огромными. На такую можно и свадьбу с Лилей сыграть, и жильё купить, и даже лицензию на детей. Поработаешь годик-другой, вернешься обратно — и всё, сможешь враз приобрести себе ту базу, которую на Земле будешь строить всю жизнь.

Лишь прилетев на Марс, Стас узнал, что почти все деньги там и остаются. Один только налог на воздух съедает больше половины дохода. Постоянный заработок — если пашешь на концерны. Поработаешь годик-другой с их автоматами — и всё, больше жить не хочется, будто сам превращаешься в автомат — ни желаний, ни сил. А если сам, старателем-одиночкой, в надежде отыскать сокровище — и того хуже. Раскопать что-то ценное удается крайне редко; тектонические колодцы или гейзеры покупают по бросовой цене; залежи полезных минералов попадают редко, останки прежних цивилизаций — никогда.

С какой стороны ни посмотри — выгоды нигде нет. Лучше не тратить напрасну время и возвращаться обратно.

Об этом говорил каждый старатель, год за годом оставаясь на Марсе.

Об этом умалчивал Стас — в каждом письме Лиле.

Во всех семи отправленных письмах.

* * *

Истертое на руках напыление почти не закрывало кожу, но потратить деньги на новое скафандр-напыление Стас был не готов; за долгие годы он привык экономить на всем, включая здоровье, ради того, чтобы отложить побольше.

Однако именно истертый скафандр сослужил ему добрую службу. Фонарь, лучом которого Стас безразлично пошарил в глубине очередного, пожожего на сотни уже виденных, кратера, выскользнул из потных ладоней.

— Полезешь? — осведомился Нельсон, уныло проследив за полетом кругляша искусственного света в пыльную темноту.

— Полезу, — вздохнул Стас, берясь за смотанный трос. — Иначе придется новый покупать.

А новый фонарь — это новые расходы. Еще несколько лишних дней на Марсе.

Ноги погрузились в кремнезем почти по колено. С трудом сделав шаг вперед, Стас наклонился, протянул руку к фонарю — и вздрогнул от донесшегося до него сверху крика:

— Сзади!

Обернулся — и в первый момент не сообразил, о чем речь. Только потом увидел, что углубление, оставленное в песке ногой, становится всё глубже. Песок утекал, словно в воронку.

Будто завороженный, Стас неотрывно смотрел, как воронка ширилась и росла, и как проступали из-под утекающего песка одна за другой ступени...

В себя Стас пришел только тогда, когда спустившийся вниз Нельсон сгреб его в охапку и заорал прямо в ухо:

— Мы богаты!.. Я же говорил, нам должно было повезти!.. Мы! Богаты!

— Богаты, — согласился Стас, не отрывая глаз от появляющихся из-под песка все новых и новых ступеней.

— Надо вызывать... Сообщать...

— А как?

— Не знаю! Но надо сообщать. И скорее... Или — нет, надо подождать. Надо посмотреть, куда приведет лестница.

— Надо, — кивнул Стас.

— Эй, ты чего? — потряс его за плечо напарник, удивленный односложными ответами.

Стас не мог объяснить своего оцепенения. Он так долго ждал этого момента, так часто представлял его себе, что когда заветный миг, наконец, настал, Стас никак не мог поверить в реальность происходящего. В то, что мечта совсем близка к исполнению.

Лестница закончилась через четырнадцать ступеней, и прыгающий свет фонарей выхватил низкое, но довольно просторное помещение. Вековая пыль, потревоженная стекшим на пол кремнеземом, стояла столбом, не позволяя разглядеть детали.

— Дождемся, когда пыль осядет, — предложил Стас и уселся на нижнюю ступень.

У Нельсона сил на спокойное ожидание не было. Он достал камеру и принялся снимать ступени — во всех ракурсах. Потом поднес фонарь близко к камню, начал изучать, дюйм за дюймом, поверхность стены. Через какое-то время донесся его восторженный вопль:

— Стас, здесь, кажется, надписи на камнях!

И чуть позже:

— Тут выход! В какой-то коридор!

Прибежал обратно, уселся рядом.

— Ну, что, теперь сообщаем?

— Вспомнил, как?

— Неа. Но нашел инструкцию к передатчикам, там все коды вызовов... Ну так что — сообщаем? — Нельсон дрожал от нетерпения.

— Давай...

Почти немедленно на старателей обрушился самый настоящий шквал звонков. Сигналы вызова поступали без перерыва, передатчики тонко пищали, Нельсон деловито сообщал координаты всевозможным организациям, концернам, комитетам и агентствам, без усталости описывал многочисленные детали, строил предположения о том, куда может вести коридор...

Не прошло и часа, как над кратером послышался шум двигателей — поднялись первые исследователи. Галдели люди, шумели приборы, стрекотали моторы и гудели мощные фонари. Стены обрастали проводами, густую пыль резали потоки искусственного света.

А Стас всё сидел на ступенях и смотрел в темноту обнаруженного помещения.

И он не гадал, куда ведет коридор.

Куда бы он ни вел, Стас по нему придет только в одно-единственное место. Домой.

Находку Стаса и Нельсона окрестили «Лабиринтом Власова-Санчеса» — проход вел в цепь коротких, соединенных между собой каменных коридоров, упирающихся в другие помещения.

Всего несколько дней спустя каждый дюйм поверхности Лабиринта был оплетен сенсорами и датчиками, а пространство на милю вокруг кратера забито дорогостоящей техникой. Совсем скоро последовало заявление, что в дальних помещениях обнаружены целые блоки стен, испещренные какими-то изображениями. Письменность это или же декоративный узор, пока неясно — но сам факт их наличия уже является грандиозным открытием.

Ученые выдвигали и разрушали смелые гипотезы. Энтузиасты строили предположения одно невероятнее другого. Новостные каналы разражались сенсационными репортажами, научно-популярные передачи снимали бесконечные документальные фильмы...

Старатели Марса качали головами, завистливо приговаривая: «Вот ведь повезло!»

И только двоим людям не было особого дела до того, какие тайны скрывает Лабиринт.

Стас и Нельсон думали только о том, что, наконец-то, возвращаются домой.

Нельсон радовался. Так искренне, что даже Стас порой ему верил.

Он тоже радовался. На людях. Фальшиво. А про себя...

Про себя он всё думал: семь лет — это много или мало?

И никак не мог найти ответа.

Стас держал в руках билеты на космолет — и боялся.

* * *

Как и его старшие братья, аэропорты и вокзалы, космопорт тоже был пропитан атмосферой, в которой сплелись спешка, волнение, нервозность и надежда.

- В первый раз?..
- На заработки...
- Да, думаю, на годик слетаю...
- Квартиру в столице купим...
- Где копать собираешься?..

В салоне космолета висел плотный гул голосов. Будущие работники концернов и будущие старатели-одиночки, искатели приключений и авантюристы, романтики и работяги рассаживались по местам, знакомились с соседями, обменивались впечатлениями, делились планами. Скрывали волнение.

Скромно одетый мужчина с небольшим рюкзаком в руках почти не выделялся среди остальных пассажиров. Если что-то и отличало его от других, то только загар необычного, какого-то неземного оттенка. Но, занятые своими переживаниями, будущие покорители Марса не обращали внимания на такие мелочи.

И хорошо.

Стасу не надо было, чтобы в нем узнали одного из счастливицков, нашедших Лабиринт Власова-Санчеса.

Он не хотел ни с кем говорить. Ему надо было помолчать. Подумать.

Осознать, что семь лет — это не много и не мало. Это просто достаточно.

Достаточно, чтобы развести добрых приятелей по разным городам. Чтобы остепенить старых друзей, сделать из них серьезных семейных людей. Чтобы состарить родителей. Чтобы превратить знакомых в незнакомцев, а близких, родных и любимых людей — если не в чужих, то просто в других. Даже Лиллю...

Когда высохли слезы радости и восторги от встречи, когда схлынул адреналин и вернулись будни, Стас понял, что, улетев на Марс, он словно сошел с поезда жизни. Поезд продолжил ехать дальше, по своему маршруту, и увез его попутчиков. А сейчас, когда Стас вернулся на перрон, где он когда-то сошел, от состава уже давно не осталось и следа...

Какой же поезд теперь — его?

Стасу потребовалось совсем немного времени, чтобы найти ответ.

И всего месяц спустя после долгожданного прилета на Землю он снова оказался в космопорту.

Вокруг него шумели новые первопроходцы, новые покорители неисследованных земель, новые искатели неизвестных сокровищ. Они летели на Марс, полные решимости найти на далекой планете лучшую жизнь. Найти — и привезти ее с собой. Обратно, на Землю.

А Стас возвращался.

Домой?

Он не знал.

Зато знал, что теперь Земля будет казаться ему домом только с Марса.

АНДРЕЙ НОВОСЕЛОВ

РЫБКА БЕЗ ТРУДА

КОГДА НАСТЕННЫЕ ЧАСЫ ПОКАЗАЛИ 18:00, ПАНКРАТОВ выключил компьютер и засобиравшись домой. Сложил в портфель черновики договоров, добавил к ним журнал, смахнул в боковое отделение ручку, спрятал чашку в ящик. Выпрямился и внимательно окинул взглядом рабочее место. Ничего не забыл? Стол скрипнул. Слетел на пол перекидной календарь, за ним последовал толстый телефонный справочник. Закачалась на проводе мышка, опрокинулся на спину плоский монитор.

— Ой, блин! — вырвалось у Панкраторова. — Сквозняк, что ли?

Хотя какой тут сквозняк — окна плотно закрыты. Скорей уж землетрясение.

— Что это у вас гремит, Олег Витальевич? — секретарша Настя приподнялась из-за стойки и уставилась на беспорядок. Портфель Панкраторова, надёжно стоявший посреди стола, кувыркнулся в воздухе и шмякнулся на пол, а сам Панкраторов ощутил толчок в грудь, как от сильного порыва ветра.

— Ой! — сказала Настя и обернулась. — Кто ещё увидел?

Комнату занимали шестеро сотрудников, и хлама на их столах хватало. Взвихрились бумажки, зазвенели чашки и ложечки. Сорвалась со стены импрессионистская репродукция неизвестного автора. Настя в ужасе зажмурилась, и стук падающих предметов вроде бы поутих, но тут из кабинета выглянул директор, и разгром возобновился.

Судя по шуму и возгласам из других комнат, во всём офисе творилось то же самое.

— Осторожно! — закричал Панкраторов. Посбивав со столов несколько телефонов, он первым уловил суть. — Не смотрите в упор! Они от взгляда разлетаются!

И верно.

Щурясь и ужасно кося глазами, сотрудники кое-как навели порядок и поспешили прочь из сумасшедшего офиса. Но чертовщина не прекратилась и на улице. Там клубилась пыль, дёргались ветви деревьев, дребезжали стёкла и летали мелкие предметы. Испуганные жители двигались перебежками, стараясь лишний раз никуда не смотреть.

По пути домой Панкраторов экспериментально выяснил, что пристальный взгляд действует как сильный толчок рукой, а беглый и расфокусированный — всего лишь как лёгкий ветерок. Иногда удавалось переносить пред-

меты в сторону или притягивать их к себе (Панкратов с трудом оттёр лицо от липкой обёртки из-под мороженого), но как именно — он пока не понял.

Увлёкшись опытами, Панкратов неосторожно задержал взгляд на пробежавшей мимо девушке в лёгком летнем платьице.

— Мушщина! — яростно прошипела она, обожгла Панкратова взглядом и поспешила дальше.

— Из-звините, — пробормотал он и снял очки. Обожжённая щека покраснела. «Первая степень, похоже. Как бы не вторая. Надо скорее домой, намазать, а то хорошо я буду завтра с облезлой мордой... Однако женщинам сейчас ещё хуже».

Панкратов успел обработать ожог и переодеться, почти ничего не уронив, когда домой вернулась Машенька, вся растрёпанная и пунцовая.

— Так и смотрят! — закричала она прямо с порога. — Так и тычут глазами! И ведь в какие места!

Сумочка с писком полетела в угол, за ней последовали туфли.

— Вон, шлейку порвали! — раз уж выдался повод, Машенька сердилась на всё сразу. — И каблук чуть не сломался! Что это у тебя с лицом?

— Одна девушка на улице сердито посмотрела... — Панкратов помог Машеньке расстегнуть заевшую молнию. — А знаешь что? Пожалуй, надень завтра этот свой комбинезон — ну, тот, в котором ты на стройку ездила. Авось меньше глазеть станут.

— Нельзя! У нас же дресс-код. За комбинезон шеф знаешь, что скажет?

— А ты на него посмотри вот так...

— Как?

— Ну, вот так. — Панкратов изобразил. С тумбочки слетела бронзовая статуэтка, а обои за ней задымились.

* * *

На следующий день работа не ладилась. Офис лихорадило. Все обсуждали непрощеное чудо телекинеза. Пробовали отвлечься, включив радио, но и в новостях говорили о том же самом. И если в кабинете ещё как-то можно было работать по-старому, подперев сзади мониторы и не вертя головой, то рабочим, водителям, курьерам, то есть всем, кому положено много двигаться и внимательно смотреть по сторонам, приходилось туго.

Вечером вернулась расстроенная Машенька. Комбинезон не помог. Одеться поневазначнее догадались многие, но оказалось, что мужчины на женщин всё равно смотрят, даже деликатные и воспитанные. А уж невоспитанные... Выражение «раздевать глазами» стало неприлично буквальным.

— Как подумаю, что утром среди этих самцов в автобусе ехать!.. А вечером в автобусе обратно!.. — жаловалась Машенька. — Так хоть дома запись! Панкратов, куда ты смотришь!

— Я любя, — сказал Панкратов и погладил Машеньку боковым зрением.

— Ну и запись. Возьми отпуск, ты давно не отдыхала.

— Ну, две недели посижу, ну, месяц. А потом что?

— А потом оно, может, само пройдёт.

— Ага, щассс! Жди! Это хорошее проходит, а гадости накапливаются! Панкратов, что ты уставился! — Машенька поправила сползающий с плеча халатик, но сердиться перестала. — Вот бы не ехать, а так — хлоп, и сразу на работе!

Хлоп.

Панкратов уставился на пустое место. Машенька исчезла.

Он замер и даже дышать перестал. Перед этим Машенька сказала: «...хлоп, и сразу на работе». И пропала. Где она теперь? В офисе? Попробовать ей позвонить? Так её мобилка тут осталась. Какой там у неё рабочий номер?..

Хлоп.

Машенька возникла на прежнем месте, как была — в коротком домашнем халатике и тапочках, только заметно порозовевшая и с круглыми глазами.

— Панкратов! — шёпотом потребовала она. — Будь осторожен! Не говори вслух: «Вот бы попасть куда...», и тем более не представляй себе это место в подробностях, понял?

— Понял. А где ты была? В офисе?

— Если бы! Я на этой неделе на объекте, забыл? Вот на объекте я и появилась. И Ленка со Светкой — они тоже как раз дома говорили, что на работу ехать не хотят. Ленка хоть в трениках была, а Светка из ванны!

— И что?

— И то! А на объекте-то строители!..

* * *

Телепортация добавила неразберихи в общественную жизнь. Прыгать между работой и домом без глазной толкотни в транспорте оказалось не только удобно, но и хлопотно. По рассеянности граждане то и дело попадали не туда и не вовремя. Стало совершенно невозможно запереться от посетителей в кабинете — или, хуже того, уединиться в туалете. Воры получили в распоряжение новый способ проникновения куда не следует. А уж когда выяснилось, что можно не только перемещаться самому, но и переносить предметы...

Хорошо хоть, что никому пока не удалось телепортировать куда попало других людей и животных. Тут, видимо, было нужно полное согласие груза.

После нескольких промахов Панкратов попал на рабочее место и сидел, осторожно разбирая корреспонденцию, когда в офисе возникла секретарша Настя. Приземлиться сразу в своё кресло она не решилась: овеществилась у входной двери и пошла к себе по-человечески, пешком. На Панкратова повеяло духами, и он отвлёкся от работы.

Секретаршей Настя была правильной: не только в звонках и бумагах разбиралась, но и внешность имела заметную. Лицо фирмы, понимаете, а также грудь, талия и ноги. Панкратов был непреклонно верен Машеньке, однако в мыслях и он позволял себе вольности. Какой бы мужчина его не понял?

Вот и теперь мысли Панкратова произвольно перескочили с просроченных поставок на эротическую фантазию, но на этот раз как-то по-особен-

ному легко и бурно. Настя споткнулась, подвернула каблук и упала бы, не подхвати её Панкратов.

— Извините! Спасибо...

— Не стоит! Как ваша нога?..

Они осеклись. Сквозь нарастающее возбуждение Панкратов почувствовал талией Насти свои крепкие сильные ладони и приятный мужской запах — ах, Олег Витальевич такой симпатичный, она не раз воображала себе, как... — и почувствовала грудью Панкратова прикосновение своей груди через тонкую ткань рубашки и платья, и аромат духов...

За миг до перехода в порнографический жанр Панкратов с Настей сумели оторваться друг от друга. Стало самую малость полегче, но они по-прежнему разделяли все чувства и эмоции. Покраснев, Панкратов отшатнулся; Настя шмыгнула на своё место и скрылась за стойкой — но связь сохранилась, только чуть-чуть ослабела.

«Хорошо ещё, что в комнате больше никого не было», — успел подумать Панкратов, когда за дверью хлопнуло, и из кабинета вышел директор.

— Извините, Самуил Яковлевич, что-то мне нездоровится, я сегодня побуду дома! — выпалил Панкратов и поспешно телепортировался домой, даже не выключив компьютер и не забрав портфель.

Не успел он перевести дыхание и привести в порядок мысли, как в прихожей хлопнуло. Машенька тоже вернулась домой досрочно. Её губы дрожали. Панкратова накрыла волна вины и возбуждения. «Будь что будет», — подумал он и начал:

— Понимаешь, любимая, у меня...

— Понимаешь, дорогой, я... — одновременно с ним начала Машенька.

— Давай ты первая.

— Нет, давай ты.

— Ну ладно. Понимаешь, у нас есть секретарша, я рассказывал...

— Секретарша! Фи, как пошло!

— А у тебя-то кто?

— У меня водитель, вот! Такой мужчина! Он ездит на настоящем большом самосвале!

— Но ты же понимаешь, что я никогда...

— Но я ни за что...

Они расхохотались. Слова были не нужны: каждый чувствовал другого так же ясно, как самого себя — и ощущения, и эмоции, и любовь, и нервное веселье, и тающие остатки нелепой вины. Приблизившись, каждый ощущал чужой кожей своё дыхание и прикосновение своих рук, и чувствовал собственные чувства, отражённые в сознании другого. И сколько можно возиться с этой одеждой, зачем тут столько пуговиц?..

Потом Панкратов с Машенькой учились отделять себя друг от друга, ведь нельзя же всё время жить настолько смешанными, и пили кофе на кухне, а до этого его неловко готовили, и только один раз рассыпали сахар и разбили только одну чашку, и вроде бы успокоились.

— А если тебе захочется с твоим водителем... — сказал Панкратов.

- Или тебе с твоей секретаршей... — хихикнула Машенька.
- ...то на здоровье.
- У нас в холодильнике пирожное было.
- Я достану, — Панкратов сосредоточился.
- Я сама. Э-э... у нас было два пирожных?
- Да нет, одно...

На столе стояли два идентичных блюдечка с пирожными-близнецами. Панкратов прищурился, и блюдечек стало три.

- Кажется, с новым уровнем нас.
- Ты теперь умеешь копировать предметы, да? Только свои копии ешь сам! Вдруг от них понос будет!
- А какое из них настоящее? Угадаешь? А ну-ка — кручу, верчу, обмазать тебя хочу...
- Панкратов! Вредный!

* * *

Работа встала окончательно. Никто не знал, какие правила техники безопасности применять на стройке, где строители кладут бетонные плиты взглядами, как тарифицировать телепортационную доставку вагона стальной арматуры, да и нужно ли вообще кому-то старомодное производство, когда каждый может вообразить себе любую нужную вещь? Опять же эта эмпатия — совершенно не располагает к совместной работе в замкнутом пространстве...

До конца недели всех распустили в незапланированный отпуск.

А вечером у Панкратова с Машенькой прорезалась телепатия. Они мысленно поболтали, а потом Панкратов решил проверить, хватит ли мощности, чтобы связаться с соседями, и пошёл ходить по углам квартиры. И в первом же углу услышал:

«...Эксперимент проходит успешно. Как я и предполагал, в течение часа после первой трансляции у населения активировались способности к телекинезу. Затем, в соответствии с моделью и контрольным экземпляром, последовательно вступили в силу: телепортация, эмпатия, мысленный синтез, телепатия. Этой ночью, в соответствии с графиком, я планирую провести повторное облучение...»

Панкратов замер, стараясь не выдать себя мыслями, потом тихонько отошёл на середину комнаты.

За стеной жил Толик. Толик-чудак, Толик-изобретатель вечного двигателя, Толик-неудачник. Не совсем неудачник, значит. Значит, это всё не вдруг и не само свалилось на человечество...

— Машенька, — вслух, шёпотом позвал он. — Тихо, не говори мыслями. Зови соседей.

У двери Толика собрались все, кто был дома, то есть почти все жители подъезда. Общественным представителем сам собой выдвинулся Семён Палыч, майор милиции в отставке, бывший участковый.

— Анатолий Сергеевич! — зычно воззвал милиционер в отставке. Отставные привычки облетали с него, как плохо положенная краска. — Мы знаем,

что вы дома! Убедительно просим вас не скрываться и не телепортироваться. Общественность желает прояснить ситуацию!

— А не то — дверь снимем и электричество отключим! — непонятно пригрозил дед Митрич с первого этажа.

— Да не скрываюсь я, — Толик вышел к людям сквозь запертую стальную дверь. Не телепортировался, просто прошёл насквозь. — О чём поговорить хотите?

— Это вы учинили с людьми всё это безобразие? — сурово осведомился Палыч. — Телекинез этот, телепортацию, эмпатию...

— Ну я, — согласился Толик. — И что теперь?

— Да вас за это к ответственности привлечь надо!

— За что? За наделение людей сверхспособностями статьи нету!

— За хулиганство, молодой человек, всякого приставить можно! За нарушение общественного порядка. За порчу общественного имущества. А если прикинуть, то и за пособничество в хищении материальных ценностей пойдёте. Я уж не говорю о мужеложестве...

— Да вы что? — удивился Толик. Мужеложества он не ожидал.

— Правильно говорит Семён Павлович! — встрял дед Митрич. — Это самое... ну это... с тобой и учинят! Ты только погодь, вот люди узнают, кто это всё сотворил!

— Да вы что? — растерянно повторил Толик. — За что?.. Человечество же всегда мечтало о таких чудесах! Шарлатаны людей обманывали! Миллионные призы назначали! А я — всем, даром!..

— От ваших необдуманных действий, Анатолий Сергеевич, — укоризненно погрозил пальцем бывший участковый, — уже произошли: экономический кризис, государственный кризис, кризис исполнительной власти, кризис средств массовой информации...

— И этот... кризис семейных отношений! — снова встрял Митрич. — Вертай всё взад!

— Ну, люди... — протянул Толик. — Вы что, серьёзно? Ну, подумайте! Всё ж только началось! Завтра-послезавтра у вас ясновидение откроется, а потом...

— Погодите, — протолкался вперёд Панкратов. — Дайте я объясню.

Он чувствовал эмпатическую сплочённость коллектива. Настроения преобладали решительные, но не злобные. Бить Толика пока не собирались.

— Понимаешь, Толик, — сказал Панкратов, — слишком ты это всё резко и неожиданно. Может, оно и к лучшему. Но знаешь, сколько всякой неразберихи началось? Ты из дома-то хоть выходишь? Нет? А ты бы походил по улицам, посмотрел. Не готовы люди к такому подарку, понимаешь? Вот ты говоришь — ясновидение. Ты хоть понимаешь, что с этим ясновидением каждый человек узнает, кто это всё затеял и где ты живёшь? С нами-то можно по-соседски договориться...

— Правильно Олег Витальевич говорит, — согласился Палыч. — Давайте, Анатолий Сергеевич, решим вопрос по-мировому... Вы хоть отключить-то это всё можете?

— Да могу я, могу, — пробормотал Толик. Даже без эмпатии чувствовалось, как он обиделся. — Делов-то... Ну, люди... Я вам от всей души, а вы...

— Не обижайся, Толик, — тихо сказал Панкратов. — Ты хорошее дело задумал, только слишком уж с бухты-барахты его провернул. Как всё отключишь, зайди к нам с Машенькой, посидим, обсудим...

* * *

Панкратов вошёл в прихожую, запер входную дверь, повесил ключ на гвоздик, разулся и прошёл в комнату. Ноги гудели: набегался за день. Машеньки ещё не было. Он опустился в кресло и с наслаждением расслабился. Книжку, что ли, почитать? Где она? На столе... Леня вставать.

Панкратов напрягся — до головной боли, до звёздочек перед глазами, и книга неуклюже, заваливаясь с боку на бок, перелетела ему в руки. Он посидел, восстанавливая дыхание. Потом напрягся снова: «Толик!»

«Что? — мысленно ответил Толик из-за стены. — Уменьшить усилие?»

«Нет, так в самый раз, — Панкратов передохнул и продолжил. — Чудеса должны даваться с напряжением. Тогда они получаются настоящими... Я о другом. Включишь на вечер эмпатию, ладно?»

«Ладно, — ответил Толик. — А то смотри, ты полного набора ещё не знаешь...»

«Потом, Толик. Мы же говорили — в будущем году. Ну ладно, пока».

«Пока».

Панкратов откинулся в кресле, раскрыл книгу на закладке и принялся ждать Машеньку.

26.05.2009

ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

ПОВЕЛИТЕЛЬ КЛЕЩЕЙ

ПРОХОТАЛИ КОПЫТА, И МЕРТВЫЕ ГЛАЗА СМОТРЕЛИ В небо. Больше ничего не существовало, только бешеная скачка невидимого коня и глазницы, в которых не отражалась луна. Он не знал, что уйдет так... Он всегда думал, что это будет тихо и скучно. Не получилось.

Тишина наступила внезапно, и он понял – конец пути. Душа вслед за этой мыслью медленно взлетела над непроницаемо-черным миром.

Две женщины почти беззвучно двигались у его тела. Только вздыхали, прикладывая намоченные в травяном отваре бинты к кровоточащим глазницам. Пожилой бородатый мужчина сидел у стола, свесив голову на грудь. Лучше бы парень умер, чем так... Лучше бы умер.

Старшая из женщин подошла, тронула за плечо, кивнула. Мужчина в ответ безнадежно махнул рукой, вышел, хлопнув дверью. Ветер свистел, закручиваясь в воронки над огромными бетонными кругами, звенел раскачивающийся ржавый крюк козлового крана, приткнувшегося к дальнему пролету. Крюк ударился о колонну недостроенного монтажного цеха и гудел набатом. Полсотни лет так. Пора бы его срубить, нет сил слушать.

Серая тина отчаяния, заливающая сердце и мозг, не исчезала. Вся надежда была на Клима. Ждали, когда поднимется на крыло, почувствует силу, увидит новые горизонты. А они бы уж за ним. Не всякому Дар дается, справиться с собой иногда трудней, чем с другими, чем с обстоятельствами и искушениями. Но Клим был одарен не зря. Всё живое замирало под взглядом сероглазого мальчишки, рвалось выполнить его малейшую прихоть, трепетало от желания подчиниться одному движению его ресниц. Он был силен, сильнее их всех. И чист душой. Клим вывел бы их из этой бетонной пустыни, вернул к жизни, пусть не очень нормальной, но все же не такой тягостной и бессмысленной, как сейчас. Теперь надежды не осталось...

– Где ты его нашел? – та же женщина вновь прикоснулась к его плечу шестипалой рукой.

– Они бросили его на заднем дворе. Наверное, хотели потом вывезти и закопать живьем. Но я успел.

– А Таша?

– Таши больше нет. – Он замолчал так резко, что женщина поняла – больше он ничего не скажет. Она подавила горький вздох и вернулась к Климу.

Старик – да, теперь он выглядел и чувствовал себя настоящим стариком – остался стоять, с ненавистью глядя на восходящее солнце. Зачем женщинам знать то, что услышал он, прячась среди зловонных ящиков с отбросами, куда выволокли окровавленное тело юноши. Таша ужасу воспоминаний и отвращению к собственному телу, над которым надругались эти подонки, предпочла смерть. Из последних сил она перегрызла собственные вены. Совсем девочка... И Клим ещё не знал о смерти любимой.

Старик догадывался, для чего им был нужен Клим. Всё деньги, эти проклятые деньги, вряд ли им было нужно что-то другое... Но вот откуда они узнали, что существует парень, который может войти куда угодно и взять что угодно? Кто знал о Климе, как его заманили в Город? Ответа не было. Из посторонних тут бывали только трое, и каждый мог предать. Но теперь это уже неважно. Он окинул сумрачным взглядом окрестности – колоссальные сооружения заброшенной атомной станции, поросшие густо сплетенными полевыми травами поля, дальний лес. Больше полувека прошло, как их изгнали из Города, и другого места, кроме этого, проклятого людской памятью, им не нашлось. И никому теперь не докажешь, что мутации через три поколения почти сошли на нет... Да и кого это интересует?

Клим очнулся спустя два дня. Не понимая, почему вокруг непроглядная ночь, шептал запекшимися губами, звал Ташу, просил зажечь свет. Старик сидел рядом, отдавал понемножку энергию, латал изорванную ауру, выправлял всё, что мог. Но сказать, что больше Клим никогда не увидит свет, не мог, боялся. Только Клим и сам понял. И про Ташу тоже. Как плачут люди, лишённые глаз?

Кровь пропитала повязку, никому не нужная жизнь уходила, и никто не мог остановить её.

Они пришли этой же ночью. Их привел тот, кто выдал им Клима. Добрый торговец, знавший мальчишку с детства и частенько привозивший специально для него длинные полосатые конфеты в прозрачных обертках. Клим показывал ему «фокусы», заставляя кружиться в вальсе двух лохматых дворняжек или рассаживая на чахлой яблоне всех окрестных певчих птиц и дирижируя этим горластым хором.

Торговец так и не рискнул войти в странное, сколоченное из железа и многослойной фанеры жилище изгоев. Вошли другие. Понадобилось несколько очередей, чтобы убить всех, кто был там. Мариту и двоих её детей застрелили в огороде. Старик успел прокричать проклятие. Но что им проклятие?

– Этого тоже? – голос Климу был знаком. Именно он уговаривал его войти в большой дом и вынести стальной ящик, обещал красивую одежду и вкусную еду. А потом привел Ташу.

– Этого? – рассмеялся голос другого, который терзал Ташу у него на глазах. Глазах... Клим хорошо помнил смуглое лицо с перебитым носом и тонкими некрасивыми губами. Он их всех хорошо помнил. Он видел их, словно опять обрел зрение. И опять он не мог ничего сделать... Но теперь дело было не в их черных очках, а в том, что у него уже не было глаз, которых они так боялись.

– Слишком легкая смерть, – оборвал смех тонкогубый. – Пусть умирает долго. Теперь ему никто не сможет помочь. Пусть в темноте считает каждую оставшуюся секунду, падаль.

И они ушли. Клим лежал, не чувствуя ничего: абсолютная тишина и запах крови. И ещё тиканье стареньких механических часов на полке, электронные давно остановились – батареек не было.

Он заставил себя подняться, преодолевая боль избитого тела. Только для того, чтобы выйти наружу, чтобы не дышать приторным и липким запахом смерти тех, кто был его семьей, его миром. Тех, чьи души сверкающим серебром растаяли в окружающей тьме. Не они ли дали ему силы?

Спотыкаясь, ощущывая вокруг себя когда-то до последней мелочи знакомое пространство, ставшее невыносимо страшным и враждебным, он долго вначале брел, а потом почти полз к двери. Вдохнул пахнувший полынью ветер и уткнулся лицом в шершавое дерево крыльца. Боль тела он снял усилием воли, заставил остановиться сочащуюся кровь, но душа болела так, что он не выдержал – погасил сознание.

Сколько он лежал так, Клим не знал. Для него уже не было дня и ночи, часов и минут. Время стало вязким, словно битум. Очнувшись и не шевелясь, он исследовал тьму всеми доступными ему органами чувств. Кожа ощущала тепло, это светило солнце. Уши слышали тихое протяжное пенье ветра, но металлического звона не было, значит, ветер не сильный. Всё было бы неплохо, если бы не запах, сочившийся из распахнутой двери. Он подтянул колени к животу и некоторое время лежал, скрючившись и не думая. Только этот запах... Он тревожил и угнетал.

Маленькие лапки почти неслышно коснулись его раскрытой ладони, лежащей на теплой доске. Они переступали медленно, но решительно, а между ними было плоское брюшко, легко скользящее по коже. Клим узнал гостя. Раньше, он встряхнул бы брезгливо рукой, отбрасывая насекомое, но сейчас внимание крошечного существа вдруг стало почти приятным. И он разрешил ему ползти, ощущывая все на пути, выискивая место, где кожа нежнее, тоньше. Он боялся пошевелиться, весь превратившись в ощущение – вот он двигается, слышит близкое биение пульса Клим, ему туда, туда! Так хочется есть...

Насекомое медленно сползло с ладони на запястье, миновало место, где крупные кровяные сосуды синими валиками светились под кожей – ему такие не осилить, захлебнется, ему нужно совсем мелкие капилляры, такие как вот тут. Клим показалось, что клещ облегченно вздохнул, немного покрутился на месте и осторожно впился в его кожу. Никакой боли не было – насекомое выпускало обезболивающий фермент, вгрызаясь все глубже и глубже... Прошло несколько минут, прежде, чем головка клеща полностью ушла под кожу, нашла вожделенный источник пищи, и насекомое принялось медленно сосать кровь. Клим усмехнулся. Кто бы мог подумать, что кусок клеща может быть развлечением?

Странно и дико выглядел человек, лежащий на крыльце дома, откуда шел тошнотворный запах разлагающихся тел, ослепленный, с незажившими ранами, синяками, и улыбающийся. Он и сам бы решил, что окончательно

сошел с ума, если бы не гулкая ясность мысли, не острота чувств, не безумное желание для чего-то сохранить себя.

Солнце начало не на шутку припекать. Клим осторожно, стараясь ничего не зацепить левой рукой, перевернулся и исхитрился сесть. Клещ присосался крепко. Если его оторвать, то головка так и останется под кожей, а жадный рот ещё некоторое время будет тянуть кровь. Клим не боялся заболеть, ещё в детстве он перенес и энцефалит, и болезнь Лайма. И выжил, что удавалось не каждому. А больше ничем этот маленький поганец ему не грозил. Пусть ест, наполняет уже наворачивающееся брюшко – Климу не жалко пары капель крови.

Он нащупал рукой поручни крыльца и встал на трясущиеся от слабости ноги. Так он долго не протянет – нужно поесть. Хотя что-то. Ощупывая ногами землю, он пошел через двор. Выломал из забора палку. Так стало проще. В ледник спускаться опасно, слишком крутая лестница. Добыл в сарае ящик галет и сгрыз несколько штук. А потом ему удалось достать полведра воды из колодца и напиться. Теперь он был готов.

Клим уселся прямо на землю в дальнем углу двора. Жалобно тянул свою песню ветер, и мешал сосредоточиться. Нужно открыть глаза... Нет у него глаз. Тогда он зажал уши и весь превратился в маленькую точку, в крошечную горошину с прижатыми лапками. Он – клещ. Он идет сюда. Сюда!

Первых откликнувшихся на зов, он ощутил уже через несколько минут, они оказались где-то неподалеку и доползли быстро. Клим попросил у них прощения и позволил только ползать, но не кусать. Ваша еда не тут, ребята. Сколько прошло времени, пока он собрал их всех, или почти всех, он не знал. Теперь его покрывала плотная масса копошащихся, отталкивающих друг друга и то и дело скатывающихся у него с шеи и головы насекомых. Сколько их было? Миллионы? Миллиарды?

И тогда он окончательно слился с ними. Он вложил в этот импульс почти всю оставшуюся силу, он фактически создал для них и для себя новое, единое зрение, более слабое, чем зрение человека, но гораздо сильнее, чем зрение крошечного близорукого насекомого. И разум он создал. Шаткий и однобокий разум, видящий только цель и стремящийся к ней. Цель – еда. Клим зло улыбнулся, и клещи посыпались с дрогнувших губ. Я поведу вас к еде – смотрите, вот она. И он дал им картинку, не забыв никого. Всех семей. Вот они. Образ вкусной еды.

Ему показалось, или они действительно замерли? Замерли и увидели. И он увидел вместе с ними. Слившееся сознание человека и инстинкт насекомого. Он поведет их к еде. Его память станет для них проводником.

И они двинулись туда, в Город, к еде. Черное пятно, ползущее по земле, не знающее никаких преград, кроме воды. Но через неширокую речку они переползут по мосту. Два или три дня им ползти? Выдержит ли он? Доведет ли? Теперь только смерть разлучит их... Он видел их глазами, полз вместе с ними, ощущал их упорную терпеливость, знал, что миллионы новых и новых клещей спешат слиться с ними, ползут отовсюду, слыша зов. Они дойдут. Только бы не умереть, только бы увидеть...

Прошло почти четыре дня, и он увидел. Всё та же страшная комната, куда швырнули его, лицом в каменный пол, те же люди там. И он – маленький клещ, незаметно влезаящий в щель под пластиковой дверью. А за ним – огромная река таких же, как он...

Они нашли свою еду.

Сидящий в углу двора парень с почерневшими бинтами на глазах улыбнулся покрытыми коркой губами. Осоловевший от обжорства клещ у него не запястье улыбаться не умел.

ОЛЬГА ЧИБИС

ТРИ ИВАНА И ЧЁРНЫЙ ГЛАЗ

ПОГОДКА СТОЯЛА НА ДИВО ТЕПЛАЯ. УЖ ОСЕНЬ НА ДВОРЕ второй месяц, а вокруг – клевера цветут, бабочки-подружечки пляшут, солнышко жарит всюю...

За окошком Ванюша голоса услышал – тотчас пригнулся, приник ухом к щелочке.

– И украл Зимний князь деву юную, и унес в свое царство темное ...

Бабка Анисья. Младших внуков да соседских пострелят сказками своими пугает. Ну, эта не страшна, коль и застучает.

– И так взгоревали по ней родители да подруженьки, что солнце красное в тучах затерялося, а земля от холода заостенела...

Ванюшка заулыбался. Сказочку эту и они с Ивкой слыхивали. Дрожали от страха, деву юную жалели. Там еще дальше про жениха...

– А у девы той жених был, сильный да быстрый, аки гром небесный. Кинулся он князю вдогонку да и убил злодея! А деву-красу, невесту милую, домой вернул. Вместе с ней и солнце воротилося – ручки запели, земля зацвела... Но к зиме ожил князь, чтобы вновь украсть девицу и тепла нас лишить...

Так и есть! В детстве, помнится, все вместе они играли: царевич был тот самый князь, страшный да лютый, который Ясну украл, Ивка с Марькой – ее батькой да маткой, что по ней горевали да плакали, а Ванюшка – храбрым женихом: вихрем налетал, князя-чародея убивал, Ясну-красавицу в дом родимый возвращал. Эх, Ясна-Яснушка, солнышко ласковое... Да не время теперь вспоминать!

Согнулся Ванюшка, проскочил мимо окошка и дальше крадется – друга Ивку выручать и себя заодно.

Ивка сидел в конюшне, под замком амбарным. Татка запер: терпенье лопнуло затей сносить отрока непутевого. Пытался он Ивку отдать в ученики к чародею Осипу. Но не вышло из той затей ничего. Наукам Ивка не доверял: чары, по его разумению, лишь «по вдохновенью» творить надлежало. Злые языки поговаривали, что не в науке тут дело и не во вдохновении, а всему виною лень-матушка. Но друзья-то видели – не ленив Ивка: ежели надо что – дни напролет работать будет, ночами спать перестанет, а сделает! И ведь самое странное – получалось у него. Все, за что бы ни взялся. Что ни говори – талантище.

Правда, вещи выходили все больше с характером. Вроде как недопеченные с одного боку. Скатерть-самобранка оставит гору невымытой посуды: пока не отскоблишь все чашки да плошки до блеска-сияния, ничего боле не выдаст. Сапоги-сороходы разной величины окажутся, и оба на левую ногу... А пару деньков назад заговорил Ивка подковы на отцовском коне. Сам же татка и попросил: сделай, мол, чтобы сносу подковам не было, а конь бы на них ходил без усталы, быстро и не спотыкаясь... И стали подковы как новенькие. Вот только конь-то стоит как вкопанный и с места не двигается. И так к нему хозяева, и эдак – нету с клячей сладу никакого! И лишь когда гаркнул Ивка шутки ради во всю глотку молодецкую:

Ах ты, волчья сьть да й травяной мешок!

Али ты идти не хошь, али нести не можь?

Что ты на корни, собака, спотыкаешься? -

встрепенулся старый Серко, на ноги задние вздыбился и поскакал, взбрыкивая, что твой жеребчик-трехлеток, молодой да горячий! Еле остановили. А железяки эти проклятущие с копыт теперь не снимаются...

Два дня в деревне дома от смеха ходуном ходили, а за Ивкиным отцом ребятишки прыгали. А на третий схватился татка за оглоблю, ухватил сына непутевого за вихор, да и загнал в конюшню. Не шутя пригрозил: сидеть, мол, тут тебе, пока коня в порядок не приведешь!..

Огляделся Ванюшка – никого. Отпер замок отмычкой своей, привычно потер ногу («Ну, Ивка!..»), нырнул внутрь.

Дружка своего в дальнем углу нашел, на охалке соломы. Развалился чародей-недоучка привольно – руки за головой, в зубах соломинка. Небось о Марьке своей вздыхает, дочке Осиповой. И то сказать – нешто Осип дочку отдаст ненаглядную за ученика беспутного да строптивного?

Рядом конь-горемыка пофыркивал, мордой норовил в лицо хозяину ткнуть.

– Царевич пропал, – сообщил Ванюша.

Ивка приподнялся на локте, соломинку откинул, скосил глаза на побратима.

– Совсем пропал или как всегда? – уточнил деловито.

– Да в том-то и дело! – Ванюша шлепнулся рядом, досадливо отпихнул коня. – Второй день уж нет! Ушел вчера на заре вечерней – и до сих пор ни слуху ни духу!

– К девице-красавице небось утёк, на свиданье? А ты куда смотрел, друг и наперсник?

– Вот и царь то же самое скажет, – вздохнул Ванюша. – Виданное ли это дело – царевич, да в одиночку, да на ночь глядя... Куда смотрел да почему отпустил... А как его удержать-то?

– Да уж, охота пуще неволи, – покивал Ивка.

Всем хорош был царевич: и ликом светел, и рукою тверд, и сердцем горяч – лишь один изъян ему покою не давал, аки червячок яблоку. К девкам его будто арканом тащило. Как сарафан какой углядит – ум да разум теряет и под венец тотчас же готов.

– Главное, не сказал ничего! Ни куда, ни с кем...

– Да вернется, куда он денется! – лениво отмахнулся Ивка. – Чай, не на войну отправился.

Ванюша в волнении потер руки.

– Не скажи. Вчера воевода у царя полдня просидел. А сегодня волхвы пожаловали! И Осип с ними... Что-то, поди, стряслось,

– Ну да? И что же?

– Царь всех выставил, вместо меня старого писаря позвал. Я подслушивать пытался – ничего не разобрал, а ближе подбираться боязно. Но говорили вроде, что кого-то похитили...

– О! – Ивка вдруг вскочил на ноги. – А вот мы сейчас одну мою вещицу проверим в действии! Я тут, понимаешь, зеркальце волшебное смастерил – всё, что надо, показывает...

– Проверял уже? – опасливо спросил Ванюша.

– Не успел, – отвел глаза Ивка. – Нужды не было! – Потянулся он к стене, достал из щели меж бревнами тряпицу и, развернув ее, показал Ванюше что-то округлое с завитками.

– Ну, давай... Спроси, куда царевич пошел.

– Зеркало, а зеркало, – позвал Ивка. Стекло потемнело, пошло пятнами. – С тобой говорю! – повысил голос чародей, встряхивая вещь волшебную. – Словно нехотя его отражение выплыло. – Ну наконец-то! Покажи-ка нам... – велел было Ивка, но перебил его дребезжащий ворчливый голосок:

– Что за моду такую взяли? Чуть что – покажи то, покажи это... Сами смотреть учитесь!

– Да мы бы рады, бабушка, – опешивший, Ванюша прижал руку к сердцу и почтительно вытянулся, – да не разумею как. Может, научишь?

– А что ж, и научу, соколики, научу, – охотно откликнулась «бабушка» и, не дожидаясь дальнейших уговоров, нараспев заговорила: – Вот пойдёте вы темной ноченькой да встанете под полную луну напротив ведьминог крыльца, да возьмете чертов корень и летучей мыши крыло...

– Ты... ты чего это? – вскочил Ванюшка. – А?! Ты пошто, стекляшка безмозглая, нам советы такие басурманские даешь?!

– Нда... – Ивка набросил на зеркальце платок и поскреб вихрастый затылок. – Видно, зря я всё ж таки серебряную проволоку использовал. Медной надо было у кузнеца попросить, что ли...

– Вот сразу видно – твоя работа, – поддел его Ванюша. – Зеркало волшебное, тоже мне! Не отзывается долго, голосом препротивным разговаривает, советы вредные дает... Ивка, Ивка! Как же ты к волшебству относишься! Волшба – она методы требует, это даже мне ясно. А ты? Красное с холодным мешаешь, синее с кислым, медное с колючим... Напрасно ты от Осипа ушел, ох напрасно! Вот и царевич тебе то же самое твердит: хочешь Мастером стать – сперва знания по полочкам разложи...

– Да где он теперь, царевич-то, со своими полочками? – хмыкнул Ивка. – Наука наукой, а на самого лишь девица оком поведет – сплошное это... желтое с колючим начинается.

Ванюша лишь вздохнул.

– А давай я коня заговорю? – подскочил вдруг Ивка. – Чтобы он самоходом бежал, куда надобно!

– Это как?

– Ну, говоришь ему, к примеру: «Вези туда, где коврижки дают!» – он и везет.

– И сам дорогу находит? – уточнил Ванюшка. – Знаешь, Ивка, лучше не надо. Отступишь ты от этой затеи, право слово. Чары на чары накладывать – дело хитрое. Вспомни, как отмыкалку мою переколдовывал. Сперва «Держи вора!» верещала, как замок отопрет, а теперь, как ее ни держи, в аккурат на ногу падает, палец отшибает, а хрен редьки-то не слаще!

Но Ивка, сверкая глазами, уж рылся в груди тряпья, гремел какими-то скобами, шуршал бумажными свитками... Ванюша привычно вздохнул и уселся на солому. Ах, Ясна-Ясночка! Солнышко синеглазое! Вот и расстаться с тобою пора приходит...

– Готово! – Ивка возвестил. Одной рукою он коня за уздечку держал, другой горделиво вихры приглаживал – гордился работой, значит. – Ну, кто царевича искать поедет?

– Знаешь, что... – Ванюша отступил, окинул взглядом ноги конские, морду... Смирно конь стоит (подозрительно!), лишь глазами косит да ушами пошевеливает. Да не разу еще никто не угадал, в какую сторону Ивкина волшебба взбрыкнет! – Твой конь, ты и езжай.

– Да? А царевича кто упустил? – съехидничал Ивка. – А хочешь, рассчитаемся, как в детстве:

*Возму-жа-ешь ты за-раз,
Как уви-дишь чер-ный глаз! –*

протараторил чародей-недоучка и дурашливо ткнул пальцем Ванюшке в грудь:

– О! Что я говорил – тебе ехать выпало!

Ванюша аж плюнул в сердцах.

– Один друг пропал, второй помощи просит, а он зубы скалит...

– Ладно, ладно, – мирно закивал Ивка. – Вдвоем ехать надобно, чего уж тут. Доскачем скорехонько, а там коня царевичу уступим – все веселее дело пойдет. Ты выглянь, проверь, все ли тихо, а я соберусь пока.

– «Тихо»! Да пока до этой клячи докричишься, весь околоток сбежится!

– Да нет, я чары прежние-то убрал, – объяснил Ивка, запихивая что-то в суму.

Сума у него была круглая и безразмерная – изнутри больше, чем снаружи. Только вещи прятала иногда: положишь в нее, а найдешь у соседа под забором...

– Ну, верный конь, – возгласил Ивка шепотом, когда они с Ванюшей в седло забрались, – вези нас туда, куда царевич отправился!

Старый конь дернул ухом, дернул другим, ноздрями повел и – быстро-быстро копытами зацокал – мимо дома Анисьиного, где уж голосов не слышать было, мимо колодца с журавлем, мимо садика, который Ясна сама растила... а там и в поля свернул.

– Ты смотри-ка, верно идет, – удивился Ванюша. – Мне царевич сказал, что у Черного пруда будет.

– А ты чего шею-то выворачиваешь? – спросил Ивка. – Смотри с седла не улети. Углядел, что ли, Ясну свою?

Перестал Ванюша оглядываться, в Ивку крепче вцепился.

– Да Пашка-стрелок к ней пошел: видел я его, когда к тебе пробирался. Если согласится она, завтра сватов пришлет...

– А ты что? – подпрыгнул Ивка.

– А что я? Я вот с тобой тут трясусь...

– Так и не сговорился с ней, значит? Эх, ты! Ладно, сейчас царевича вернем – и к Ясне твоей. Объяснишься наконец и с ней, и с матерью ее...

– И что я матери ее скажу? Так, мол, и так, отдавайте дочь за простого писаря, он всю жизнь на одном месте просидит, буковки будет разбирать да с чернильницей бегать? Я уж, Ивка, продумал все.

– Тьфу ты, мать честная! Кто про что, а мертвый про кадило! Да с чего ты решил, что писарь лучника хуже? Откуда тебе ведомо, чего Ясна-то хочет? Ты, Ванюш, все расчеты считаешь, а одной методой не проживешь. Иногда и вдохновенье пускать надо, и о чувствах подумать...

– Это я-то о чувствах не думаю? Да я о глазах ее синих, может, стихи кажинный день слагаю!

– Вот с этого и начни! А то – чернильница, буковки...

Долго бы они еще пререкались (дело обычное), да встал вдруг конь как вкопанный.

– Приехали! – догадался Ванюша. – Вон Черный пруд. Эй, царевич Иоанн, ты где? Выходи, отец вот-вот тебя хватится!

Соскочил он с коня и остановился, растерянный. Луна яркая, все в ее свете видно: земля вытоптана, кусты поломаны, шишки у камышей как саблей срезаны.

– Ну, чуяло мое сердце! – Ванюша к пруду подбежал, наклонился – вода мутная. И тишина такая кругом – аж жуть берет. Ни рыба хвостом не плеснет, ни птица не свистнет. – Слушай, чародей-недочка! Ты коню своему что приказал? Идти, куда царевич отправился? Нет тут давно и следа царевичева!

– Плохо дело, – согласился Ивка. – А ты мог бы и сам дорогу задать, умник эдакий! Не все ж о девице-красе мечтать... – Пошарил он в суме, вытащил зеркальце. – Ничего, сейчас разберемся.

– Дай я попробую, – Ванюша потребовал. – А ну-ка, зеркало, покажи нам не медля царевича! Где он сейчас и с кем. Да не вздумай увиливать и обзывать не смей! – и к самому стеклу кулак поднес.

– Что ты, что ты, соколик, опомнись, не суди строго-то! – зачастило-заголосило зеркало. – Покажу, конечно, как не показать! Да только темно там, не видать ни зги...

И верно – как ни вглядывались в зеркало Ванюша с Ивкой по очереди, а ничего толком разобрать не смогли. Вроде комната какая-то, а в ней тени неясные, шевеления какие-то...

– Дальше давай, – велел Ивка, – все вокруг показывай, что там есть!

Замутилось стекло, посветлело чуток – проступили ветви колючие, углы какие-то, обрывки туч... И вдруг близко-близко, во все зеркало, глаза мелькнули раскосые под широкими черными бровями!

– Мать честная, – выдохнул Ивка. – Не наши очи-то – степные, огненные...

– Ох, – шепнул и Ванюша. – Повзрослеешь ты зараз, как увидишь черный глаз!

Считалку они эту в детстве не на пустом месте придумали. Нагадала им бабка Анисья как-то зимой, что круто изменят их жизнь черные глаза. Всем троим нагадала – и Ванюше-разумнику, и Ивке-шалопая, и царевичу Иоанну. Потешались они сначала (а ежели б еще сто Иванов к бабке гадать пришли, и им бы то же самое выпало?), потом решили, что о невестах речь идет. Но давно уж Ванюша по Ясне синеокой сохнет, а Ивке Марька-сероглазка каждую ночь снится. Одно объяснение осталось: злой это глаз, вражеский. С ворогом лютым встретишься – нешто не изменится жизнь?

– А ну-ка, друже, прыгай на коня! – засуетился Ивка, закинул суму за плечо, Ванюшу чуть не силком в седло затащил. – Спешить надобно!

– Да подожди! – опомнился Ванюша. – Подумать дай. Ежли и впрямь царевич в беду попал, надо на помощь звать, к царю мчаться...

– Кто о чем, а корова о сене! Пока ты раздумывать будешь, пропадет царевич совсем, а царь с тебя же голову снимет! Тут не думать, тут действовать надо! – Похлопал Ивка коня по шее, приказал: – Ну, Серко, вези нас теперь прямо к царевичу. Туда, где сейчас он находится! Ну, что же ты, животинushка мой, животеюшка? О чем задумался-то?

Повернул конь голову неторопливо, фыркнул... И вдруг:

– Что есть животное? – спросил. Голосом, на бабкин Анисин похожим, ласково-вкрадчивым. – Животное есть существо живое, от человека отличное...

– Ох, мать честная! Это у него от прежних чар тяга к речениям осталась.

– Ну, Ивка!..

– Да не переживай, я сейчас все переделаю!

– Кто о чем, а дедка о репке! Оставь уж как есть – до того ли сейчас?

– Но и зверь же дикий есть существо живое, и птица хищная – так уместно ль, судари мои, обзывать коня доброго, друга верного, животиною, аки волка лесного?..

* * *

Все гуще лес делался, ветки глаз выколоть норовили, кусты с дороги сбить. Хорошо хоть коня старого чары прямой дорогой вели.

А у Ванюши в мыслях с каждой верстой все темнее делалось. К царю бежать – а вдруг к царевичу опоздаешь, друга подведешь и себя под монастырь подведешь? К царевичу спешить – а вдруг не справишься сам-то? И так плохо, и эдак неправильно...

– Да ладно, Ванюш, – Ивка подбодрил, – до утра тебя царь не хватится. А и хватится – не беда: чай, ты у него не единственный писарь-то.

– И то верно...

– Я про коня вот все думаю. Это он, значит, теперь на вопросы праздные отвечать будет. Ну, навряде таких: «Когда ж ты, ирод, измываться надо мной прекратишь?» или «И не надоело ль тебе, голубь, дурью маяться?» Вроде вопрос, а ответа не надобно. Батюка мне такие кажинный день задает, а я молчи и ответить не смей. Хотя ох как хочется, ажно зубы скрипят! Вот и с конем похоже – вопросов ложных не ставь ему, и все путем будет...

– Зубы скрипят? Так и конь у тебя оттого, небось, заговорил, – догадался Ванюша, – что раздраженье твое на батьку в чары выплеснулось. А если б ты злой был как черт, что тогда? Кусаться бы конь начал, бросаться на всех? Эх, Ивка! Играешь ты с огнем. Правильно Осип говорит, не чародей ты шалопай форменный.

– Да ладно тебе, Ванюш. Осип, он что... В его время по-другому чародейничали и слова такого – вдохновенье – знать не знали, друг за другом лишь повторяли одно и то же...

– Зато вещи послушные получались, – не стерпел Ванюша.

Слушал он друга и по сторонам смотрел. Солнышко уж золотом начало постреливать, ветви – нехотя стрелы те пропускать. А солнце-то жаркое, быстрое – внешнее. Даром что осень. Места вокруг глухие, прямоезжей дорожки нет, звери да пичуги непуганные.

– Ладно Осип, – продолжал Ивка, – а вот Марьку мне как уговорить?

– Да Марька-то за тебя хоть завтра – и отец, пожалуй, не остановит. А потом-то что? Чем жену кормить станешь? Вдохновеньем своим, что ль? Только не говори, что на заказ волшебство творить станешь. Ты вспомни, как царь тебе петушка-хранителя заказал – на крышу посадить, чтобы, значит, о гостях незваных предупреджал?

– А что петушок? – нахохлился Ивка, на седле покачиваясь. – Ну и петушок. Ну впечатлительный чуток, это да. Ну, всех кошек переключал, всех собак...

– Всех бояр и купцов заморских...

– А бабке Анисье вон по нраву пришелся!

– Оно конечно, – согласился Ванюша, – пугало из него знатное получилось – ни одной вороне не устоять.

– Ну и что же, что пугало! Польза-то все равно есть.

– Ну, коли так, то и вдохновенье не надобно – всяка вещь хоть кому-нибудь, да согдится, даже самовар дырявый...

Тут врезался конь во что-то, и дружки еле-еле в седле удержались. Глядят: что такое? Деревья как деревья, кусты как кусты... Снова Серка вперед пустили – не может пройти, будто отбрасывает что коня.

– А, – смекнул Ивка, – это, значит, забор тут стоит невидимый, прячется за ним кто-то. Ну, пошли в обход, калитку искать. Выходят же наружу хозяйева? Ищи, Серко!

Фыркнул конь, мотанул головой – и ни с места. Подождали дружки, перглянулись, снова его торопить начали. А Серко будто не слышит – потянулся к траве, захрумкал.

– А ну шагай давай, – спрыгнул Ванюша наземь, коня по шее шлепнул. – Ишь, отворачивается... Али я не с тобой разговариваю?

Серко морду с готовностью поднял, Ванюше глянул в лицо:

– Что есть разговор? Разговор, сударь мой, есть обмен словесами и мнениями...

– Ванюха, я же просил! – схватился Ивка за вихры свои рыжие. – Он же не замолчит теперь, пока не выговорится! Да потише ты хоть, скотина упрямая!

– ...А какой же то разговор, коли бедному коню слова молвить не дозволится? Коли друга верного обзывают при том по-всякому? Не беседа выходит, а сплошное мучение...

Где-то рядом ветка стрельнула-хрустнула. Ванюша Ивку за пояс ухватил, сдернул с коня. Притаились дружки за деревом, а коня как образумить, не знают. Глаза у Серка закрыты, морда мечтательная – попробуй такого дозовись.

Только Ванюша прутом его ткнуть наладился – прямо перед конем мужичина возник (как из воздуха вышагнул!), и самого что ни на есть басурманского виду: лицо широченное, как лопата, штаны широченные кушаком широким подпоясаны. В руке дядька саблю сжимает – а Серко и не замечает, знай себе разговоры разговаривает!

– Нет, я вам, судари мои, так скажу, конь – он тоже мнение имеет...

– О! – выдохнул басурманин. Еще бы: не каждый день, небось, говорящие кони с ним откровенничают. Заткнул он саблю за пояс, ухватил железной рукою Серко под уздцы, на спину к нему взлетел и пятками по бокам вдарил. Конь и брыкнуть не успел, как по ту сторону «забора» оказался. Правда, велеречивостей своих не прекратил, и долго еще до дружков его «словеса и мнения» доносились.

– Забор невидимый, – едва выговорил Ивка. – Колдун, стало быть, затаился тут.

– Черный глаз, – Ванюша прошептал. – Выходит, бабка-то Анисья не наврала?

А Ивка вдруг всполошился:

– Меня ж татка за коня прибьет! – и в орешник вперед головой, как в омут, сиганул!

И тут же с виду пропал, как и не было. Ругнулся Ванюшка – и за другом!

– Вот ведь, попали как кур в ошип! – Высок забор-то, не перепрыгнуть. Деревья сквозь него просвечивают, но тускло, вроде как сквозь туман. Ванюша воздух плотно-белый трогает – воздух толкается в ответ, точно кулаками незримыми отпихивается.

Странное дело: полегчало писарю. Назад пути нет – вперед, стало быть, идти надобно.

– Проход лишь пред хозяевами открывается, – рассуждал Ивка, пальцы в вихры запустившив. – А потом затягивается помаленьку. В аккурат мы успели... А ты коня еще бранил моего! Видишь, и от него польза случилась – провел нас внутрь.

– А выйти-то как? – спустил его на землю Ванюша. – Ты чары эти одолеть сможешь?

– Ну... – поскреб Ивка маковку. – Может, и смогу. Только не знаю я их, пробовать надобно, да и время опять-таки...

Снова Ванюша не удержался:

– А вот Осип-старик небось сразу бы распознал, что к чему! И в ловушке б за вражеским забором не застрял. Ивка, Ивка... Для того чужую науку и постигают, чтобы силы сберечь и время. Ты б хоть подумал сначала, куда прешь сломя голову.

А у Ивки-то пуще прежнего глаза разгорелись, вихры встопорчились – задор из него так и прет. Как будто не дело серьезное тут у них, а баловство младенческое.

– Эх, Ванюша! Решимости в тебе маловато, вот что. Не всё же ждать да рассчитывать. Вот и с Ясной ты никак...

Дальше речи разводить он не смог: крики дикие раздались, вопли страшные. Подхватились дружки, не сговариваясь, и вперед что есть мочи рванули...

Совсем немного пробежали, видят – полянка прямо в лесу расчищена: деревья раскромсаны, кое-как в кучи свалены, а те, что на корню, покорежены, ветки поломаны, корни наружу выступили, как лапы паучьи корячатся... Посреди ж всего этого странное строенье красуется. Дом не дом, шалаш не шалаш, шатер не шатер. Вместо крыши дельной – шкуры звериные. Стены кривые, кое-как срублены, щели мохом зеленым заткнуты...

Снова крики раздались! Ванюша Ивку за пояс успел ухватить:

– Да постой! Разве можно вот так – прямо волку в пасть? Может, и не царевич это совсем...

– А кто же?!

– А давай-ка зеркальце попытаем, – предложил Ванюша. Отобрал у Ивки суму, зеркало в нем нашарил, к свету поднес и велел строго: – А ну-ка, покажи нам того, кто кричал сейчас! Да не вздумай пустые лясы точить!

Склонились дружки голова к голове, взорами в стекло впились... Углядели: качается в полутьме кто-то длинный, тощий, извиваясь и дергаясь...

– Бежать надо! – всполошился Ивка. – Совсем пропадет!

– Да не похож на царевича-то, – усомнился Ивка. – Стать не та. А ну-ка, зеркало, покажи нам всех, кто здесь есть!

– Еще чего удумали! – захохотала стекляшка вредная. – Покажи им то, сам не знаю что!

– Не выдержало, – объяснил Ивка, вихры почесывая. – Шутка ль – молчать столько времени...

Не унималось зеркало:

– Я за вас, что ль, решать, что вам надобно, буду?

– А это мысль! – замер Ивка, взгляд остановив.

Тряхнул его Ванюша хорошенечко:

– Кто про что, а рыба про воду! – Завернул скорее зеркальце в тряпку: в темноте-то сразу оно замолкло. – Что у тебя с собой еще есть?

Присел чародей-непутевец на корточки, стал суму свою перетряхивать. Лапти на землю вывалил, зеркальце, веревку какую-то, шапку потрепанную...

– Это все? – Ванюша полюбопытствовал. – Не густо, однако.

– На остальное татка арест наложил, – вздохнул Ивка, – в чулане запер.

– Ну, зеркальце – это понятно. А шапку-то эту срамную зачем приволок? – поморщился Ванюшка. – Век бы глаза не видели...

Шапку-невидимку, первую свою вещь волшебную, Ивка сотворил из старой отцовской ушанки. Чтобы, значит, за девками на речке подглядывать... Пока он в конюшне ее примерял, все путем было. Когда ж три верных дружка, продравшись сквозь ивняк, рассчитались («Повзрослеешь-ты-зараз-как-увидишь-черный-глаз!»), нахлобучили на Ванюшу «ушанку» и выпихнули его из-за кустов... Ох и визг поднялся! Ох и верещанье! Аж ворона на лету в речку свалилась. На солнце себя шапка окаянная по-другому повела: ничего невидимым не сделала. Окромя одежды Ванюшкиной...

– А что – шапка? Авось и она пригодится! – Ивка себя за волосы подергал, шапку обратно в суму запихал. – Зато смотри-ка – лапти бесшумные! Очень нужная вещь. Пятки, правда, щекочут нещадно... ну да ладно уж. Мы давай вот что сделаем – ты посиди тут покамест, за домом последи, а я во круг обойду, узнаю, где Серко, а может, и царевича отыщу...

– А не лучше ль, – вздохнул ему вслед Ванюша, на землю усаживаясь – зеркало послушное сделать было бы? К чему ноги-то зря топтать?

Долго не было Ивки. Сперва Ванюша за домом издалека следил, потом крался туда-сюда, царевича в окошке увидеть надеялся, но выйти из-за кустов не решился. На знакомца широколицего наткнуться боялся. Был бы тут Пашка-стрелок, может, и сумел бы с вражиной справиться. А Ванюшка-то – писарь простой! Чем возьмет, чем сразит, коль столкнутся-то?

А после вспомнил про зеркальце. Уселся под березою, привалился к стволу, стройному, аки стан девичий, и скомандовал, в стекло глядя строго:

– Ну-ка, показывай, что у царя-батюшки делается! Что за бумаги писарю диктованы, что воевода хотел, чем волхвы озабочены!

Не посмело зеркало перечить. Отразило сперва Ванюшку у дерева – даже в лесу подтянутого да опрятного, а затем – стол в хоромах царских. На столе – бумаги стопкою, и кто-то их перекладывает, порядок наводит, стало быть. Скачут свитки перед взором у зеркала, мудрено за строчками уследить. Другой кто, может, и не успел бы. Да Ванюша-то – писарь! Ванюша-то словеса разбирать привычный!

Долго он читал то одно, то другое, аж взмок. Выходила чертовщина какая-то. Воевода царю докладывал о степняке, что на царство его ладил напасть, войска в степях собирал. Волхвы о погоде все твердили: осень, мол, никак не наступит – плохой это знак, разладилось что-то в мире. А Осип-чародей – тот и вовсе перед царем клочок бумаги положил с кривыми каракулями: «Вот украл князь Кошей деву-солнце, и погрузилась земля во тьму...» Бабки Анисья любимая сказочка. Царь небось сам темней тучи ходит. Эх, Ванюше бы туда сейчас, хоть чем-то помог бы! А то сидит он тут, как лешак какой, куда себя деть, не знает. Да еще зеркало это... своеобычное под руку

суется с советами: «Ты, соколик, ближе к свету подойди да солнца луч на меня наставь – покажу тогда, кто о тебе думает да мечтает!»

Решил Ванюша поискать, нет ли уже о нем да о царевиче повелений каких, да вдруг... Снова крики раздались, да какие! А потом еще, и еще...

Тут уж он осторожничать перестал. Согнулся в три погибели, к дому-шатру подскочил, быстро в окошко глянул... Нету за ним Иоанна! Прыгнул к другому окну Ванюша и – лицом к лицу с басурманином оказался... басурманчиком даже, щуплым, молоденьким... Засверкал тот очами черными из-под шапки своей мохнатой (и как только в ней не изжарился!), руки вскинул и – ка-а-ак запоем, ка-а-ак засвищет да ка-а-ак завоет!

От того пения-свиста затрясло Ванюшку. Хотел бежать – страх лапой медвежьей к земле пригвоздил. Хотел вздохнуть – грудь воздуха не принимает... К самой земле склонился, рукой схватился за дубок молодой. А мимо ключья земли проносятся, ветер в лицо пучки трав швыряет...

На миг какой-то поутихло всё... Поднял голову писарь, отдышался чуток – и тут новый вихрь его приподнял, завертел и к «забору» кинул...

Пришел Ванюша в себя – лежит он в ракиновых кустах, тело ломит, в волсах сучья застряли. Тихо вокруг, будто и не было ничего, а ветви-то у деревьев сломлены – торчат сучья, как кинжалы острые, да трав целые полосы как корова языком слизнула, с землею вместе... Вот он, значит, какой, колдун-черноглаз. А тот, что с лицом-лопатою, содружник его, выходит, иль слуга.

Только Ванюша нос из-за веток высунул – звуки недалеко послышались: кто-то крадучись по орешнику пробирается. Пригляделся Ванюша – царевич! Иоанн! Камзол нарядный разорван, лицо в грязи, но станом, как всегда, строен и взором ясен!

Бросился Ванюша к дружку.

– А я в шелку коня знакомого углядел, – молвил царевич, писаря по спине похлопывая, – ну, думаю, и вы, стало быть, поблизости! А чародей наш где?

– Вот он я! – Ивкин голос послышался. И сам он тотчас показался – бежит, в лаптях своих щекотучих подпрыгивает. – Еле нашел вас! Думал уж, заблудился совсем... – Подскочил он к царевичу с писарем, сгреб обоих в охапку. – Уффф... Да вовремя смекнул: надо клубочек сделать волшебный! Чтобы, значит, вывел куда хочу. Свернул я туго-натуго веревку, чтоб кругляшок получился, и перед собой бросил... Получилось! Покатился клубочек. Только вот норовил меня, ирод, дожждаться, распуститься обратно в веревку и ноги мне спутать! – Плюхнулся горе-чародей на землю, принялся лапти стаскивать. – Ох и замучили они меня, супостаты, – все пятки чешутся! Ну, царевич, ты где был-то?

– В боковушке сидел, – объяснил Иоанн, – по рукам повязанный. Веревку-то я перетёр, а дверь не смог вышибить. Да как свист этот раздался, вихрь поднялся – сорвало ее и несло, с притолокой вместе...

– А попал-то сюда как? – перебил Ванюша.

– Долго рассказывать, – замылся царевич, а сам покраснел, аки маков цвет.

– Ну ладно, дома расскажешь. Пошли скорей, пока чародей этот всю душу из нас не высвистал!

– Не волнуйся, Ванюш, – царевич сказал, – торопиться нам незачем. Чародей тот лютует часто. Но опосля отдохнуть ему надобно, и прислужникам его тоже. А прислужников двое всего, и больше не видал никого я тут.

– Ну, считай, одним меньше стало! – Ивка заявил, гордо грудь выпятив. – Вот послушайте...

Обошел он в лаптях своих бесшумных вокруг дома, заметил коня, к осине привязанного, а царевича не нашел. Хотел уж к Ванюше вернуться, как вдруг басурманин откуда-то вынырнул. Тот ли, который коня умыкнул, другой ли – не разберешь. И к «забору» напрямиком. А на локте у него две корзины качаются. Не иначе как еды добыть хочет! – Ивка смекнул и вослед через дыру в «заборе» проскочить успел:

– Дай, думаю, посмотрю, нельзя ли где поблизости подмогу найти...

Долго они петляли по тропкам неприметным – дядька впереди, Ивка – хоронясь за стволами, – а на выходе из леса остановился вражина, достал из-за пазухи платок и голову им обвязал, словно баба деревенская. И... в женщину вдруг превратился! Вроде бабки Анисьи, помоложе только. Дородная такая крестьянка получилась, степенная. Косая, правда, чуток и сафан короткий слишком, а остальное как полагается.

– И тут мысль у меня сверкнула! – Ивка продолжал, от возбуждения прищипывая, аки жеребенок, которому на волю не терпится.

Скоро деревенька показалась маленькая, а чуток подальше – село. Туда косая баба краем леса и направилась. Ивка – за ней!

В селе базарный день оказался. Ходит баба по рядам, птицу покупает, требуху, сало – все молчком, не торгуясь, продавцам развеселым не улыбаясь... Дождался Ивка, когда она обе корзины битком набьет, обе руки нагрузит, подскочил сзади – да шапку-невидимку ей на голову и нахлобучил!

– И что? – царевич сквозь смех выговорил.

– Как что? Шум, ясно, поднялся большой – повязали прямо тут же басурманина!

– А чары твои, что на шапке, – перебил Ванюшка, – с теми, что на платке его, не поссорились?

– Ты, Ванюш, как всегда, в корень зришь, – с удовольствием Ивка ответил. – Еще как поссорились! Сперва-то вместо бабы-крестьянки все дядьку увидели в чем мать родила, а затем – чудище о двух головах: одна – мужнинская, вторая – бабья...

А Ивка еще среди людей потерялся, поспрашивал, что да как, не слышно ль чего необычного...

– А подмоги не стал искать. Что, думаю, скажу-то? Спасите-помогите, царевича украли? Еще самого повяжут да к старосте отведут – объясняй потом, кто таков да откуда взялся...

– Вот весь ты в этом, – не утерпел Ванюша. – Сперва лезешь вперед батьки в пекло, а после уж думаешь, чем огонь тушить. Уж это мне «вдохновење» твое...

– Да погоди, Ванюш! Мужики тутошные сказывают, о местах этих дурная слава пошла. Второй месяц что-то неладное в лесу творится, иной раз люди шастают чужие, странные, а иной раз крики такие слышны – аж жуть берет путников. Хотели крестьяне собраться миром и лес вычесать, да боятся силы нечистой...

– Крики те я слышал, – сказал Ванюша. – Только я-то думал, что царевич это... Ничего не понять!

Объяснил Иоанн:

– За домом землянка есть, а может, колодец – другой там пленник томится. Мучают нещадно его, пропадет вот-вот!

– Все ясно! – Ивка в сапоги переобулся, лапти в суму пихнул и на ноги вскочил. – Ну, давайте решать, как коня вырывать будем. И пленника заодно!

Взглядом его Ванюша смерил, к царевичу повернулся:

– Ну, от чародея-то нашего со вдохновеньем его ждать всего можно. Но ты?! Неужто гнева царёва не боишься?

Царевич со вздохом рукою махнул:

– Чего уж теперь...

– А мне на колдуна охота взглянуть, – Ивка заявил, вихры подергивая, – когда ж еще такой случай выпадет? Да и пленника бросать... Что ж мы, Ванюш, неруси какие? Жалко ж человека-то!

И тут уложилось всё в голове у Ванюши – и волхвы с воеводами, и степняк с войском, и зимы-лета похищенье:

– Не человек это!

* * *

Забор невидимый прорвался в месте том, где Ванюша сквозь него пролетел. Теперь через дыру, тоже невидимую, свободно ходить можно стало. Лес понемногу от бури отошел, успокоился – пичуги осмелели, запорхали в вершинах, зачирикали, травы расправились, земля раны затягивать принялась.

– Скоро прислужник второй показаться должен, – Ванюша сказал. – Надо ж ему проверить, всё ль спокойно вокруг? А то кони появляются всякие, к чародею кто-то лезет...

Царевич Иоанн кивнул согласно:

– Я б на его месте проверил... – Помолчал чуток и добавил: – Вот уж не думал, не гадал, что Кощей нам спасать придется. А ты, Ванюш, молодец – экое дело распутал... Как думаешь, какой он на самом-то деле? Сухой да бледный, как в сказке Анисьиной?

– Ох! – спохватился Ванюша, в карман полез. Выудил зеркальце. – Разбилось, поди, как меня оземь-то грохнуло... – Но нет, сохранилось стеклышко! Лишь царапины-паутинки на нем появились. А в глубине огонечки замигали – то красный, то желтоватый... – А ну-ка, – писарь велел, – покажи, кто у чародея в колодце запрятан!

– Да уж показывало, – проскрипело зеркало. – Ничего небось с той поры не изменилось – тьма кругом и цепи качаются!

– Бойкая вещичка, – одобрил царевич с улыбкою.

– Ага, бойкая, – буркнул Ванюша. – Только бойкость не на добро, а пошто-то на вредность.

Ивка, хмурый и всклокоченный, зеркальце у него отобрал:

– Совсем помутилось от удара-то. Ну ничего, придумал я, как силы ему добавить. Чтоб в темноте само себе светило и все видело...

– Только уж пусть не болтает оно, – попросил Ванюша. – А то у тебя в последнее время всё заговариваться начало. То зеркало, то конь... Ты б еще лапти свои зачаровал: по дороге идешь – они тебе песни поют.

– А что, это дело! – загорелись глаза у Ивки. – Ты, Ванюш, правильно мыслишь, только это чуток погода, ладно?

Ванюша закашлялся (кто о чем, а кот о сметане!), но взгляд царевича поймал и смолчал.

– Поговорить-то – невелик порок, – рассуждал сам с собою Ивка, под осинкой пристраиваясь. – Поболтать я и сам люблю, да пошто-то не слушает никто. А мне бы волю – я б и по-нашему, и по-аглички, и даже по-басурмански...

– А нет ли чего пожевать, други? – царевич себя по животу похлопал. – Два дня маковой росинки во рту не было!

Ивка суму к себе притянул, зашарил в ней:

– Вот яблоч с базара принес... Больше-то денег не было.

Крупные яблоки оказались, медово-спелые, с одного боку желтые, с другого розовые – загляденье!

– От них только лягушки в животе поют, – поморщился Ванюша, – а пользы ни на грош. Не еда – обман форменный.

– А хочешь, я их зачарую? – предложил Ивка. – Чтоб одно яблочко съесть – и полдня сыту быть. Точно!

– Кто про что, а мышка про кошку...

– Нет уж, давайте как есть похрустим, – царевич одно яблоко забрал, впился зубами белыми в румяный бочок, аж сок брызнул. – А то ты, неровен час, того... сонными их сделаешь, и заснем мы тут все, аки царевны сказочные...

– Не бойсь, друже! Не заснешь, – заверил Ивка. – Хотя... знаете что? Давайте и впрямь я их сонными сделаю – мы их тогда басурманину нашему и подсунем!

Ванюша скорей второе яблоко ухватил. Укусил, пока не отобрали.

– Вы как хотите, а я зачарую, – сказал Ивка с обидою. – Еще одно где-то было... – Искал, искал – нету. – Да что ж такое? Неужто сумка окаянная перепрятала?

– Ох, Ивка...

– Да вот же оно!

Положил чародей яблоко с одной стороны, с другой зеркальце пристроил, так чтоб солнышка луч в нем играл, и за подбородок схватился. Задумался.

– Лучше не мешать, – царевич шепнул Ванюшке, – а то знаем мы это дело... – Помялся и добавил решительно: – Слышь, чародей... Ты это... не пе-

рестарайся с сонливостью-то! А то вдруг я... вдруг мы потом разбудить-то не сможем?

– А пошто его будить, ворога окаянного? – удивился Ванюша. – По мне так пуцай себе спит хоть сто лет, царевичей не ворует, честным людям зла не делает...

Слуга басурманский и впрямь вскоре вышел, огляделся, зыркнул глазами черными, саблю на поясе поправил и в лес вдоль забора на кривых ногах своих заковылял. Ивка едва-едва доколдовать успел. Вылезли дружки из кустов и один за другим сквозь «калитку» невидимую юркнули...

За домом чародей степной стоял, коня за уздечку держал и что-то ему гортанно втолковывал – резко, недовольно.

– Это он разговорить его пытается, – шепнул Ивка царевичу. – Только конь-то по-ихнему не понимает, а потому молчит. Ну что, кто яблоко-то подкинет?

Ох не нравилось это все Ванюше, ох не нравилось! Для дружины задание такое иль для волхвов – не для писарей. Писарь – человек маленький, на ратное дело не гожий... «Слугу отвлечем как-нибудь, колдун яблоко съест и заснет, а мы коня хватъ, Кощея на волю выпустим – и домой!» Ну, с Ивкой-то все понятно. Так ведь и царевич туда же! Как ни твердил Ванюша, что план тут нужен крепкий – чтоб все продумано, все просчитано, что вдоль, что поперек, а не «бежим скорей, а там видно будет» – не слушает Иоанн, Ивку поддерживает: «Времени нет, Ванюш». Ох темнит царевич, темнит! Глаза-то бегают...

– А как же мы чародея заставим яблоко наше съесть? – спросил писарь. – Не дурень же он, в самом деле, чтоб первое, что пред глазами возникло, на зуб пробовать!

– Да ладно, Ванюш, не волнуйся, – сказал Иоанн. – Ты глянь, яблочко какое – золотое, упругое! Рука сама тянется... – (Степняку с конем надоело, видать, возиться, оттолкнул он его и в дом-шатер свой ушел.) – Стой-ка ты лучше у выхода, стереги, а ты, Ивка, яму беги ищи, Кощея выпускай – он нам заодно и поможет. А мне яблоко давайте, придумаю что-нибудь. И коня подманю.

Шмыгнули царевич с Ивкой, аки мышки, в разные стороны, а Ванюша ближе к выходу встал, чтоб и лес туманный, и шатер на глазах были.

Сперва-то ничего не видать и не слышать было. Потом вдруг холодом страшным по ногам потянуло. Прыгает Ванюша, греется, а сам не знает, что и думать... Вдруг радостное ржанье послышалось, а следом – голос царевича, тихий да сдавленный:

– Тихо, дружок, тихо! А ну отойди... отойди, говорю! Да что ж мне с ним делать-то прикажете?!

Тут же голос другой ответил, вкрадчиво-воркотливый:

– Да кто ж тебе, сударь, приказывать может? Сам ты, поди, роду царского. А приласкай-ка вот коня бедного – настрадался он небось в руках неласковых, соскучился по голосу родному, хозяйскому... А еще лучше – яблочком угости!

– А ну отдай!

На минутку все стихло, а потом снова ржание раздалось, да какое-то дикое! Обмер Ванюша. За шатром возня какая-то началась... и вдруг – Серко ястребом вылетел! Глаза огромные, что тарелки, светом нехорошим горят, шея набок снизу вверх выгнута, грива развевается... Пронесся мимо Ванюши во всю мочь – только ветер в лицо!

Совсем растерялся писарь: где-то в лесу басурманин-слуга бродит, вокруг дома конь взбесившийся скачет, в доме чародей могучий засел, царевича не видать, Ивка тоже знаков не подает, да еще холодом все сильней тянет – мочи нету терпеть... А ведь это с той стороны, куда Ивка пошел! – осенило Ванюшку. Небось, опять начудил чего недоучка-то, выручать надобно!

Кинулся писарь, себя забыв, дружку на выручку, холоду навстречу...

Ивку за кучею дров заметил, и царевича там же. Оба над полотном бесцветно-серым склонились, с ямы стянуть пытаются, а руки то один, то другой отдергивают и чуть не пляшут от холода.

– А если б то яблочко человек съел, – шепотом царевич Ивку пытал, – что с ним было бы?! Вот погоди, вернемся – я тебя своими руками за шиворот – и к Осипу, сам в ноги ему поклонюсь...

– Да не возьмет меня, небось, Осип-то, – буркнул Ивка.

– И правильно сделает! Лупить тебя надобно ракиновым прутом, да уж поздно, – Ванюшка к яме подскочил, за край тряпки ухватился и ажно вздрогнул: вот он откуда идет, холод-то! Снизу...

Кое-как содрали они полотно. Из ямы так тьмою и дохнуло... А внутри кто-то черный да костлявый шевелится, весь в цепях, как бабочка в коконе, а глаза не то белые, не то красные, насквозь прожигают – страх один!

Взглядом пленник обвел дружков и сразу Ивке сказал:

– Ты со своими чарами и не суйся! Из старших кого позови. Да скорей!

А Ивка-то – аж вихры свои рыжие пригладил, рубаху одернул, руки потер – топчется, точь-в-точь как пред Марькой своей, когда на вечерку ее пригласить надобно:

– Позвать – это мы мигом! – засуетился. – Я вот сейчас из зеркальца волшебного лучик пошлю – и прямо Осипу! Он мужик мудрый, враз что к чему догадается... – Шарит он в суме потрепанной, шарит – нету зеркала! Аж покраснел весь, вихры встопорщились, как колючки ежиные: – Нету, хоть ты тресни!

– Ивка, Ивка... – царевич вздохнул. – Одна морока от твоей волшбы, право слово. И никогда ведь не знаешь, супротив кого она обернется. Сказано тебе – не суйся даже! Лови коня и во дворец галопом!

Кинул Ванюша взгляд из-за дров... А степняк-то из шатра выскочил! От коня обернулся бушующего, что-то крикнул горланно.

– А колдун-то могучий, зная, – с тревогой писарь сказал, – раз под носом у царя обосновался. Даром что молоденький, вроде нас, да маленький.

– Да не колдун это вовсе! – скрипнул Кощей, в цепях забился. – Так, звание одно!

Переглянулись дружки.

– Не колдун? – Ванюша переспросил. – А как же он тебя, отец, изловил тогда, коль не чарами злыми?

– Не знает он чар, – прохрипел Кощей, – и сил у него нет особенных, кроме одной – свистом своим воли лишать, что человека слабого, что чародея стойкого. Нешто б цепи меня удержали, кабы волею не ослаб? – Дернулся он и снова обмяк. – Но и эту силу неуч использовать не умеет – вон что с землею творит! Разве будет она долго терпеть? А ему и невдомек.

Учуял что-то басурманин, а может, замерзать начал: прямо к яме зашагал осторожненько. Вот-вот заметит троих дружков!

– А ну прячься! – писарь скомандовал. А куда спрячешься? За кусты ореховые, за березки тонкие? За спиной – забор невидимый, пред лицом – вражина черноглазый...

Да колдун-то споткнулся вдруг. Проворчал себе под нос что-то, нагнулся и – блестящий овал из-под пятки поднял... Зеркало волшебное!

– Ну, сумка! – Ивка прошипел, яростно суму свою потрясая.

– Ну, Ивка! – царевич с писарем выдохнули. Потрясли б они от души недочку самого, да недосуг теперь было.

Глянул в зеркало колдун... приосанился, плечами повел, рукою брови разгладил... А зеркало-то – возьми да и скажи ему чего-то! Не по-нашему – по-басурмански! Тот и рад – залопотал-забормотал, даже не заметил, что рядом конь проскакал, неистово взбрыкивая.

Но и с басурманином зеркальце не поладило. Он ему слово – оно в ответ три, он ему десять – оно сто... Разозлился колдун, оскалился, размахнулся хорошенько – да оземь его, стекляшку непослушную!

А оно до земли не долетело. Сверкнуло, аки солнышко малое, и такой грохот получился, такой треск! Ванюша такое лишь однажды видал – когда Ивка сухой огонь делать пробовал (чтобы, значит, с собою в сумке носить)... Ослепило басурманина – согнулся в три погибели, глаза трет.

Опешили дружки, а Кощей на Ивку глазом своим красноватым зыркнул – перехватило у того дух, закашлялся даже.

– А поделом! – заявил Иоанн. – Твоим чародейством только детей пугать.

– А ты, царевич, неужто лучше? – Кощей прищурился. – Попал-то сюда как? Остался почему? Не вспомнишь?

Вспыхнул царевич, а Ванюша, оробев, за спину его отступил. Но и там его нашел глаз Кощеев:

– Ну, а ты? Долго будешь еще судьбу свою отпугивать? От счастья прятаться? С другими себя равнять, да не в пользу себе?

Удивился Ванюша, ответить хотел, да глядит – колдун-то с силами собрался, выпрямляется да руки, как давеча, поднимает! Петь готовится!

Выпрыгнул Ванюша из-за кучи дровяной, дружки за ним – остановить басурманина!..

– Мать честная! – ахнул Ивка.

С колдуна шапку-то мохнатую снесло, сорвало кушак, разметало одежду... А по плечам-то – косы черные! А под рубахою – шея лебединая!

Попятились дружки невольно... А девица-то не растерялась – очами молнии заметала, воздуху набрала побольше – и ну свистеть-верещать!

Свист послабже прежнего был – видать, не накопилась еще сила у девки. Но и теперь Ванюша едва на ногах устоял. Сзади Кощей завыл глухо, Ивка закашлял, царевич что-то закричал... Да разве расслышишь тут? Отдышаться бы...

И вдруг разом стихло все.

Ванюшка глаза открыл: девица у стены лежит, конем придавленная... А тот ногами-то подергал, подергал да и захрапел на весь лес, аки пьяница записной – спасибо яблочку!

– Ах ты, одихмантьева дочь! – только и выдохнул Ваня. Кушак, что на земле валялся, схватил и к девице кинулся...

– Постой, – слышит голос сзади, – погоди! Не тронь ее!

И кто-то вперед писаря проскочил, колдунью загородил собою. Ванюша подумал – слуга-басурманин вернулся. А это... царевич Иоанн! Дружок закадычный! Краса и гордость царёва!

* * *

– Вот и сбылось гаданье бабкино про черный-то глаз. Все мы трое дурости свои бросили...

– И ты? – улыбнулась Ясна-голубушка.

– А что я? – смутился отчего-то Ванюша. Ну надо ж, совсем другим человеком себя теперь чувствовал, а пред Ясной смущаться не перестал! – А я вот подарочек принес, – заторопился писарь, – Ивка зеркальце сделал новое, да послушное, некапризное. Для нас с тобой постарался. Чтобы я в него, значит, на тебя поглядеть мог, коли соскучусь, а ты на меня... Глянул я вчера – стоишь ты под черемухой, у ромашки лепестки обрываешь. Гадаешь, стало быть. Ну, тут я и смекнул: если б сладилось у тебя с Пашкой-то, нешто стала б ты на любовь гадать?

Ничего не сказала Ясна, лишь головой покачала («Догадался-додумался – ста годов не прошло!»), зеркало взяла...

Над лесом вдали стая гусей круг выписала и скрылась с глаз. Ванюша с Ясной им вослед руками помахали.

Поля уж зябкою дымкой окутались, и травы пожухли за одну ночь... Осень быстрой поступью шла.

– С того самого мига холодать стало, как Кощей улетел, – сказал Ванюша.

...Только-только девица на их милость сдалась, царевича за руку схватила – из тумана Осип-чародей вышел. Огляделся, пальцами щелкнул – и забор волшебный исчез. На месте его полотно оказалось, вроде того, которым яма была затянута, а за деревьями уж стражники стояли с оружием, и слуга-басурманин с ними – прямо к дому их привел, скрученный-то.

Царевич колдунью прикрывает («Она же незлая совсем, просто дикая да непутевая, сирота к тому ж!»), Ванюшка Кощею помогать бросился, а Ивка под шумок кусок полотна оторвал и давай в сумку запикивать... Тут его Осип за вихор и ухватил:

– Это ты вещь бесценную в своей котомке недельной таскать собрался? А ежели снова она взбрыкнет?

Недоучка глаза робко вскинул:

– А я ее переколдую потом, суму-то... Чтоб не бегать туда-сюда, коли нужно что кому отнести. Я в нее вещь кладу – пред тобой она появляется...

Осип кулак к его носу поднес:

– Кто про что, а пёс про блоху! Вон гляди, что бывает, когда вслепую силы пробуют, без науки да методы, – и на девицу показывает...

Съежился Ивка, рот захлопнул. А глаза-то довольные из-под рыжих кудрей светятся...

– Крепкую трепку ему Осип задал, – продолжал Ванюша, – но обратно взял. Небось Марька уговорила. Сияет теперь Ивка, аки самовар начищенный. Говорит: как вспомню одихмантьеву дочь да представлю, что и я такое наворотить бы мог – и вдохновенье не в радость.

– Не пойму я, – сказала Ясна, – вот ты говоришь, нет силы у девушки. А как же забор невидимый и платок волшебный?

– Это все одна ткань, – Ванюша объяснил. – Чем хочешь, тем она и становится – и лик меняет, и глаза отводит, и от холода защищает. У нас про такую даже Осип не слыхивал... А ткань эта у Кощея была украдена. Верней, откупился он ею, чтоб время потянуть. Она ведь, девица эта, ни много ни мало все наше царство завоевать решила! Дескать, раз сила есть – царствовать надобно. А свои-то ее не признали, видать... – (Да и кто же в степи девку в царицы пустит? Прогнали, поди, а с ней кто хотел – ушел). – Услыхала она краем уха, что есть у нас такой Кощей Бессмертный. Как уж она его нашла, где подкараулила, то мне неведомо, но оглушила-таки и похитила, чтоб секрет бессмертия выпытать, воинов своих непобедимыми сделать. А сама, ты подумай, ни читать не умеет, ни писать, по-нашему изъясняется кое-как, и про Кощея не знает ничего!

Ясна его ласково по голове погладила:

– Всегда я знала, что ты у меня самый умный – недаром, чай, в писари выбился! А теперь вон с самим Кошеем знакомство свел. Куда там Пашке!

Запнулся Ванюша. Про Кощея царь ему запретил рассказывать. Как вернулись они все из лесу, он Ванюшку к себе призвал, сразу после царевича. Царевич-то красный от отца вылетел, аки сваренный (но от колдуньи своей не отступил! Не даст, мол, сиротку в обиду!), а с писарем царь долго беседу вел, расспрашивал, как и что он из бумаг-то секретных понял. Все ему Ванюша выложил не таясь. Как увидел воеводы донесенье да узнал про тревоги волхвов, как игра любимая припомнилась: похищает Кощей деву-солнышко – и зима без нее настает... Как подумалось: а что было бы, если б самого князя Зимнего кто украсть вознамерился? Царь Ванюше щедро золота отсыпал да язык посоветовал не распускать. Обещал к другим делам приставить, посложнее...

– Ну вот, – заторопился писарь с Кощей свернуть, – сперва-то при ней трое слуг неотлучно были. Да потом надоело ей ждать – одного к войску отправила, выступать, значит, велела. А царевы воины того лазутчика перехватили...

– А царевич-то наш ей зачем занادобился?

– Так ведь время идет, а Кощей секрета не выдает своего! – (Да и как вы-
дашь, коль нет секрета? Нельзя зиму убить, и все тут!) – Вот она и пореши-
ла: украдет царевича – легче будет старого царя на испуг взять. Тут ей, ко-
нечно, повезло: другой кто, может, и не повелся бы, да наш-то Иоанн... В об-
щем, показалась она ему в лесу, где на охоте он был, полыхнула очами чер-
ными – он и зажегся. Едва ночи дождался, чтоб на свиданье лететь...

Ясна зеркало к себе прижала.

– Так что же с ней стало-то?

Ванюша нахмурился.

– Да я и не знаю точно... Поди разберись тут – секретов столько! Осип
сказал: царь велел её Кощею оставить. Пусть сам, мол, решает, казнить или
миловать. А царевич уж просил за нее, просил... «Оставь ты ей жизнь, – го-
ворит, – и голос оставь: петь очень любит». Видно, крепко она ему к сердцу
прикипела: про других и думать забыл. Он ведь раньше таких не видывал –
кипучих да яростных, словно пожар лесной. Ну, и... В лягушку её вроде Ко-
щей обратить надумал, в лесу спрятать. Сказал, ежели поутихнет чрез год у
девицы норов-то, а царевич не разлюбит её... поглядим, мол, тогда.

– Конечно, не разлюбит теперь, – сказала Ясна. Очи синие опустила, за-
румянилась. – Подумаешь, год... Я вот тебя всю жизнь жду, и ничего, дожда-
лась ведь!

Прижались они друг к другу и вместе в зеркальце поглядели. На миг ли-
ца их отразились счастливые, а затем – пара белых лебедушек, голова к го-
лове... И вдруг Ивкин глаз подмигнул хитрющий.

Рассмеялась Яснушка – будто солнышко на льдинке заиграло:

– Ну, Ивка!

А вдали еще одна стая поднялась: настоящие лебеди в чужие края улета-
ли – туда, где зимы настоящей нет.

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

МЫШЬ С ДЛИННЫМ НОСОМ

МЫШЬ С ДЛИННЫМ НОСОМ ЖИЛА В НОРЕ ЗА КОМОДОМ. Каждую ночь она выбиралась из норы, чтобы первым делом залезть в комод, где пахло лавандой, которую хозяйка раскладывала повсюду, и проверить, какие вещи на месте, какие вернулись из стирки, а какие пошли в носку. Покончив с комодом и с бельем, мышь с длинным носом прислушивалась, как посапывает хозяйка, и бежала в другую комнату, откуда раздавался зычный храп хозяйина. Она забиралась в книжный шкаф, где пахло табаком, который хранился на полке, чтобы поглядеть, какие книжки на месте, а какие читаются. Перед тем как через потайной лаз выбраться во двор, чтобы навестить своих родителей, которые жили в деревянном сарае, мышь с длинным носом прохаживалась по кухне и собирала с пола крошки, закатившиеся в углы колбасные шкурки или кусочки сыра. Проверять кастрюли и сковородки она не решалась – слишком уж они были звонкие.

В эту ночь мышь с длинным носом в обычном порядке проследовала на кухню, но, добежав до середины половицы, остановилась и принялась. Сладкий запах шекотал ей нос, и она несколько раз подряд чихнула. Запах шел со стола. Взобравшись по табуретной ножке, а потом по скатерти, мышь с длинным носом увидела, что кто-то из хозяев забыл на столе чашку и блюдец.

Привстав на цыпочки, опершись на край блюда, она заглянула в чашку.

Внутри было какао, в которое добавили корицу, сахар и совсем немного мускатного ореха. Мышь с длинным носом все ближе и ближе тянула свой нос к какао, которое пахло жуть как соблазнительно. И вдруг – бац – лапки ее соскользнули, и чашка перевернулась вверх тормашками, накрыв мышь вместе с ее длинным носом. И все, что было на дне, – сладкое и душистое – вылилось прямо ей на голову. Мышь стояла как под колпаком, растопырив лапы, и ароматные капли какао, отдающие корицей и мускатным орехом, капали с ее длинного носа. Внутри чашки было темно. И это была не та темнота, к которой она привыкла, и которая помогала ей проверять, что где лежит, по ночам, и не та, которую она ощущала, когда зажмуривалась перед рассветом, чтобы поскорее заснуть. Это была самая темная темнота на свете, потому что глаза мыши с длинным носом были залеплены какао.

Мышь с длинным носом прислушалась – по-прежнему из комнаты с кодом доносилось посапывание, а из комнаты с книжным шкафом – громкий храп. Тогда она вытерла лапы друг о дружку и очистила глаза. Какао было повсюду на ее теле, и это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что мышь с длинным носом стала слизывать какао со своей шкурки и причмокивать, а плохо, потому что какао было слишком много. Когда живот ее наполнился до краев, она отряхнулась, как следует, и осторожно приподняла край чашки, так, чтобы он не звякнул. А потом, даже не оглядевшись, со всех лап припустила к потайному лазу, чтобы выбраться во двор.

После всего она отдышалась и оглядела себя со всех сторон. Шерсть была липкая и стояла дыбом. Обычно перед тем, как отправиться в дровяной сарай, она проверяла запасы, спрятанные на веранде. Но сейчас мышь с длинным носом поспешила перебраться через выложенную кирпичами тропинку, что вела к крыльцу, и по грядке с морковкой прошмыгнула к дровяному сараю. Несмотря на пережитое волнение, по дороге она успела заметить, сколько морковок хозяйка сорвала за вчерашний день.

В дровяном сарае пахло березой и сосной, и родители были заняты тем, что мастерили из прутьев кресла-качалки, чтобы на досуге глядеть на звезды и слушать, как шуршат в сухой траве ежи. На этот раз она не принесла им ни крошек, ни колбасных шкурок, ни даже самых заваливающих кусочков сыра. Но зато сама она так чудесно пахла, что родители-мыши стали дружно слизывать с ее шерсти остатки какао, корицы и мускатного ореха. Они остались вполне довольны угощением и, поцеловав дочь на прощанье, проводили ее до теплицы, где она должна была разведать, завязались ли баклажаны, и сколько базилика осталось, а сколько было сорвано на суп.

И только под самое утро, покончив со всеми своими ночными хлопотами, мышь с длинным носом направилась к жестяному корыту, что стояло под сточной трубой, и где скапливалась дождевая вода, чтобы смыть с себя остатки душистого какао. Однако еще долгое время потом хозяйка, перебирая белье, или хозяин, ставя книжки на полку, принюхивались, потому что им чудился сладкий пряный запах. А перед самым рассветом, когда мышь с длинным носом зажмурилась, чтобы поскорее заснуть, аромат корицы с примесью мускатного ореха плавал над кухней, грядкой с морковкой и даже долетал до дровяного сарая, где родители-мыши потягивались в новеньких плетеных креслах-качалках.

В течение нескольких месяцев в одном из московских издательств выйдет в свет книга Геннадия Прашкевича и Алексея Гребенникова «Полярная сага». В этом номере нашего журнала, в рубрике «Синопсис», мы публикуем отрывок из этой книги и короткое интервью с соавторами.

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ, АЛЕКСЕЙ ГРЕБЕННИКОВ

ПОЛЯРНАЯ САГА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: КНИГА СОВЕСТИ

I

Гулко лопнула лиственница у озера.

В такую лунную ночь пить воду нельзя – отморозишь губы.

Кукушка Хат прорубила зарю. Из полярной сумеречности возникли неясные тени – много нарт, злые голоса, лязг железа, лай собаки. Дети мертвецов, как обычно, шли к Столбу. В небе, как от испуга, распускались нежные сполохи – зеленые, красные. Киш плохо спал в такие ночи, видел сны: страшный зверь Келилгу дышал в спину, земля дрожала под его поступью; далекая женщина смеялась, манила смехом. Кашляя, выходил из норы, дышал стеклянным холодом, пытался провидеть будущее.

Но как его провидеть, если не знаешь прошлого?

Возвращался в пустую залу, упражнялся в беге по кругу, в метании копья, в стрельбе из лука, в ношении тяжестей. Легкий, быстрый – стал как двухгодовалый бык. За долгую зиму научился прыгать на высоту птичьего полета, только проверить пока не мог, мешали низкие своды. Мышонок Икики, требовавший называть себя Илуду – по имени мудрой бабушки, учившей его законам, которые он постоянно нарушал, беспокоился: «Тот, кто не помнит, он что делает?» Тайком приводил в залу Учителя – посмотреть на Киша. Нетерпеливо крутил хвостом – в легких чешуйках, и на каждую приходился один волосок. Старался понравиться дочери Учителя, она подглядывала в узкую щель. Легко лазал по прислоненным к стенам сухим деревьям, правда, Киш все равно прыгал выше. Зато Киш не умел висеть на хвосте, он просто размахивал тяжелым копьём, как куском сырой шкуры. «Это ужас, что он делает! – клялся Икики. – Это ужас, как такое опасно для нас!» Проводив Учителя, оставался за входом, дразнил Киша. Стучал в запертую

дверь, спрятавшись за сухой травой, сваленной в углу, злобно шептал голо- сом, не похожим на мышиний: «Вот Дети мертвецов совсем повалят Столб! Вот повалят Столб – исчезнет всё прошлое».

Киш дивился.

Он и без этого ничего не помнил.

Опять выходил под сполохи, смотрел на цветные сугробы.

Думал: какая страна! Больше годится для жизни теней. Они быстротеч- ны, промчатся, как ветерок, по застругам и – нет их. Летом не боятся гнуса, в болоте не тонут, не горят в костре, от вспыхивающего света только распро- страняются. Но это понятно. А зачем идут в сторону Столба Дети мертве- цов? Говорят, вокруг Столба пусто и снежно. Там, будто мошкара, вьются злые духи – гамулы. Там много серых костей – маленькие гамулы питаются китами. Принесут кита всем колхозом и ядят. Только лисы их не боятся, у них нет понятия о грехе.

Всех, кто не относился к великому мышиному народу Аху, издавна зани- мающем Большую нору, Учитель называл хамшарен – рожденными соба- кой. Сумеречные ламуты – хамшарен. Дети мертвецов – хамшарен. Может, и Киш такой. Мышонок Икики не уставал следить: вот зачем Киш так час- то выходит наружу, студит нору? На что в тундре смотреть? Снега, редкие лиственницы. Живя у моря, можно слушать шум морского прибоя, глядеть на разнообразных морских животных, изучать их нрав, взаимную вражду и дружбу, а тут что? Ни ужасных болезней, ни опасности поражения молни- ей, даже гром доносится как бы издали. Да и в громе нет ничего особенного. «Кутха баты тускеред». Ежу понятно: верховный бог Кутха сердится, пере- таскивает лодки с одной реки на другую.

«Киш!»

«Чего тебе!»

«Иди! Зовут».

На этот раз мышонок не прятался.

Длинная мордочка злобно скалилась, хотел казаться сердитым.

Киш в последний раз бросил копьё. Так стремительно, что мышонок не успел вздрогнуть. Могло показаться – смелый, но просто не успел отско- чить, острое копьё вонзилось в стену норы в одном укусе от длинной мор- дочки. Серые усики взволнованно встопорщились. Икики выскочил в узкий проход, сшибая горбатой спинкой фонарики светлячков. «Ты даже не зна- ешь, кто ты!» – обиженно кричал на ходу.

Киш не слушал.

II

В Южной кладовой Киша ждал бригадный комиссар Иччи.

Полное имя Иччи было намного длиннее, но бригадного комиссара ни- когда не звали полным именем, это запрещалось. Просто Иччи. Бригада по сбору сараны, которой он руководил летом, насчитывала всего семь десят- ков душ – не так уж и много для большого народа, но Иччи руководил уме- ло. Рядом с ним стояли два его постоянных помощника – суровые бойцы из

клана наусчич. Длинные морды, короткие хвосты, красноватая замша. Никто не скажет, что не следят за своим внешним видом.

«Вот вам Киш!» – крикнул Икики.

Получалось, что это он привел Киша.

Суровые помощники кивнули, а бригадный комиссар отдул усы и спросил, не здороваясь: «Когда ты в последний раз видел хранителя Аппу?»

Спрашивал он, ни на кого не глядя. Все равно ответил Киш:

«В середине зимы. В месяц – от мороза топорича ломаются».

«Хорошо, что ты помнишь хотя бы это. Но говорить надо правду».

«Это правда. Я ходил за вялеными кореньями. И там был хранитель».

«Это Аппу был?»

«Стопудово».

«Почему ты уверен?»

«У него запах особый».

«Да, запах у него особый, – неохотно согласился бригадный комиссар. – А где ты сам провел детство?»

Киш не любил такие вопросы. Он сердился, когда его спрашивали о том, чего он не помнил. Иччи это знал. «Ладно, не отвечай, – сказал, и суровые помощники удовлетворенно переглянулись. – Но все в Большой норе знают, что ты не любил хранителя».

«Не я один. Аппу вкусное даже от родственников прятал».

«А там, где ты родился, запасы раздают всем желающим?»

Киш промолчал. Зато помощники бригадного комиссара оживились:

«Твое право, Киш, не отвечать на вопросы. Мы уже знаем, что *это* сделал ты!»

Киш опять промолчал. Он не знал, в чем его обвиняют, но живое существо, не помнящее собственного прошлого, легко обвинить в чем угодно.

«Войди в хранилище».

Он вошел. Иччи вошел. Все вошли.

Хранилище было пустым, слабо освещенным светлячками, натканными под потолком. Пол затоптан, а там, где обычно горками лежит чищенная сарана, сухие ягоды, вяленые грибы и всякие полезные коренья, теперь почти ничего не было. Нельзя же считать запасами раскрошенные листья лопухов. И это было странно и непонятно. Все лето народ Аху носил коренья и ягоды в хранилище. Усатый, толстомордый Аппу никому не верил, каждого подозрительно похлопывал по голому животу костлявой холодной лапкой. Киша, например, такое сердило. Даже сейчас, когда хранитель неподвижно висел под потолком в развилке сухого корня, Киш не сразу его пожалел. Но так подумал: в хранилище побывали четанаусчу. Они ленивые мыши. Они злые мыши. Их называют четанами. Они как трутни у пчел. Все лето играют, потом всю зиму воруют. Наверное, пришли по своей воле и без разрешения, а хранитель их застал. Четаны легко пугаются. Испугавшись, сунули подозрительного Аппу шеей в развилку сухого корня, чтобы сильно не мешал, и на его глазах устроили пир. Пока пировали, глаза хранителя навсегда закрылись. Но четаны разговаривали с ним, у них такая привычка – не

могут есть молча. «Смотри, как много можно съесть вкусных ягод, старик!» Так, наверное, говорили. «Попробуй отнять у нас сладкую ягоду, старик!». И съели много. Очень много. Так и лежали теперь на голом полу у стены – вздувшиеся животы, серые потрепанные мундирчики. Могли бы догадаться, что такой опытный и сердитый хранитель на всякий случай пересыпает запасы толчеными корешками.

«У нас для тебя, Киш, есть две новости», – сказал бригадный комиссар.

«Одна, наверное, хорошая, а другая плохая», – догадался Киш.

«Нет, Киш. Обе плохие. Какую хочешь услышать первой?»

«Наверное, совсем плохую».

«Имеешь право, – кивнул бригадный комиссар. – Все знают, что ты часто ссорился с Аппу. Теперь мои помощники думают, что хранителя убил ты. По стовору с четанами. Один столько ядовитого бы не съел».

Помощники дружно кивали. Им нравилась пронизательность бригадного комиссара. Им нравилось, что Киш как бы уже сотрудничает с выборными лицами, какими они являлись. Киш летом сам не раз приносил старику коренья, значит, мог принести ядовитых больше, чем полагается для законной защиты, и уж тем более мог помочь четанам сунуть старика головой в сухую развилку.

«Ты часто ссорился с хранителем?»

«Только когда он кричал на меня и хватал холодными лапками за голый живот».

Помощники удовлетворенно кивнули. Им нравился подход бригадного комиссара к делу. Если Киш ссорился не очень часто, значит, копил в себе злость. А последствия на глазах. Выполняя последнюю формальность, Иччи спросил:

«У тебя есть что добавить к сказанному?»

Конечно, у Киша было что добавить. Например, он мог бы добавить, что всю зиму провел в жилых камерах Большой норы. И часто сживал с самим бригадным комиссаром в зале для игры в ау-ау, а мышенок Икики при этом ругался, завидовал, таскал у игроков сухие горошины. Киша видели все, кто бывал в жилых камерах, и с хранителем Аппу он в последний раз разговаривал тоже в жилой камере. Тогда холодной костлявой лапкой хранитель, как обычно, хлопал Киша по голому потному животу. «Пусть твои лапки отсохнут», – сказал Киш простодушно. Даже не таскал старого за усы. Вот и весь разговор.

Но Киш ничего не добавил к уже сказанному.

«Откуда ты родом, Киш? Почему тебе не нравятся холодные лапки? – настаивал на своем бригадный комиссар. – У многих существ народа Аху лапки холодные и костлявые. Почему ты не делишься с нами воспоминаниями о своем детстве, о характере своих друзей? У народа Аху много воспоминаний. В юности меня, например, чуть не съел налим Донгу. Правда, промахнулся, съел только родителей. Я это помню, а ты не рассказываешь про своих родителей? И никогда не приходишь к Учителю толковать сны. Зато ночью выстуживаешь коридоры, открывая дверь под северное сияние. С какими намерениями ты выходишь ночью из Большой норы?»

Киш бы ответил, но не знал ответов.

Бригадный комиссар раздраженно ударил себя хвостом по ногам.

Этот жест тут же повторили помощники Иччи. В принципе, можно было обойтись только одной плохой новостью, но закон есть закон. Поэтому Иччи не стал затягивать с другой новостью.

«Учитель обвиняет тебя в воровстве, Киш».

III

Старый Учитель Анну действительно был растерян.

В библиотеке, куда приходили толковать сны, сейчас было пусто.

Раньше знали: нехорошо во сне ссориться над кислой рыбой, или снимать снег с сапог с помощью ножа, или варить разные травы в одной посуде; теперь получалось – нехорошо даже не видеть снов. Учитель стоял в пустой библиотеке растерянный. На полках совсем ничего, даже мятных корешков, снимающих запахи плесени, пол запорошен бумажными обрывками, на голове – сухой лопух, выцветшие глаза затянуты чем-то мутным – как туманом. Увидев Киша, пожаловался: «Ко мне старость п-п-пришла. Как уп-п-павшее дерево свалила, словно п-п-пень обгорелый стал».

Причину заикания Учителя знали все. Об этой причине часто рассказывали серые сарафанчики – подружки дочери Учителя. Так рассказывали. Особенный дух, глава другого мира Билюкай, по иному – Пиллячуча или даже Гаеча, был встречен Учителем однажды зимой. Случайно встречен: Учитель редко отходил от Большой норы. Все знают, что по снежным полям Билюкай обычно ездит на куропатках. Так вот, кто такое увидит, тот всю жизнь будет счастливым на любом промысле или всю жизнь будет заикаться.

С Учителем случилось второе.

Киш поискал глазами книгу, над которой всю жизнь трудился Учитель, но полки были пусты. Только на полу, как поздний снежок, раскиданы обрывки белой бумаги и серый горошек мышинного помёта.

«Ты что об этом д-д-думаешь?»

Киш пожал плечами: «Ничего не думаю».

Выцветшие глаза Учителя сверкнули. Особенное беспокойство пронизало его с ног до головы. Седые усы дернулись. Он придвинулся ближе и прижал лапки к груди. Но Киш понимал, что здесь его хватать холодными лапками за голый горячий живот не будут, потому стоял спокойно.

«Киш, – проникновенно сказал Учитель. – На земле много зла. Есть т-т-такое, что всех птиц, рыб, зверей сразу убить может. Как д-д-думаешь, можно сразу всех птиц, рыб, зверей убить?»

И нечаянно выдал себя:

«А с ними хранителя Аппу?»

«Не знаю, – ответил Киш. – Ничего такого не думаю».

«Киш, – еще проникновеннее сказал Учитель и поправил на голове шапочку из сухого лопуха. Чуть приоткрыв дверь, подглядывала из темноты теплая любопытная дочь Учителя. – П-п-полезно убивать жирных птиц.

П-п-полезно ловить вкусных рыб и зверей. Полезно их костями выкладывать полы в норах».

И опять выдал себя: «А чем п-п-полезны нам кости Аппу?»

«Не знаю. Ничего такого не думаю», – ответил Киш, потому что, правда, ничего такого не думал.

«Киш, – совсем уже проникновенно спросил Учитель. В его голосе дрожала плохо скрываемая надежда. – Как думаешь, на земле живых людей б-б-больше, или мертвых? Смерть хранителя может изменить это соотношение?»

«Этого тоже не знаю. И не думаю ничего».

Учитель разочарованно сжал лапки:

«Когда мало знают, тогда много страдают, Киш».

И не выдержал, всплеснул лапками, обводя ими библиотеку:

«Все п-п-погибло! Все п-п-погибло, Киш! Теперь вижу, что мертвых больше, чем живых. Даже одно тело, даже одно действие могут изменить правильное соотношение. Ты видишь, – горестно указал он на устлавшие пол белые обрывки бумаги. – Т-т-труд всей моей жизни! Труд долгой жизни! – Он потряс листками, явно изгрызенными чьими-то острыми зубами. – Это все, что осталось от «Книги совести». История страны Аху, история рыб и птиц. История всех, кто дышит и спит, а потом просыпается, как Красный червь. Трудно понять живое, но я старался вникать даже в мысли морских коров. Ты что думаешь об этом, Киш?»

«Думаю, что у вас тоже, наверное, есть новости для меня».

Учитель согласно кивнул. Горестно и согласно кивнул:

«Какую хочешь узнать п-п-первой?»

«Лучше хорошую».

«Тогда с нее и начну. – Учитель горестно покачал головой. – Съевший книгу должен п-п-преисполниться мудрости».

«Учитель, вы знаете, я не могу питаться бумагой!»

«Весной можно питаться всем, что п-п-попадет на зуб. К тому же, это рисовая бумага».

«Я и рисовой не могу. У меня желудок другой».

«А что ты еще о себе знаешь?»

«Совсем ничего особенного».

«Тогда, кто сделал такое?»

«Может, враги?»

«У меня нет врагов».

«Может, завистники?»

«У меня нет завистников».

«Тогда не знаю, – признался Киш. – Может, вам повторить сочинение?»

«О, Киш! Разве можно п-п-повторить историю мира? – Учитель Анну ошеломленно уставился на Киша, седые усы шевелились. – Ты не можешь вспомнить историю только одной своей собственной жизни, как же я повторю историю всего нашего мира? – Он застонал. – Т-т-такая работа делается веками. Еще три-четыре века, и народ Аху имел бы книгу, по которой можно

учиться. Совесть неизменна, Киш. Существа убивают и спасают, разрушают и строят, а совесть подсказывает им, что делается правильно, а что делается неправильно. – Он прикрыл мутные глаза. – Я сделал б-б-большую ошибку, Киш: не надо было писать на сладкой рисовой бумаге. У совести свои законы. Я выслушивал каждого, кто приходил ко мне. Горе и радость, обман и дружеские советы. Ни один серый сарафанчик не миновал моей библиотеки, все новости сходились на мне. И ты часто сидел рядом. И т-т-ты впитывал мудрость. Когда-то мышь по имени Маллуха, потерявшая своих детей, выкормила тебя. Ты сам говорил, что иногда тебе снится тучная грудь Маллухи. А почему тебе другое не снится? – он устался на Киша. – Мы выкормили тебя, мы внушили тебе, что мир должен быть низким и сумеречным, что подземных камер и переходов в Большой норе должно быть неисчислимо много, а ягоды и грибы бесконечно вкусные. Что тебе снится, Киш?»

«Зверь Келилгу снится».

«Это твои страхи, Киш».

«Еще звездное небо снится».

«А это твои надежды, Киш».

Учитель Анну безнадежно опустил голову. В темноте за полуприкрытой дверью тихонько ахнула его дочь – может, укололась об острую соломинку, может, страшно стало. Учитель стоял перед Кишем старенький и серый, он держал в руках обрывки изгрызенной книги. Но сдаваться не собирался.

«Теперь проверю каждого, Киш. Сам п-п-посмотри на эти обрывки. Возьми, возьми их в руки, не бойся. Пусть твоя рука не дрожит, – он устался на руку Киша, но она не дрожала. – Теперь всем жителям страны Аху, Киш, буду задавать хитрые вопросы. Если кто-то начнет увиливать от правильных ответов о небесной механике или о корнях любви к ближнему, такого схватят. Если увижу в глазах понимание того, о чем я писал в своей «Книге совести», такого тоже схватят. Тот, кто съел мою книгу, должен понимать многое. Ты как думаешь?»

«Я никак не думаю».

«Значит, готов к плохой новости?»

Киш подумал и кивнул. Такой день: новости, в основном, плохие.

«Так вот, Киш. На время проверки ты изгоняешься из Большой норы. Может, последствия от съеденной «Книги совести» проявляются в живом существе не сразу, мы не будем кормить возможного преступника. Через полгода тебя найдут и приведут ко мне, и если в твоих глазах я увижу понимание сложных превращений одного вещества в другое, или понимание причины, по которой стоит сунуть невинного старого хранителя в развилку сухого корня, тебя схватят. Может, к тому времени окажется, что все невинновы, а только ты начал многое понимать про все живое и неживое, необразимо много стал понимать, Киш, тогда тебя схватят. Так не бывает, чтобы кто-то совсем ничего не помнил, что с ним происходило год или десять лет назад. Старому Аппу было много лет, больше, чем мне. Он понимал мир больше на ощупь. Но даже старый Аппу любил рассказывать о том, как в

пору его юности приходили с юга большие звери и вытаптывали тундру. А с запада появлялись Дети мертвецов и съедали даже тех, кто считал такие поступки неправильными. А с севера приплывали сумеречные ламуты. Всякое такое. Так что, уходи, Киш».

«А куда мне идти, Учитель?»

«Тебя нашли недалеко от Столба. Видишь, как я сам много помню. Мышь Маллуха выкормила тебя, как своего ребенка. Мы могли стать тебе братьями и отцами по материнскому молоку, но ты не рассказываешь нам снов».

«Зачем к Столбу. Там сейчас холодно».

«Тебя нашли у Столба. И тоже не летом».

«Но к Столбу сейчас движутся Дети мертвецов».

«Ну и что? И тогда так же двигались. Иди, иди, Киш. П-п-проверь себя. Если это ты съел «Книгу совести», может, спасешься, тогда мы будем судить тебя. А если ты не ел книгу, придет смерть. Иногда отсутствие вины доказывается только смертью».

И горестно кивнул:

«Уходи».

IV

Киш вышел из Большой норы.

Было сумеречно и снежно, но его узнали.

Бабы-мыши оставили каменные сечки, которыми у порога рубили сырую березовую кору. Одна подняла голову, крикнула весело: «Киш, оставь моему мужу ремень!» Считала, наверное, что Киш не убивал Аппу и не съедал «Книгу совести», значит, умрет, не вернется. Теплая дочь Учителя выбежала на порог, сконфуженно отвернулась, сомневалась, ждать Киша обратно или он не вернется? Мышата в замшевых футболках с изображением Учителя на груди оторвались от учебной мышеловки, в которой валялась подделка под вкусный сыр. Это третий помощник Учителя проводил урок по бесплатным приманкам. Слухи о неожиданных бедах, свалившихся на Большую нору, многих вывели наружу. «Оттаяли», – подумал Киш. Он никого не боялся, нежный запах снега, чистых пространств звал куда-то. Ледяной снежок, пущенный кем-то из детей, попал Кишу в голову, но он только улыбнулся.

Оставляя неровную цепочку следов, двинулся в сторону теплого озера.

Зимняя ночь еще не растаяла. Полярный день как начался, так и кончился.

Под зелеными и красными лентами северного сияния бесконечный снег красиво вспыхивал. Чудесные огоньки рождали в груди Киша сладкое беспокойство. Бархатное бедро... Нет, нет, не теплая дочь Учителя... С молоком доброй мыши Маллухи Киш должен был впитать огромное снежное спокойствие страны Аху, но он волновался. Поэмка казалась ему красивой, а морозный воздух бодрил.

Тундра бесконечна. По тундре можно кочевать месяцами.

Когда вдали возникли темные очертания, Киш перешел на бег.

Тренированные ноги легко несли сильное, стосковавшееся по движению тело.

Киш ничего такого не думал, но неопределенные очертания скоро определились: посреди тундры стояла ураса. Жерди черным веером красиво торчали над дымовым отверстием, ровдужные стены выбелил иней. Подумал: молодая, красивая в урасе живет. Сладкое беспокойство поднялось до сердца. По новому увидел в небе звезды... Зеленые и алые переливы... Почти вспомнил... Но безмолвная ураса торчала посреди молчаливой тундры, как напоминание о том, что все равно он себя не помнит... Боясь испугать молодую, красивую, ловко влез на урасу. Сердце бешено колотилось. Мучительно сдерживал дыхание, прильнул к дымовому отверстию. Вспоминал... Было когда-то... Круглое, прозрачное, как лед... Без сажи по краям... Но где?.. *Как лапка ягеля...* Сдул сажу. Из колеблющейся тьмы понесло мягким теплом. Скоро весна. Скоро капель зазвенит. Грудное солнце блеснуло в черной колеблющейся глубине... Наверное, вздохнул громко. Внизу вскрикнули. Едкий запах жильных ниток, брошенных в очаг, выбросило в дымовое отверстие. Но короткий миг, на какое-то ничтожное мгновение Киш словно очутился среди звезд. Туманности клубились, как дым. Из черных провалов смотрели прекрасные глаза, полные нетерпения...

Киш вскрикнул и спрыгнул с урасы.

Бежал долго. Путал след. Шептал: «Ничего такого не думаю».

Алые сугробы, кровь. Почему кровь? Не сразу понял, что окликают его.

«Что видел?»

«Что слышал?»

V

Чюлэни-полут зовут.

Сказочным старичком зовут.

Совсем как человек, только крупного роста.

Голова круглая, как кочка, спутанные волосы, брови заиндевели. Убитого лося носит привязанным к тонкому ремешку кафтана, встреченного человека ест с аппетитом. Переспросил, играя большими руками:

«Что видел?»

«Ничего такого».

Чюлэни-полут не поверил. Взмахнул большой рукой, хотел легко поймать вкусное, но Киш уже стоял за его спиной.

«Быстрый, – одобрил сказочный старичок. – Такое есть буду».

И снова переспросил:

«Что слышал?»

Киш повторил:

«Ничего такого».

Чюлэни-полут опять взмахнул рукой, но даже такое быстрое движение несколько не испугало Киша. Многому научился в просторных камерах Большой норы. Врасплох не попал. Кто поймает птицу, если птица не хочет этого?

Чюлэни-полут удивился: «Всегда такое ем».

И опять взмахнул рукой. И опять промахнулся.

Так повторилось много раз. Когда чюлэни-полут совсем запыхался и перестал спрашивать, Киш подпрыгнул и сел ему на большое плечо. Сказочный старичок медленно повернул круглую голову. Все еще не понимал: как такое вкусное может не поддаться?

Киш подсказал: «Ты лося ешь. Ты чомон-гула поймай».

«О, Чомон-гул! О!» – вспомнил с удовольствием.

Киш пожалел сказочного старичка, смахнул иней с мохнатых бровей.

Сверкнули глубокие глаза из огромного сказочного пространства.

«Ты Киш, – догадался чюлэни-полут. – Ты стрелу обгоняешь».

«Это птица кароконодо уже разнесла такое?»

Чюлэни-полут кивнул. Потом засмеялся:

«Две новости для тебя имею».

«Плохую и хорошую?»

Чюлэни-полут кивнул: «Сразу с новости начинать?»

«А ты что хочешь предложить?»

«Вкусное кушать».

Стыдливо потупился.

«Этого не надо», – укорил Киш.

«Тогда новость скажу. Один долго не будешь».

«Зачем мне такая новость? Один хочу побыть».

«Тогда слушай другую. Разгадаешь много загадок».

«Зачем?»

Киш, правда, не понимал.

Даже сунул руку в левый карман теплой мышинного цвета кукашки, пошуршал обрывками листков, подобранных с пола библиотеки. Приказал сказочному старичку:

«Неси к озеру».

VI

Кромка льда окружала озеро.

Киш постоял на берегу, обдумывая новости, услышанные от Чюлэни-полута.

«Один долго не будешь... Разгадаешь много загадок...» Посмотрел на скалу. Чюлэни-полут сверху согласно кивал, пускал слюну: «Такое есть буду». Почему один долго не буду, если изгнали из Большой норы? Какие загадки разгадаю? Киш бросил ледышкой в птицу кароконодо, трещавшую над водой. Было страшно: вдруг прямо сейчас разгадаю много загадок?

«Эй! – запустил ледышкой в озеро. – Кто дома?»

Никто не откликнулся. Только круги разбежались по тяжелой темной воде.

Киш подождал, но в полярной ночи было пусто. Он совсем уже собрался подняться на скалу, помолчать рядом со сказочным старичком, но вода дрогнула, высунулась из нее плоская голова налимца. Он был длиннее Киша, и весил раза в три больше. Давно живет, много знает.

«Опять эти твои смешные проблемы?»

Герой третьей степени налиим Донгу потерю памяти проблемой не считал.

Он закрепился на отмели, а протез анального плавника удобно выложил на тонкий зеркальный лед. Было видно, что горло и брюхо у налима серые, как подводный ил, а спина в зеленоватых пятнах и полосах. Пошевелил спинными плавниками, как элеронами, подергал усиком под подбородком:

«Что видел?»

«Всякое видел».

«Что слышал?»

«И слышал всякое».

Донгу посмотрел подозрительно, сососал ноздрями холодный воздух. Такому не надо книг, сразу рождается с большими знаниями. Голова приплюснута, верхняя челюсть выдвинута вперед, зубы густые, как щетка. Герой третьей степени, других не бывает – запрещено физическими законами. Не может Кутха создать такого героя, который оказался бы сильнее самого Кутхи. Не может появиться такой немислимый герой, чтобы раз и навсегда отразить и Детей мертвецов, и бесчисленный народ Аху.

Анальный плавник налиим Донгу потерял как раз в сражении с многочисленным народом Аху. Отразив нападающих, израненный лежал на илистой отмели – умирал. Птица кароконодо позвала бога Кутха:

«Вот герой! Сколько врагов убил!»

«А сколько?» – спросил Кутха.

«Так много, что их число определяется цифрой – предел знания».

«Как такое представить?»

«Ты должен. Ты – бог».

«Ладно, могу».

«Тогда помоги герою».

«А это как сделать?» – снова спросил Кутха.

«Ты бог. Прирасти хотя бы крылышко», – подсказала сорока.

«Ладно. Подойди ко мне, – кивнул Кутха. – Свое крыло отдашь?»

Птица кароконодо рассердилась, затрещала: «У тебя что, другой птицы нет? Я вестница, прямо тебе служу. У вороны возьми, у совы возьми. У любой птицы возьми, не у меня. Как с одним крылом приносить вести?»

Кутха покачал головой, поймал старенькую ненужную птичку, которая почти слепая была. Быстро помог ей умереть, правое крыло прирастил налиму. Тот поплыл криво, рассердился: «Надо мной смеяться будут!»

«Пусть смеются, – сказал Кутха. – Это лучше, чем быть калекой».

Навсегда подружился с героем, признался наедине, что мыши и его, бога Кутху, достали. От больших чувств наделил налима правом бессрочных переговоров с народом Аху, но Донгу после многих сражений слегка ослабел умом: принимая парламентаров, часто съедал их. Переговоры зашли в тупик. Между Учителем Анну, представлявшим народ Аху, и героем Донгу завязалась переписка. Учитель пугал: «Вот саблезубую мышь выведем!»

«Ты Киш!» – угадал налиим.

«Я знаю, что ты все знаешь, Донгу».

«Одного пока не знаю: куда идешь?»

«К Столбу иду».

«Зачем?»

Налим свободно лежал в холодной воде, протез на камне – отдыхал.

«Говорят, меня нашли под Столбом когда-то. Мышь Маллуха вскормила, народ Аху вырастил».

Налим презрительно сплюнул:

«Тогда, значит, это для тебя...»

«Две новости?»

«Ну да. Одна хорошая, другая плохая, – сплюнул Донгу. – Какую хочешь?»

«А можно выбрать только одну?»

«Одну нельзя. Две можно».

«А если не хочу две?»

«Обмен могу предложить».

Налим шлепнул по воде хвостом, наверное, от удовольствия.

Анальный плавник, пусть и протез, держался крепко. Так сказал:

«Тебя, Киш, все равно съедят. Чюлэни-полут съест. Или Дети мертвецов съедят. Или звери, они не знают греха. Какая разница, услышал ты мои новости или нет? А плохая новость у меня очень плохая. И хорошая новость по-своему хороша. Давай баш на баш, – с удовольствием шлепнул он хвостом. – Я тебе отдам одну вещь. Она такая, что память сразу тебе вернет. К Столбу ходить не надо. Зачем тебе ходить по тундре, мять ягель? У меня одна вещь лежит под водой, всегда светится. В полярную ночь светится и при свете солнца светится. Зимой и летом светится. Читать могу при ней. Только неграмотен. Увидишь ее, многое вспомнишь».

Налим сильно потянул носом воздух:

«Или загадку разгадай».

«Легкая загадка?»

«Для кого как».

«Про что загадка?»

«Про разные шарики».

«Про шарики разгадаю».

«Какой шарик подпрыгнет выше других, если свободно упадет на твердую поверхность? Деревянный, резиновый, стальной, стеклянный?»

Птица кароконодо на камне замерла, чюлэни-полут тоже перестал сопеть на скале.

Киш сказал: «Тут будут иметь место затухающие колебания. Интересна первая итерация. Плюс нужно учитывать действие силы упругости. Впрочем, для первых трех ею можно пренебречь, а стеклянный шарик может разбиться. Если точнее, то уравнения нужно вспоминать, а у меня трудно с памятью».

Налим растерялся:

«Всем говоришь такое?»

«Не знаю. У меня трудно с памятью».

«Тогда помогу тебе, – ласково сказал налим. – Получишь от меня вещь, которая лежит на самом дне озера и светится. Увидишь ее, сразу вспомнишь жизнь, которую раньше прожил».

«А условие?»

«Совсем простое».

«Тогда говори, Донгу».

«Сунь руку в правый карман. Что найдешь – отдашь мне».

«Пусто в кармане».

«А ты проверь».

Киш сунул руку в карман и тут же отдернул.

В кармане как вихрь поселился. Что-то металось, попискивало.

«Старое полено! Убийца духа! Подводный гад! Не верь ему, Киш!»

Киш остолбенел. Визгливый голос раздавался как раз из правого кармана.

«Кинь в налима ледышкой! Оторви ему протез! – голос срывался на тонкий визг. Так кричат в страхе мыши. – Все лето спит под корягой, совсем не любит тепла, а зимой только и ищет, кого заманить в омут. Не отдавай меня, Киш. У него загадки дурацкие, и сам дурак! Сказочный старичок часто врет, но врет от простодушия, он лосей ловит. А налим не просто врет! Он живет не по правде, Киш, не отдавай меня! Я знаю короткую дорогу к Столбу!»

«Хочешь теперь плохую новость?» – весело спросил налим.

«Не слушай его!» – из кармана высунулась острая мордочка.

«Ты кто?» – спросил Киш, дивясь на мышонка и на происходящее.

«Совсем потерял память? Я Икики. Я тебя к бригадному комиссару водил! Я свидетель всего, что нужно».

«Сказать тебе новость, Киш!»

«Тупая коряга! Молчи, молчи! – визжал мышонок. – Давай уйдем, Киш. Не стой у берега. Идем к Столбу, ну, идем же! Там найдешь много интересного, а этот Донгу даже не чистит зубы», – мышонок выглянул из кармана и содрогнулся.

«Ну да, я не чищу зубы», – сказал налим.

«Посмотри, как он слизью сочится, Киш!»

«Это так. Циклоидная чешуя», – согласился налим.

«Он не знает дороги к Столбу. Он просто всех утаскивает в свой омут!»

«Помолчи, – попросил Киш. Он видел, с каким любопытством распустила крылья птица кароконодо, наклоняла голову, поблескивала хитрым глазом, а чулэни-полут, тот даже пересел к самому краю скалы. – Как ты оказался в кармане?»

«Он сбежал», – сообщил налим.

«Так это ты съел «Книгу совести»? – догадался Киш.

«Зачем тебе знать такое, все равно забудешь, – нагло заявил Икики. – У меня живот до сих пор болит. Ох уж эта хваленая рисовая бумага! Давай уйдем. Я знаю короткую дорогу к Столбу. Легкая дорога, никто не догонит. Я, я «Книгу совести» съел, теперь все знаю. Только у меня хорошие новости! Никого не слушай, Киш, отойди от берега. Ты теперь не один. С тобой теперь я! Я, я, а не этот тухлый поедатель падали».

«Пиная мышонка в омут, Киш, – ласково предложил налим. – Это из-за него тебя выгнали из Большой норы».

«Да его бы все равно выгнали, – орал мышонок. – Он ничего никогда не помнит, а я есть хочу. Я свой паек проиграл в карты. Подумаешь, немного помог четанам. Им многие помогают. Сам Аппу им помогал, пока не стал дряхлым».

«Баш на баш, – хлопнул хвостом налим. – Я тебе – светящуюся вещь, ты мне мышонка».

Чюлэни-полут на скале вздохнул: «Такое есть буду». И вдруг слабым ветерком пахнуло из тундры. Птица кароконодо насторожилось. Всегда такой ветерок приносил запахи снега, камня, некоторой уединенной жизни, а сейчас к запахам примешивалось что-то неясное, плохое.

«Уходи, Киш!»

Киш не знал, что ему делать.

«Уходи, чего стоишь? Пошли!»

«Я еще не завтракал сегодня», – признался налим.

«Не слушай его. Он – мышинная гибель. Он съел треть народа Аху. Он мать Маллуху съел, Киш!»

«Кутха знает, кто кому в корм пойдет».

«Лучшие сыны страны Аху сгнули в желудке этого тупого полена. Кого из них ты встречал, Киш? Спроси, где мой дядя по матери, где сестры отца, где племянники второго дяди? Спроси, где дедушка бригадного комиссара, где старшая дочь Учителя? Вот настоящая загадка, Киш. Про шарики ему любой дурак ответит, а вот ты скажи, где сейчас красивая мышка Ду, которая ушла гулять с названными сестрицами и не вернулась?»

«И зря они украшали себя венками их сухих листьев, во рту горчит».

«Слышишь, Киш, слышишь? Учитель чему учил? – вопил мышонок. – Слабому помоги, сильному дай по морде. Вот правильный выбор, Киш. Вот единственно правильный выбор. Знаешь, как свести налима с ума?»

Киш покачал головой. Даже Донгу заинтересовался.

«Сыпь сладкую пудру в омут! Пока налим пьет, сладкая пудра растворится в воде. Так делай много-много раз. Голова Донгу такого не выдержит. Давай уйдем, Киш!»

VI

«Ну и куда идти?»

Мышонок злился:

«Особый след видел?»

«Чтобы совсем не видеть – такого нет».

«Смотри, Киш! Это дед сендушный, глупый. Рассердится, нам головы разобьет».

«Давай, Икики, колись. Ты говорил, дорогу знаешь. Говорил, короткую знаешь».

«В тундре все дороги короткие. Держи вон на ту звезду, – мышонок высовывался из кармана, ежился от холода. – Не теряй ее из виду».

Киш старался не терять.

Снежное безмолвие озарялось сиянием.

Немые цветные сполохи. Волны запахов, как страдание.

Поблескивало льдом там, где ветром выдуло снег над маленькими озерами.

Почему не могу вспомнить? Кто я? Откуда? Почему маленький Икики не мучается такими вопросами? Почему Учитель ищет меру вещей и помнит все, что с ним было? Чюлэни-полут, и тот знает, зачем он. Всегда говорит: «Такое есть буду». За сказочным старичком вкус и традиции. А я просто иду на неизвестную звезду, указанную наглым мышонком.

«Иди, иди, – высовывался Икики из кармана. – Мимо Столба не промахнешься».

Нагло советовал обходить торчавшие из снегов камни. Говорил: ты легкий, крепкий, Киш, бегай, как лось. Спрашивал: «Голье, покрытые инеем камни зачем торчат посреди тундры?» Сам отвечал: «Наверное, Кутха сильно устал, когда создавал мир, все лишнее вывалил прямо под ноги. Считал, все равно в тундре полгода – ночь, а мышь выскочит на мороз, споткнется – это можно не считать. «Так и иди, – указывал. – За сутки пути до Столба справа покажутся белые горы. Туда не пойдем. Там из ледяных трещин валит пар, под землей кипятик клокочет. Это Билюкай держит градусы в подземном мире». Подумав, добавлял: «Налево тоже не пойдем. Там листовницы, среди них ходит Утахчу – еще один брат Билюкая и Кутхи. Этот совсем тупой. Носом шмыгает, обмануть хочет».

Ждал, что Киш скажет.

А Киш молчал. И тундра молчала.

Ну, немного посмеется во тьме какой-то зверь.

«Один долго не будешь». Выходит, не врал Кишу чюлэни-полут. Мышонк совсем обжил карман кукашки. Смело выглядывал наружу, козырьком приставлял лапку ко лбу. Уверенно командовал: «Забирай правее!» Ругался. Клялся, что идти надо быстрее. «О кочки не запинайся! Укачивает меня». Уверял, что после их ухода в Большой норе остались одни дураки.

Иногда видели следы чужих нарт, тогда тянуло войной и смертью. Икики начинал боязливо ежиться. Прятался в карман. «Это Дети мертвецов шли».

«Может, отвернем в другую сторону?»

«Как тогда попадем к Столбу?»

«А если съедят нас?»

«Меня не съедят, – хвастался Икики. – Я убегу».

«Так быстро бегаешь? – удивлялся Киш. – А как я? Что скажешь?»

Икики туманно намекал: «Хороший друг желает другу только хорошее».

VII

Однажды услышали шум.

По снежному полю бежал человек.

В меховой кукашке, руками махал. Лицо круглое, потное.

Кричал бессмысленное, наверно, боялся. Да и как не бояться? Переступая толстыми ногами, когти позвякивали, как сабельки, отблескивая под сполохами черной, влажной, голой, как базальт, кожей, шел за убегающим зверь Келилгу. Массивный, большой, как гора. Даже не гнался, он просто переступал толстыми, как столбы, ногами. Один раз медленно переступит – сразу приблизится. Еще раз медленно переступит – еще больше приблизится.

«Спорим, догонит!» – крикнул мышонок.

Зверь Келилгу выглядел довольным, не торопился. Переступал толстыми голыми ногами, позвякивали когти, мерзлая тундра вздрагивала. Глаза огромные, не моргают. Уверенный. «Такое есть будет», – удовлетворенно шепнул мышонок, глядя на убегающего.

Киш крикнул:

«Эй, Келилгу!»

Пожалел убегающего.

Крикнул второй раз: «Эй, Келилгу!»

Зверь остановился. Мышонок от ужаса юркнул в карман.

«Эй, Келилгу, смейся! Эй, Келилгу, будешь доволен! – громко прокричал Киш. – Я жирный, ты меня скоро съешь! И он жирный, – указал на убегающего, – ты его тоже скоро съешь!»

«Ха-ха-ха!»

Келилгу довольно засмеялся.

Пасть зверя так широко раскрылась, что верхняя челюсть коснулась черной голой спины, а нижняя упала на черную, тоже голую грудь. Киш совсем не боялся страшного зверя. От чюлэни-полута ушел, прыгал так быстро, что от любого мог убежать. Мог даже вскочить на страшный запрокинутый нос Келилгу. И заскочил бы, но мышонок дергался в кармане, сучил лапками, клялся: «Промахнешься!»

Когда Келилгу отсмеялся, Киш и убегающий были уже далеко.

Убегающий оказался плосколицым, смотрел робко, на вопросы прямо не отвечал.

«Ты кто?»

«Я к отцу бегу».

«А звать как?»

«К отцу бегу».

«Отстань от него, – сердито крикнул из кармана Икики. – Убегай, не трогай. Он просто вкусная пища зверя Келилгу».

Зверь тоже рассердился, сделал шаг, сразу приблизился к беглецам.

«Где отец?» – оглядываясь, спросил Киш.

«Видишь, темное впереди? Видишь, темное, островерхое?»

«Вижу. Камни, наверно. С них снег обмело ветром».

«Нет, ураса это. В ней отец».

Мышонок крикнул:

«Не добежите!»

«Эй, Келилгу, смейся! – крикнул Киш, останавливаясь. – Эй, Келилгу,

будь доволен! Я жирный, ты скоро меня съешь! Мой друг мокрый от пота – его тоже скоро съешь. – Пощелкал языком: – Вкусно! Сразу двоих съешь».

Подумал, похлопал по карману:

«Даже троих!»

«Ха-ха-ха! Кто третий?»

«Вкусная закуска. Звать Икики. А можешь звать Илулу».

«Ха-ха, вкусная закуска. Илулу буду звать».

«Я убегу!» – вопил мышонок.

«Брось своего Илулу, – на ходу крикнул робкий беглец. Он потел и задышался от бега. – Брось Илулу! Даже если он Икики – брось. Не знаю таких. Пусть Келилгу съест закуску, а мы убежим».

«Совсем убежите?» – беспокоился Келилгу.

«Нет, Келилгу, – заверил Киш. – Ты всех съешь».

Келилгу опять засмеялся. Верхняя челюсть так откинулась, что коснулась черной голой спины. Прямо тряся от довольного смеха. А пока он так тряся и хохотал, Киш и плосколицый добежали до урасы. Она была как гора, тень на половину мира бросала. Откинув закрышку, вышел навстречу старичок. Насупленный, морщинистый, кукашка мятая. Почесал там, где обычно растет борода, спросил беглеца:

«Ты пришел?»

«Ну, я пришел».

«Что видел?» – спросил старичок.

«Ну, Келилгу видел».

«Что слышал?»

«Ну, Детей мертвецов слышал».

Пока так отвечал, Келилгу приблизился.

Нависал теперь над беглецами, как черная гора, не торопился, да и старичок будто не видел страшного зверя. Правда, и убежавший больше не торопился. Зверь Келилгу выкатил блестящие, как у рыбы, глаза, вскинулся на задние ноги, прикидывал, наверное, кого первым забросить в жаркую пасть.

«Кого с собой привел, Мымскалин?»

Плосколицый в последний раз вытер мокрый лоб, ответил уклончиво:

«Ну, разных привел. Ну, вместе бежали».

И недовольно потянул носом:

«Пахнет народом Аху...»

Старичок засмеялся:

«Отдыхать будем».

VIII

Так жил бог Кутха.

Черная ураса крыта ровдужными шкурами.

Очаг дымит, везде сажа. Кукашка заштопана в пяти местах.

Пока разбирались с именами, кого как зовут, пришла Ильхум – жена Кутхи. Как Луна круглая. Всплеснула руками, повела Мымскалина – малого

сынка, кровь родную, к незамерзающему озеру, из-под земли нагретому Билюкаем.

Крикнула уходя:

«Кутха, прими гостей, не пугай их».

Сердито покосилась на карман кукашки:

«Народом Аху пахнет... Все равно не пугай!...»

Ушла.

Тогда Киш обернулся.

Исполинская челюсть Келилгу поднималась уже над ним, чуть не упал от дыхания зверя. На всякий случай напомнил:

«Ильхум сказала, не пугать гостей».

Кутха недовольно повел рукой и зверь Келилгу застыл. Одна нога поднята, чтобы шагнуть вперед, когти звонко обвисли. Неустойчиво стоял, но не падал. И пасть открыта – как вход в совсем другой мир. «Хочешь посмотреть на Келилгу изнутри?» – без слов спросил Кутха. Киш робко, так же, без слов, ответил: «Нет, не хочу». – «Может, этот твой... – продолжил безмолвный разговор Кутха и недовольно потянул носом, глядя на правый карман Киша. – Может, этот твой любит заглянуть в пасть большому зверю?»

«Киш, скажи: я не люблю», – пропищал мышонок.

Киш так и ответил старенькому богу: «Нет, он не любит».

«Тогда стой на месте!», – приказал Кутха зверю, и Келилгу послушно застыл, как каменное изваяние с выкаченными от удовольствия глазами. Так близко застыл, что Киш чувствовал огромную массу всей вспотевшей от ожидания спиной. Подумал: вот Кутхе надоест не пугать нас, зверь на меня и обрушится. Стало даже интересно, а как, правда, Келилгу изнутри устроен? Может, там как в Большой норе? Много ходов, укромных местечек? Хотел спросить об этом, но Кутха сел на заиндевевший камень и Киша пригласил:

«Что видел?»

«Налима Донгу видел».

«И анальный плавник видел?»

«И такое видел».

Кутха прикрыл глаза.

Вслух ничего не сказал, но видно: доволен.

«Если бы Келилгу, – сказал, – тебе откусил руку, я и тебе сделал бы так удобно».

«Нет, не надо», – поблагодарил Киш.

«Что слышал?»

«О Детях мертвецов слышал».

«Близко они? Где ходят?»

«В сторону Столба идут!»

«Заколебали! – Кутха сердито ударил худеньким кулачком по огромному валуну, лежавшему перед урасой. Кулачок худенький, маленький, а валун враз раскрошился, иней растаял от выделившейся энергии. Киш отчетливо слышал, как бьется в кармане маленькое сердце мышонка Икики. «Все идут

к Столбу! – сердился Кутха. – Дети мертвецов идут, народ Аху идет. Все от рук отбились. Дети мертвецов хотят огонь зажечь, спалить Столб. Народ Аху снизу Столб подгрызает. Смолой смазываю, ядовитыми отварами поливаю. А мыши придумали механическую насадку для зубов, опять грызут. Рвами Столб окапываю, Дети мертвецов мосты ставят. Вот напушу океан, а Билюкай его подогреет. А в разные озера запушу жить героя Донгу».

«Он один всех не съест».

«Хотя бы надкусает», – сказал Кутха.

Подумал, покосился на карман Киша:

«Вот спрошу кое-кого. Не буду имя называть, просто спрошу...»

Сердце мышонка Икики заколотилось еще сильнее. Как бубен шамана заколотилось.

«Вот Дети мертвецов идут к Столбу, хотят помочь глупому народу Аху. А Красный червь спит. Съест первую волну мышей и спит. А другие мыши заполняют ров, ставят лестницы, идут с механическими зубными насадками, смывают горячей мочой ядовитые отвары. Если подгрызут – Столб рухнет. Если Столб рухнет – рухнет мир».

Взволнованно посмотрел на Киша: «Что останется Мымскалину?»

Киш опустил глаза. Понимал – немного останется.

А Кутха глаза прищурил: «Ты, Киш, зачем идешь к Столбу?»

«Я по делу. Ты знаешь. Я память ищу. Совсем потерял память».

«Знаю, знаю, – близоруко присмотрелся Кутха. – У кого голова не работает, тот всегда идет к Столбу. А у кого работает, тот своей волей никогда не понесет живую мышь в то место, где таких массами едят, травят и убивают».

Пожаловался: «Когда создавал мир, тонких материалов не хватало. Совесть, например, хватило только на одну Ильхум. Теперь она всех жалеет, от этого в мире шум. Детей мертвецов жалеет, – пожаловался Кутха, разводя руки. – Красный червь обожрется, пукает, раскачивает занавесы северного сияния, Ильхум ему полезный отвар несет. Глупых отравленных мышей кипятком шпарит, чтобы не мучились».

Без всякого перехода спросил: «Ну как? Дописал Учитель свою книгу?»

Киш удивился. Хотел спросить, откуда Кутха знает про «Книгу совести», потом вспомнил, что это же Кутха создал мир, значит, знает все, что делали, делают и будут делать его обитатели. Все в мире вершится по повелению Кутхи. Это даже странно было. Это даже странно получалось. И народ Аху, и неугомонные Дети мертвецов – это что? Это они идут валить Столб потому, что так создал мир сам Кутха? Понять такое – память нужна.

Вздохнул:

«Не успел».

«Наглый был, – пожалел Кутха. – Сдох, наверное?».

Подумал и поправил себя: «Ильхум сказала бы – умер. А я – сдох, так говорю».

«Нет. Жив Учитель».

«Книга сгорела?»

«Не совсем сгорела».

«А-а-а, – вспомнил Кутха. – Рисовая бумага!»

«Вот не знаю даже, – поднял старенькие глаза на Киша. – Я когда ем олешка, непременно спрашиваю себя: вкусный или не вкусный? Чаше отвечаю себе: вкусный. А с рисовой бумагой даже не знаю, как ответить».

Посмотрел на карман, и мышонка в кармане вырвало.

«Ильхум сказала не пугать нас, – напомнил Киш. – А то у меня нет другой кукашки».

«Тебе и эта не сильно понадобится».

«Почему так? Сдохну?»

«Ильхум сказала бы так: умрешь».

«А почему умру, мне скажи, Кутха?»

«Я, Киш, бессмертных не делаю».

Мышонок в кармане шевельнулся: «Дурак, потому что». Шепнул совсем тихо, про себя, но Кутха услышал. Ответил беззлобно, без слов: «Этот в деревянном ящике сидеть будет». Так беззлобно и просто ответил, что ни Киш, ни Икики не стали переспрашивать, почему в ящике. В общем, ясно: Кутха бессмертных не делает. Ничего Кутха не делает в этом мире такого, что когда-нибудь бы не кончалось. Кочуют по тундре Дети мертвецов, кочуют олешки, лоси, волки, одулы. Кутха запустил всю эту интересную механику и смотрит. Чтобы никто не скучал – распахивает северное сияние. А то пошлет белого медведя или стаю волков, и смотрит: вот человек убежит от них или нет? Мышонок совсем притих в кармане. Вырастить бы крапиву, думал, чтобы сплести большую-большую веревку. Привязать Кутху, пусть бегаем на веревке от выгребной ямы до стола с тухлой рыбой и изобретает чудесные миры. Кутха, конечно, и эти мысли услышал. Закивал радостно, погладил плоское лицо грязной ладошкой:

«Есть одно верное средство укрепить Столб».

Кутха произнес – *Столб*, а прозвучало как *мир*.

Киш даже растерялся. С одной стороны, с потной спины, зверь Келилгу навис, как черная гора – пасть раскрыта. С другой, в сыром кармане, отчаянно колотится сердчишко маленького мышонка, обреченного почему-то сидеть в деревянном ящике. Как такое понять? И каким таким средством укрепить Столб?

Кутха Киша понял правильно:

«Ильхум сказала бы – дружбой, но это не так. У Ильхум совести много, а ума нет. Дружбы совсем мало в тундре. А если рухнет мир, – без слов добавил, – станет в тундре совсем темно, как под землей, везде закопошатся мыши. Число их тогда будет – *предел знания*. С таким большим числом мышей ни зверь Келилгу, ни Донгу, ни Красный червь не справятся».

«Про какое средство ты говоришь, Кутха?»

Кутха откинулся спиной на заиндевевый камень, смотрел мечтательно в небо.

«Когда создавал мир, – сказал, – некуда было смотреть. Полярных сияний не было, звезд не было, снегов не было. Пусто и темно было. Теперь часто смотрю в небо. – Недовольно потянул носом: – Правда, раньше воздух

был чист. – Нахмурился. – Теперь везде пахнет народом Аху. – Икики в кармане кукашки совсем затаился. – Испытываю горечь».

«Отчего, Кутха?»

«Мир создать легко, изменить трудно».

И вдруг приподнялся на локте: «Слыхал про цемент?»

«Это что, Кутха? Только не обижай гостей. Ильхум просила».

«Цемент – это битый камень, – благожелательно ответил Кутха. – Такой специальный камень. При затвердевании приобретает особую прочность. А на вид – совсем как снег, только серый, тяжелый. Если такой снег пойдет, все подохнут. – Хохотнул: – Ильхум, сам знаешь, как сказала бы. И брат Билюкай спрыгнул бы с ума: как это все вдруг умерли и к нему всей толпой! Стал бы сердито спрашивать: зачем сразу все пришли? У него под землей места мало».

Мечтательно откинулся на скалу: «Народ Аху первым бы передох».

Спросил быстро: «Слыхал про гипс?»

«Никогда, Кутха».

«А про известь?»

«Тоже похожа на снег?»

Кутха довольно рассмеялся, и тундра от его смеха всколыхнулось.

«Чтобы изготовить цемент, – благожелательно покивал, – надо добыть известняк и глину. – Доверительно наклонился к Кишу, почесал старческий подбородок, загадочно подмигнул: – Видел белые скалы в тундре? Это известняк. А глина, она везде. По особенному рецепту измельчаешь известняк, мешаешь с глиной... – Он перехватил недоверчивый взгляд Киша и рассердился: – Мне не веришь, у инженера спроси!»

«Где есть такое?»

«Скоро увидишь!»

«Где такое увижу?»

«У Билюкая увидишь».

«Значит, я по... Значит, умру?»

«Там увидим, – уклончиво заметил Кутха. – Никто живым не останется. Увидишь инженера, спроси про модули. Запомнил слово? Модуль – известковый, кремнистый, глиноземистый. Объяснять не буду. Сам спросишь. – Слова Кутхи звучали непонятно, но Киш не спорил. Подумал: действительно, спрошу у инженера, раз от встречи не уклониться».

На всякий случай напомнил: «Ильхум просила не обижать».

Кутха отмахнулся. Увлекся, всплеснул руками: «Глина и известняк! По особенному рецепту! Бросаешь такое в огонь! Это очень горячо, Киш. Ты над таким огнем никогда не грел руки, а то бы пришлось тебе протез ставить, как герою Донгу. Когда в огне все спечется, получим клинкер. – Кутха мечтательно улыбнулся. – А клинкер измельчим с небольшой добавкой гипса».

«Золу не подсыпаете?»

Киш сам не знал, почему спросил такое.

Кутха вздрогнул и внимательно посмотрел на него:

«Если спрашиваешь, значит, знаешь?»

«Молчи, – шипел из кармана мышонок. – Молчи, Киш, не дразни Кутху».

«Нет, не знаю. Говорю, не знаю что. Никакой памяти. Память хочу вернуть. Ты бог. Поможешь?»

«Легко! – плюнул Кутха. И сам спросил: – А мне кто поможет?»

«Может, я? Что надо сделать, Кутха?»

«Да так. За рецептом сходить».

ИНТЕРВЬЮ С ГЕННАДИЕМ ПРАШКЕВИЧЕМ И АЛЕКСЕЕМ ГРЕБЕННИКОВЫМ

Поначалу ваша «Полярная сага» напоминает сказку или фэнтезийную историю из некоей параллельной реальности, но по мере чтения всё больше начинают проступать черты постапокалипсиса. Не могли бы вы, как сейчас модно говорить, позиционировать своё новое произведение? И, раз уж речь зашла о позиционировании, когда и где повесть должна выйти?

Апокалипсис — это как линия горизонта. Кажущаяся линия. В действительности ее не существует. Для живших в XIX столетии наша жизнь после двух мировых войн и обрушений самых различных систем показалась бы, наверное, именно постапокалиптической. На самом деле это все тот же мир, но под другим углом, в других зеркалах. И, поверьте нам, он и в этом качестве прекрасен. Как прекрасен мир «Полярной саги», как прекрасны миры нефтяников. Кто вы? Из какого вы мира? — вот вопросы, поставленные нами перед читателями. Тут, как в теории относительности, все зависит от наблюдателя.

Тему мрачно-мрачного будущего, ожидающего человечество, уже затрагивал один из вас (Г.М. Прашкевич) в повести «Золотой миллиард», в романе «Царь-Ужас». Обращаясь к такого рода проблемам, вы исполняете

долг фантастов — предупредить людей. Сами вы при этом остаетесь оптимистами, или действительно полагаете, что у нынешнего человечества будущего нет?

Будущее есть. И непременно светлое. Хотя не обязательно у людей. Апокалипсис мелового периода убрал с исторической сцены динозавров, расчистив дорогу млекопитающим. Разве нам с Вами хуже от этого?

У вас легко узнаваемый «смачный» стиль письма. Вы не чураетесь глубоких идей, многослойных ассоциаций и сложного построения сюжета. Между тем, некоторые издательства уже чуть ли не декларативно требуют от писателей простоты, прямоты и незатейливости. Не сталкивались ли вы с подобными требованиями? Как бы вы могли прокомментировать эту тенденцию подстраиваться под наименее квалифицированную категорию читателей?

Обычная история, частый ответ: «не попадаете в формат». А формат определяется очень простыми правилами. Исключительно, до примитивности простыми. Понятно, мы сталкиваемся с этим постоянно. Но один из нас (А.И. Гребенников), как практикующий хозяйственник, уверенно утверждает: предложение рождает спрос, а не наоборот. Что людям предлагают, то они и будут читать, смотреть, «скачивать». Надо помнить, упрощение — путь в никуда. Понимая это, мы работаем так, как нам позволяют наше понимание, умение, наши способности, наконец!

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ!!!

ИЗДАТЕЛИ ОТКЛИКАЙТЕСЬ!!!

Не могли бы Вы (вопрос к Г.М. Прашкевичу) сказать пару слов о своём соавторе Алексее Гребенникове? Ваше соавторство одноразовое, или намечаются ещё какие-нибудь совместные произведения?

Наша дружба длится не один год, но писать вместе мы стали недавно. До этого имя Алексея появлялось разве что в «Полдне». Но вдвоем мы написали «Полярную сагу» и роман «Юрьев день», который принят сейчас Стругацким. В романе речь идет о кризисе ВСЕГО. Мы опять ПРЕДЛАГАЕМ. Где издатели, жаждущие сменить парадигму? В планах у нас – физические парадоксы, от которых зависят мораль человечества и его история.

Кого из фантастов, живущих и пишущих в Сибири, вы могли бы порекомендовать нашим читателям?

Уже всем известных — М. Успенского, А. Рубана, В. Шкаликова, ими список не исчерпывается. Обещают стать замечательными писателями Татьяна Сапрыкина, Ольга Римша, Петр Матюков, опять же, ими список не исчерпывается.

Спасибо за внимание!

(Интервью брал Сергей Пальцун)

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ

МАТЕРИАЛЫ ЛИТЕРАТУРНОГО СЕМИНАРА В ПАРТЕНИТЕ (МАЙ 2009 Г.)

ЗАНЯТИЕ ПЕРВОЕ

Олег Ладыженский: Спрашивайте! Кстати, умение спрашивать тоже входит в число достоинств писателя.

Андрей Валентинов: И журналиста! Кто-то помнит: существовала передача «Акулы пера», где была представлена молодая тогда российская журналистика. Новое поколение журналов, таблоидов, «Космо» и прочее. Всех поражало неумение задавать вопросы. Какой-то там был великий журналист (Чхарташвили?), которому потом голову побрили. Он считал себя замечательным журналистом. Но, когда он задавал вопросы, он говорил минуты четыре. Интересно, сам он себя понимал? И вопрошаемый должен был сам догадаться, о чем этот товарищ спросил. Умение не просто задавать, а формулировать вопросы – четко, коротко – большое дело. Когда будете описывать своих персонажей, обратите на это внимание. Хотите показать дурака? – пускай он задает вопросы длинно...

Дмитрий Громов: Путано и нудно!

Андрей Валентинов: Так что просим.

Вопрос из зала: Вы прочитали много текстов молодых авторов. Какие чаще всего встречаются ошибки при написании кульминации и развязки?

Дмитрий Громов: Первая и основная – это их отсутствие.

Олег Ладыженский: Кульминацию большинство начинающих авторов понимает как финальную драку героя со злодеем. Они ее видят только по внешнему ряду. Подрались, зло победило добро или наоборот, все замечательно – кульминация. А кульминация – это наивысшая точка развития конфликта, пик развития конфликта. В тот момент, когда конфликт достигает самого высокого напряжения, происходит кульминация. Она может располагаться вообще на последней фразе книги. И тогда развязка остается читателю. У Логинова в «Колодезе» так: когда главный герой, который всю книгу хотел отомстить своему врагу, находит его в пустыне и, умирающему от жажды, дает воду; и, православный человек, говорит: «Пей, во имя Аллаха, милостивого и милосердного!» Это – кульминация. После этого читатель проваливается в отсутствие текста – дальше ничего нет. И у вас в душе пошла развязка.

Дмитрий Громов: А может быть за несколько глав до конца текста, как, к примеру, у Толкина во «Властелине Колец». Все, что происходило после того, как хоббиты дошли и бросили кольцо, – развязка и есть.

Олег Ладыженский: Тут я мог бы и поспорить. Толкин, как по мне, мастерски завязал текст. Сделал две кульминации. У него одна кульминация – на Ородруине, когда Фродо палец откусывают. Там кульминация: не зря спасли Горлума, милосердие работает в пользу. А потом развязка: всем дали по ордену, и Арагорн преклонил колено. А потом начинается совершенно новая история – весь «Властелин Колец» пересказывается заново, только на материале маленького Шира. Новая война с новой кульминацией. Тень великого мира и малого мира. Поэтому Толкин себе две кульминации и позволил: вторая является тенью первой. Отражением первой.

Короче, непонимание, что есть кульминация, – это первая ошибка, самая главная.

Андрей Валентинов: А вторая ошибка, пожалуй – немотивированность. Такое впечатление, что автор заранее запланировал, что должно быть кульминацией – бой бобра с козлом или что-нибудь подобное – и подгоняет все остальное. Часто получается нелогично, равно как и развязка. То есть автор знает, что все умрут. Значит, туда и ведет. Хотя по тексту получается, что обязательно.

Дмитрий Громов: И перебор пафоса в финале – в кульминации и развязке. Да, есть желание показать сильные страсти, эмоции, переживания, напряжение всех сил – эмоциональных, душевных, физических. Но недостаток умения компенсируется пафосом, который зачастую портит впечатление от удачных элементов. На них сверху нагроулили излишний пафос – и все разваливается. Идея пафосом возвысить кульминацию – порочна. Наоборот, пафос ее принижает.

Андрей Валентинов: Тем более, что пафос-то именно навязывается сверху. Передавать его в таких случаях надо внутренними средствами, а не репликами героя или автора... Пафос иногда очень нужен, но его нельзя изображать внешними средствами.

Олег Ладыженский: Он должен возникать у читателя. А не у персонажа или автора. Ну, и тонкая штука насчет драки главного героя с главным злодеем... Есть такой термин в театре (в литературе – не знаю, но мне нравится) – предкульминация. Что такое предкульминация? Это – подготовительная база кульминации. Как правило, главная драка является предкульминацией. Это – максимально яркое внешнее событие, предшествующее кульминации как максимальному напряжению сил конфликта, которая (кульминация), кстати, обычно внешними действиями не характеризуется – она на внутреннем плане.

Если вы вспомните того же «Властелина Колец», то самая яркая битва – это осада Гондора, а не отгрызание пальца у Фродо. Самое яркое физическое действие происходит там, при осаде Гондора. И когда осада Гондора закончилась, то ярких действий дальше не предвидится. Совет, на котором решают идти к Мордору. Идут довольно уныло. Потом топчутся перед этим

Мордором, потом Фродо претя к Ородруину из последних сил – внешнего действия мало. Предкульминация – это максимально яркое событие внешнего действия, которое происходит перед кульминацией. Оно собирает внимание читателя (или зрителя), и на этом собранном внимании можно делать кульминацию. Я ваше внимание сейчас собрал: поразмахивал руками, походил по залу, посмотрел каждому в глаза. Все внимание здесь, если не считать отдельных личностей – и можно делать кульминацию.

Предкульминация – очень высокий пилотаж.

Андрей Валентинов: В продолжение этого: не надо копировать средства кинематографа. Дело в том, что наши разговоры про финальную драку бобра с козлом – в значительной мере правда. Во многих произведениях кульминация понимается именно как описание физического конфликта между теми или иными участниками. А это – копирование средств кинематографа. Надо помнить, что, хотя сейчас кинематограф очень сильно влияет на литературу, кино – это искусство с совсем другими средствами отображения и образов, и идеи. Это – тени на стене. Они могут передавать видеоряд, поэтому все более крупное, более простое.

Пишется сценарий. Как говорил мне один сценарист: мы все выкидываем, оставляем героя и героиню, любовь между ними и финальный поединок. У тебя нет поединка? Пишем заново. И он прав, потому что средствами кино зачастую иначе не выразишь. Литература имеет куда больше возможностей при описании тех или иных событий. Поэтому сводить это к зрелищному поединку нужно в кино. А в литературе – не обязательно. Даже если у вас с одной стороны эльфы, с другой – цвельфы, и они враждуют, не обязательно доводить дело до большого сражения, можно это решить ярко без всякого сражения. Скажем, то, что сражение не состоялось, может быть куда более впечатляющим. Не надо копировать средства кинематографа! Этим многие грешат, тем более, сейчас модно подзарабатывать новеллизацией. Стиль кинематографа переполезает в литературное произведение. Зачем? Это – иной вид искусства. Если пытаться передать книгу киношными средствами, получится как в фильме Захарова «Двенадцать стульев». Он сам декларировал в интервью, что такой хороший текст, хочется, чтобы зритель его услышал. И там диктор просто читает текст.

Олег Ладыженский: Отличный диктор, отличный текст...

Андрей Валентинов: Но это – не экранизация, не фильм, а картины, в лучшем случае.

Дмитрий Громов: Пересказ средствами кино.

Андрей Валентинов: Это – нечто среднее и очень неудачное. Не надо брать средства из другого вида искусства.

Дмитрий Громов: У кульминации, как и у любой части произведения, есть три основные составляющие: три источника и три составных части. Это – сюжетная, логическая, интеллектуальная часть. Это – часть эмоциональная. Это – часть эстетическая. В кульминации они присутствуют в наивысшей форме. Они должны сконцентрироваться и взлететь на пик. Могут последовательно, не обязательно одновременно все, но достаточно близко друг

к другу. Они взаимосвязаны, и одна другую тянет. Очень часто кульминация происходит только на сюжетно-логическо-интеллектуальном уровне. Иногда цепляется эмоциональный пласт. И почти никогда – эстетический.

Олег Ладыженский: То, что кульминация должна быть лучше всего написана, забывают напрочь. Автор в этот момент разогнался, он дописывает роман, и он пишет его задней левой куриной лапой. Просто потому, что топчется. Кульминация его поджимает, эмоциональный ряд. Он бежит, бежит, бежит! Тут он и горит.

Андрей Валентинов: Он просто знает уже, что они поженятся. Ему уже не интересно это описывать.

Олег Ладыженский: И мысленно он закончил книгу.

Дмитрий Громов: На этом взлете можно написать кульминацию, но потом надо пройтись раз «надцать» и посмотреть, как это вообще выглядит. Не пропустил ли я здесь чего, все ли выразил, по всем ли параметрам. Потому что если сюжетно кульминация, как правило, выражена (кроме тех случаев, когда ее просто нет), эмоционально цепляет, но эстетически она не проработана. Качество шлифовки текста, параллели, аллюзии с тем, что происходило, увязывание на эстетическом уровне в единую конструкцию – это редко происходит.

Олег Ладыженский: Кстати, я нашел пример. Бал у Сатаны в «Мастере и Маргарите» – это предкульминация, а кульминация – в маленькой комнате они сидят потом. А дальше уже начинается развязка. Хотя кажется, что кульминация – на балу, а там мало что есть по конфликту. И понятно, как придется расплачиваться за всю эту красоту: кровь течет, ничего не дадут, ничего не простится.

Мы сами, конечно, не пример, все втроем. Кто такие эти Олди и Валентинов – жалкие, ничтожные личности! Но мы, когда пишем финал и уже написали кульминацию (даже развязку зачастую), мы потом долгое время ходим вокруг. Это – не редактора. Ходишь, ходишь, раз – побежал, дописал три слова. Потом ходишь, ходишь, что-то думал, смотрел на экран, слушал музыку...

Дмитрий Громов: В одном месте строчку убрал.

Олег Ладыженский: Вспомнил, что здесь великолепно прозвучит цитата из Евангелия от Матфея; подумал, где ее вставить. Не нашел и не вставил. Ходишь кругами. Мне иногда кажется, что это состояние писателя, когда он ходит вокруг кульминации, а у него все заново прокручивается – оно передается тексту, даже если автор ни одной запятой не поправит. А потом, когда читатель читает, если правильно выписана кульминация – он все это переживает; если он – умный и хороший читатель, если он не бежит по сюжету: поженились – и дальше поскакал. С этим надо возиться долго, причем по копейкам. Это – последние мазки. Как перед балом дамочка смотрится в зеркало, и последний штрих туши, последний мазок румян... Уже все сделано. Но какие-то мелочи: раз! – локон убрала и пошла на бал.

Андрей Валентинов: А иногда приходится и более существенно менять. Дело в том, что к концу произведения автор добреет. Он жил со своими пер-

сонажами. Он их полюбил. Они такие милые. Даже плохие персонажи – все равно милые. И вот начинает автор собственные планы менять. А не оставить ли такого-то в живых? Когда серьезный конфликт, когда не просто там производственная тема: выполнил и перевыполнил план – а действительно убивают... Появляется большой соблазн сделать помягче кульминацию. Чтоб в конце был если не happy-end, то где-то близко. Смягчить остроту конфликта. Помягче сделать, подобнее! Смотришь с одной стороны: смягчить – получится розовая водица. А с другой стороны – ну что ж ты, злодей, будешь убивать персонажей! Только плохой автор убивает своих персонажей, чтобы привлечь симпатии публики. Это очень серьезно. Иногда бывает, что кое-кого действительно оставляешь в живых и не убиваешь в кульминации, а иногда – придется тебе, парень, умереть.

Дмитрий Громов: Андрей говорит отнюдь не о том, что нужно всех «мочить» в конце. Только тогда, когда это оправдано, и в разумных пределах. С другой стороны, если вся логика повествования, весь катарсис, все приходит к тому, что несколько персонажей должны погибнуть – как их ни жалко, но приходится убивать, иначе будет неправда.

Андрей Валентинов: Не только физически погибнуть, но и потерпеть поражение. Их так жалко, они такие хорошие все... Я приведу пример. Я абсолютно уверен, что Сенкевич, когда писал «Огнем и мечом», хотел Богуна убить. Героически. Чтобы показать, что за ошибки приходится платить. А тут и без того трупов гора. И Сенкевич вывел его на пенсию. Что совершенно не логично по сюжету, потому что не верится, что здоровый молодой крепкий казак, у которого любимую девушку угнали, у которого рухнуло дело, погибла казацкая армия, продолжает жить – уехал на хутор и больше носа оттуда не казал. Помните – в самой последней строчке. Пожалел! В ущерб сюжету, развязке, самому образу – но точно пожалел.

Олег Ладыженский: Возвращаясь к начинающим авторам. Одна из главных ошибок – это продолжение собственного романа. Желая договорить и то, и другое, и третье, автор пишет второй, третий, четвертый том, тем самым зачастую убивая кульминацию первого. Именно растяжка во времени лишает возможности сохранить пик в первом томе. Если это – законченная книга, то в ней должен быть пик.

Общая кульминация романа может и должна не совпадать с микрокульминациями по сюжетообразующим линиям. У них у каждой – своя кульминация, которая не совпадает с общей по всем линиям сквозного действия. Дайте любой известный роман!

Андрей Валентинов: «Властелин Колец».

Олег Ладыженский: Да нет вопросов! У нас есть линия Арагорна. Это – линия короля, правителя, большой политики Средиземья. Где по этой линии кульминация?

Андрей Валентинов: Коронация.

Олег Ладыженский: Коронация – уже развязка.

Голос из зала: Где он тонет.

Олег Ладыженский: Кульминация там, где он впервые принимает на себя статус короля.

Дмитрий Громов: Еще не стал формально королем, не коронованный...

Олег Ладыженский: Я – король, я беру ответственность. Кульминация по линии политики – Арагорн принимает ответственность за страну.

Есть линия Фродо, линия пехоты. Которая делает победы и берет Берлин, пока короли решают политические проблемы. Пехота топает к развалинам Рейхстага. Где кульминация по линии Фродо? Сюжетообразующие линии не по персонажам строятся, но так понятней. Где кульминация? Там, где он отказался бросать колечко. Не выдержал. Сломался. Боролся, боролся, боролся. Кульминация может быть не обязательно победой. У Фродо кульминация – на Ородруине, когда он сломался. Это – линия пехоты.

Если мы посмотрим кульминацию по линии Гендальфа – это даже не политика, а божественное провидение – то мы найдем третью кульминацию. Я сейчас даже не буду вычислять, где, но она находится не в конце романа.

Голос из зала: В лесу.

Олег Ладыженский: В лесу, когда Гендальф Белый появляется. Совершенно точно. Гендальф не помнит, кто он. Его не сразу узнают друзья. А главное, после этого – сплошная развязка Гендальфа. Из доброго Серого он становится беспощадным Белым, который говорит: «Пленных не брать!» Добрый волшебник. С фейерверками. Пленных не берем. Всех убиваем. Всех!

У каждой линии своя кульминация, это и есть мастерство. А по линии Пина и Мерри – отдельная линия, не пехоты, а ополчения. Кульминация в Шире, когда два рыцаря вдруг наезжают на громил – и те пятятся.

«Три товарища» Ремарка – возвращение с войны.

Андрей Валентинов: Вернулись ветераны и разогнали хулиганов. Ваша задача, когда делаете кульминацию, понимать, где кульминации по разным сюжетобразующим линиям. И тогда масса микропиков только подпират, как нижние акробаты – верхних...

Дмитрий Громов: И кульминация линии Горлума!

Олег Ладыженский: Которая идет сразу за кульминацией линии Фродо. Там подряд идет две кульминации.

Дмитрий Громов: Кульминация Горлума в том, что он достиг своей цели.

Олег Ладыженский: Он счастлив! Он умирает радостным! Я так думаю, он в рай попал, потому что таким счастливым умереть – это же надо! В фильме это точно отражено: летит в огонь, а на лице блаженная улыбка. Он достиг цели.

Голос из зала: А можно еще вопрос? Тоже по кульминации. Может ли быть в книге две, три общие кульминации, разнесенные по времени?

Олег Ладыженский: Нет.

Дмитрий Громов: То, что Олег рассказывал насчет тени кульминации, малой кульминации... Но это – отражение, эхо.

Андрей Валентинов: Нет, но, к сожалению, бывает.

Олег Ладыженский: К сожалению – да. Но равновеликие – значит, одна убьет другую с гарантией.

Голос из зала: Книга оборвется?

Олег Ладыженский: Нет, просто читатель испытает наивысшее потрясение, и второе будет уровнем ниже – сразу, автоматом. Поэтому сделать можно, а эффект будет обратным.

Голос из зала: А развязка? Что насчет развязки?

Андрей Валентинов: Все те же недостатки, присущие кульминации, прищипки и развязке.

Вопрос из зала: Меня интересует завязка.

Андрей Валентинов: Завязку я вам объясню как нужно делать: герой или героиня идут в таверну...

(дружный хохот)

Андрей Валентинов: Там происходит драка. Герой или героиня показывает свои сильные физические и моральные данные. После этого к нему подходит незнакомец и нанимает на работу. Пишите – не ошибетесь!

Вопрос из зала: То есть, завязкой может быть уже начавшееся действие?

Олег Ладыженский: Может, если умело написано.

Андрей Валентинов: Если читатель после этого десять страниц не может понять, что там происходит – это ошибка. Нужно мягко вводить читателя, чтобы он понял, куда попадает.

Вопрос из зала: В фантастике, особенно – жесткой, читатель довольно долго не понимает, что происходит.

Олег Ладыженский: Да бог с ним, пусть не понимает! Читатель может и не понимать, зато писатель должен понимать. Непонимание читателя...

Дмитрий Громов: Андрей, ты не совсем точно выразился. Если есть интерес, и читатель хочет разобраться, он может и через пятьдесят страниц разобраться.

Олег Ладыженский: Как в детективе.

Дмитрий Громов: А если он влипает в непонятное, и оно становится неинтересным, то кому это надо?

Андрей Валентинов: Да, но интерес – понимать, что кто-то за кем-то гонится...

Дмитрий Громов: Да! А кто он, зачем он, и какова его роль – знать не обязательно, это выяснится потом.

Андрей Валентинов: Он должен понять, что вообще происходит типологически.

Дмитрий Громов: Это да!

Андрей Валентинов: Нужно понимать, что мы не понимаем. Кто убил леда? Он не понимает, но понимает, что это – загадка. Кто кого съест?..

Олег Ладыженский: Давайте начнем с начала! Завязка – это зерно конфликта. Из которого он прорастет и организует сквозное действие – до конца, до кульминации.

Вопрос из зала: А если несколько сюжетных линий? Завязка – зерно основного конфликта, или?..

Олег Ладыженский: Давайте рассмотрим на том же примере: «Властелин Колец». Мы уже выяснили, что сюжетных линий в романе до чертиков. У каждой есть своя завязка. Но есть и общий конфликт, который приводит к кульминации романа. Причем кульминация романа на Ородруине не в том, что Фродо бросил кольцо – и оно исчезло. Он бы не бросил, если бы не Горлум. А в том, что миг милосердия за много лет до кульминации, абсолютно неразумный и нелогичный с точки зрения всей политики Средеземья: ну, зарезал бы Бильбо Горлума, и всё – короче, миг милосердия может спасти великую державу. Это – кульминация, в ней в какой-то мере сверкает идея. Войну делает пехота. Основной конфликт не между Сауроном и Гендальфом, это нелепо.

Итак, где завязка всего произведения? Не по отдельным сюжетобразующим линиям, а всего романа? Это становится понятно, как только начинаешь чесать в затылке и думать: а где же зерно конфликта, который закончится на Ородруине?

Голос из зала: Там, где Гендальф дает Фродо кольцо?

Олег Ладыженский: Нет. Ну, колечко. Оно для Фродо мало что значит в тот момент.

Голос из зала: В морийских пещерах?

Голос из зала: В предыдущей книге?

Голос из зала: Когда встречаются все народы.

Олег Ладыженский: Как по мне, завязка происходит у Элронда. Все остальное – экспозиция. И когда все эти мудрые и великие, с мечами и топорами, сидят и нудят: а кто пойдет, а куда пойдет, а зачем, а не дадут ли нам там по голове, а если дадут, то как долго и как сильно... И встает этот, маленький, и говорит: «Ну что делать? Идти-то надо!» Это – завязка романа. Всего конфликта.

Дмитрий Громов: В начале-то он собирался отнести кольцо на Совет – и все, моя миссия выполнена. Я гонец, ничего не знаю. Ну да, страшно, ну да, стрёмно. Но все-таки не очень далеко. Отдам кольцо и пойду домой. А дальше – эти крутые пусть разбираются. Это была фактически не завязка: он согласился выполнить разовую миссию – незаметно пронести кольцо.

Олег Ладыженский: Он же встает – больной, раненный моргульским клинком. И говорит: «Идти надо? Значит, я пойду!» Он даже не спрашивает, пустят его или не пустят. И дальше начинается завязка стремительно разворачиваться. Выскакивает Сэм, кричит: «Я тоже иду! Вы меня не остановите!» Вылезают из углов Мерри и Пин, полезли, как тараканы! Это все – поступок Бильбо, не убившего Горлума. Равносильная вещь.

Андрей Валентинов: Первый сказал Бильбо: «Значит, мне заканчивать эту историю».

Олег Ладыженский: Так как Бильбо начал – Толкин умница – то, значит, «я буду заканчивать». Мы будем заканчивать, мы тебя одного не отпустим. А эти гномы и эльфы пойдут, не пойдут – хоббитов уже не колышет. Пехота пошла в прорыв. Завязка – там. Предыдущее – экспозиция, хотя беготни в экспозиции хватает.

Дмитрий Громов: При этом завязка линии Фродо – в другом месте.

Олег Ладыженский: Завязка линии Фродо – в другом месте, завязка линии Арогорна – в третьем месте, Гендальфа – в четвертом, Саурона – вообще не здесь. И по списку. Здесь завязка основного, сквозного – шампура! – действия. При этом – Шер совершенно правильно сказал – шампур потом убирают. Но все уже прожарено!

Андрей Валентинов: В этом – отличие романа от повести. В повести все проще. А в романе множество таких линий, локальных кульминаций. Экспозиция может быть растянута на несколько произведений.

Олег Ладыженский: Но интерес в экспозиции сохраняется, потому что все время брезжит завязка: вот она, скоро!

Дмитрий Громов: А насчет непоняток, о которых говорили: общее понятие все-таки проявляется в первые пять-десять страниц. Еще не ясно, что за герой, что с ним приключилось до этого, почему он в данный момент бредет по болоту, и за ним следует какая-то опасность, он от нее уходит... Мы попадаем в действие. Но уже понятно, что это – человек, что он идет через болото, и оно странное, в нем могут водиться монстры, и какая-то еще большая опасность идет за ним по пятам. Становится интересно, кто за ним гонится. А это потом потихоньку проясняется. Но! Если это некая абстрактная сущность, которая бродит в абстрактных обстоятельствах, тогда, конечно, всякий интерес теряется.

Андрей Валентинов: Это можно смоделировать. Представьте себе, что читатель открывает книгу и видит иностранный текст. Он из интереса проследит глазами несколько первых строчек. Возьмем «Войну и Мир» Льва Николаевича Толстого. Начинается с длиннющей французской цитаты. Ее нужно одолеть, дальше уже – русский текст. Так и должно быть. Что-то непонятное может быть в начале, чтобы привлечь внимание. Но разъяснение должно последовать. И понятно, что герой в болоте, что он может потонуть, а может не потонуть, над ним птица Рух летает...

(смех в зале)

Андрей Валентинов: А что это значит, и как он выберется, это уже можно дать в конце. Но иностранного текста не должно быть много.

Дмитрий Громов: Тут, кстати, есть еще один прием, который мы для себя называем «завлекалочка»: взять острый, интересный, «забойный» эпизод из середины или второй половины текста. На одну, две, максимум – три страницы. И поместить его без всяких объяснений в начало. Пролог.

Андрей Валентинов: Я так тоже делаю.

Дмитрий Громов: Классика. Таковую штуку проделал Мак-Каммон в романе «Кусака», он же в нашем издании – «Несущий смерть». Эпизод на мосту, кто-то за кем-то гонится, кто-то стреляет, какой-то монстр, от него отбиваются. Круто написано, боевик! Причем еще и хорошим языком написанный! И вдруг все обрывается – провинциальный американский городок, местные хулиганы, алкоголик-шериф... Но у тебя уже в подкорке висит этот эпизод. Ты понимаешь, что до него доберутся, и ты начинаешь азартно читать.

Олег Ладыженский: Мы пользовались этим приемом...

Андрей Валентинов: В «Нам здесь жить».

Голос из зала: Там же из финала!

Андрей Валентинов: Ну, каждый выбирает, что ему хочется. Но не из кульминации, из финала.

Вопрос из зала: Но там уже понятно, что все умерли! Уже читаешь и думаешь: «Да блин, все равно»...

Андрей Валентинов: Но непонятно, кто именно умер.

Олег Ладыженский: И непонятно главное – как!

Дмитрий Громов: И зачем, и что произошло вокруг.

Андрей Валентинов: И в начале совсем другая картина: другой город, мелкие домовые...

Дмитрий Громов: Тут действительно: совершенно непонятно, что происходит. Но, если кусок выбран удачно, то он цепляет читательский интерес. Но перегрузить этим куском нельзя, он обязательно должен быть небольшим.

Олег Ладыженский: «Непонятки» должны происходить не в завязке, а в экспозиции. Она раньше завязки. Можно ли начать сразу с завязки? Мы идем по трем линиям: эстетическая, интеллектуальная, эмоциональная. Там, где начинаются «непонятки», интеллектуальная линия хромает. Человечек не понимает логически, что происходит. За счет этого нужно усилить эмоциональную линию восприятия и эстетическую.

Дмитрий Громов: Следить за качеством текста.

Олег Ладыженский: Должно быть здорово написано. Читателю интересно: кто же все-таки убийца, садовник или горничная? И зачем убили лорда. Но то, что убили лорда, читатель понимает, он уже кому-то сопереживает, кому-то – нет, восхищается пейзажем и собакой Баскервиллей с оскаленными клыками. Плюс – у него полный кайф от того, как это написано. По этим двум линиям мы вполне вытягиваем читательский интерес, потому что эмоциональная – самая сильная линия для большинства читателей. Хотя для некоторых – интеллектуальная. Эстетическая – связующая, без нее обе первые линии рассыпаются. Эстетическая – это автор. Это его эстетика, его стилистика. Без присутствия автора, без присутствия рассказчика настоящему читателю станет скучно.

Андрей Валентинов: Но, на практике, начинать нужно с чего-то яркого.

Дмитрий Громов: Логично оно и понятно, или нет – это уже вопрос третий!

Андрей Валентинов: Но с яркого без сомнения. Толстой со сценой на приеме у фрейлины – это не удачно. Во-первых, любители ляпов тут же скажут, что фрейлина не может быть замужем. Значит, не может быть салона. А во-вторых, сама сцена вялая, какие-то диалоги... Он был велик и толст, он мог. А вы так не делайте!

Олег Ладыженский: Это вопрос не завязки уже, а экспозиции. Само начало произведения – можно хулиганить по-разному. Мы когда «Алюмена» писали, то очень важно было придумать первую строчку. И придумал Андрей Валентинов: «Огюст Шевалье достал свои пистолеты».

Андрей Валентинов: Прочитировал Виктора Гюго, заменив героя. Из очерка про переворот 1852 года.

Олег Ладыженский: Зачем нам это было нужно? Во-первых, это интересно. Какой-то персонаж достал пистолеты, значит, будет стрелять. Дальше начинается жизнь персонажа, история, описание его мансарды. Все, что нам нужно. Но человек знает, что персонаж достал пистолеты, еще и чистит их. Значит, ему нужны пистолеты. Это – приём. Мы сейчас вскрываем механизм. Более того, умному читателю это дает Виктора Гюго. «Барон достал свои пистолеты». Мы долго думали, потому что слово «свои» здесь лишнее. «Огюст Шевалье достал пистолеты» – надо бы так. Вряд ли чьи-то чужие. В итоге мы оставили лишнее слово «свои», потому что так в классическом переводе Гюго, потому что умный читатель еще и сообразит: Гюго, девятнадцатый век, Франция.

Дмитрий Громов: Французское имя, пистолеты – явно не современные – пошла куча отсылок.

Олег Ладыженский: Потом мы решили продолжать в том же духе. Второй том начался с фразы: «Торбен Йене Торвен достал свои пистолеты». Я раскрою страшную тайну: третий том начнется с фразы «Князь Волмонтович достал свои пистолеты». Этот ход состоит из двойного хода: привлечение интереса читателя плюс ссылка на Гюго превратилась в один из приемов, которым мы связываем все три тома в одно целое.

Андрей Валентинов: Мы пошли вслед за Виктором Гюго. Это – ключевая, начальная фраза. Потому что, когда врываются к герою, он пистолеты свои разрядил. И его взяли.

Олег Ладыженский: «Велик был и ужасен был год от начала революции второй, от рождества же Христова тысяча девятьсот восемнадцатый¹». Два раза «был». Одно из них по формальной логике лишнее. И «же» после Рождества вроде бы лишнее. По формальной логике. Если сел править редактор. «Велик и ужасен был» – нормально, проще фраза, читателю доступнее. Зачем Булгакову нужны эти повторы? А потому что библейский слог! Сразу идет вторая ассоциация.

Андрей Валентинов: И любой более-менее грамотный читатель сразу ассоциирует с библейским текстом.

Олег Ладыженский: Перелом времен.

Дмитрий Громов: Дает сразу весь контекст.

Олег Ладыженский: Когда строишь фразу, приходится учитывать: ритмику собственно фразы, ее аллюзийный план (Библия, Гюго, не принципиально). И состояние фразы в контексте, потому что дальше идет какой-то текст. Вот эти три параметра надо учитывать железно, особенно – в ключевых фразах.

Дмитрий Громов: И плюс: какой это фрагмент, действенный или пейзажный. Та фраза, которая годится для пейзажа, не годится для описания драки.

¹ «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй»

Андрей Валентинов: Описывая драку, не старайтесь увлекаться техническими подробностями. Равно как и описывая секс. Я редактировал когда-то один текст, попросили товарищи. Там была сцена секса, причем не ироническая, а лирическая. Требовалось по ходу. Но когда я прочитал про «...вращательными движениями»!.. И в драке, и в сексе, и в иных производственных моментах употреблять специфические описания, которые годятся для инструкции по применению, не надо. А вы посмотрите, как описаны драки или секс у некоторых авторов! Это и вращательные движения, и прием такой-то и сякой-то... Нужно писать так, чтобы у читателя было непосредственное восприятие, сопереживание, представление.

Дмитрий Громов: Ощущение силы героя или скорости – на чем он работает. Его мастерства – или того, что он с трудом отбивается...

Андрей Валентинов: Кстати, это сложно.

Олег Ладыженский: Все эти восточные комплексы, когда – помните? – на фоне заходящего солнца герой шевелит ручками-ножками. А потом выходит на ринг – и про все забывает напрочь, начинает месить, как нормальный боксер. Эти комплексы – это книги. Мы обсуждаем текст точно так же, как профессионалы обсуждают комплексы. И любой из элементов можно прочесть на примитивном понимании, а можно – на более сложном. А если прочесть в другом ритме – читается сложнее; а если понять аллюзию на другой комплекс, которого здесь не заметно с первого взгляда, то читается в особом ключе; а если сменить дистанцию, то снова все меняется; а если пройти вглубь, то можно прийти к выводам.

Дмитрий Громов: Это заархивированный трактат.

Андрей Валентинов: А смотрится хорошо!

Олег Ладыженский: Это – способ передачи информации через века.

Голос из зала: Роджер Желязны неоднократно описывал в подробностях, кто как встал в поединке, но смотрится вполне уместно и укладывается...

Дмитрий Громов: Просто Желязны ухитрялся в техническое описание вставлять несколько точных эмоциональных моментов: эпитетов, характеристик. Поэтому у него при всех технических прибабасах драки смотрятся очень живо. Там не голая техника.

Олег Ладыженский: Давайте разберем на примере. «Розу для Экклезиаста» читали?

Зал: Да!

Олег Ладыженский: Помните там финальный поединок, когда главный герой дает по башке охраннику? Как Желязны подводит нас к техническим описаниям драки? Герой вбегает: длинный, высокий, нескладный. Стоит на входе огромный дядя. Говорит: «Извините, пропустить не могу!» Дальше у героя вылетает (в сторону от основного сюжета) ретроспектива. «Шесть лет назад я посещал зал в Японии, учился джиу-джитсу». Эта ретроспектива абсолютно не техническая. Это – подводка к технике. Тем более, герой сразу нам говорит, что почти ничего не усвоил. Снятие героизма у героя.

Далее, у нас «недопереводят» японские термины. Желязны пишет, если правильно перевести на русский: «Я принял стойку кошки»... А это – образ.

Вам должно быть по барабану, как выглядит эта стойка. Абсолютно. Я могу показать, как она выглядит, но это не важно. «Стойка кошки» уже дает образ. Это – не стационарное что-то, а мягкое. И дальше: «Моя длинная нога взлетела», – чувствуете образ? Не «повернулся на 180 градусов на пятке, выведя колено горизонтально»... А «взлетела и врезалась ему в висок. И он упал».

Мы видели, как сумоисты ложились от таких ударов.

Дмитрий Громов: Удар ногой в висок, именно такой, как описал Железны – чистый нокаут.

Олег Ладыженский: Железны описывает технический прием через образный ряд. Там образная система точная, а техническая – дозированная. У Железны, кстати, был коричневый пояс, поэтому он разбирался в вопросе. Единственное, в чем он специально нас всех обманул – у него герой по исходным данным занимается джиу-джитсу, а там практически нет высоких ударов ногами. Мы сейчас говорим не о каратэ, а о том, как описывать драку или секс. Избегайте технических подробностей. Совсем избежать не сможете, но избегайте.

Дмитрий Громов: Оставлять по минимуму, а остальное давать образным рядом. Главное – чтобы создавалось ощущение. Здесь видно, что герой – нескладный, высокий, «чайник», но чему-то научился. У него есть одна-две коронки, он их применил – и получилось. Но не супермен.

Олег Ладыженский: Раз мы зацепились за описание драк... Помните «Обитаемый остров»? Максим и банда Крысолова? Близко к тексту, по памяти: «Время стало длинным, секунды замедлились, между ними можно было проскользнуть и сделать многое. Максим стал драться, как дрался с обезьянами на Пандоре...» Помните? Дальше – описание: он хватал их за нижнюю челюсть, за подбородок, вздергивал, рубил ребром ладони по горлу, снова хватал, вздергивал, рубил. Одно техническое действие. В чем мастерство Стругацких? Дима, встань на секундочку.

Чтобы ударить человека ребром ладони по горлу, мне не надо вздергивать ему подбородок.

(демонстрирует на Дмитрие)

Теперь изобрази мне обезьяну!

(Дмитрий изображает обезьяну)

Придется поднимать подбородок! Обезьяна – сутулая.

(демонстрирует)

Поэтому Максим делает то, что не нужно делать с человеком. Но он противников воспринимает как обезьян!

Дмитрий Громов: Там совсем другая техника.

Андрей Валентинов: Поэтому его подрезали немножко.

Олег Ладыженский: Поэтому его ударили ножом! Лишняя трата времени на каждого человека, несмотря на то, что Мак – супермен.

Андрей Валентинов: И там очень точный момент, что вожак обезьян двигается быстрее. Он потому и вожак, он убегает.

Олег Ладыженский: Умейте так описывать драку, что только с четвертого прочтения вдруг соображаешь, зачем он им вздергивает подбородок.

Андрей Валентинов: А можно описать, как в фильме!

(*хохот*)

Андрей Валентинов (*протяжно*): «И тогда сюрикен...». Вот вам различие: как писали авторы – и как сняли в кино.

Олег Ладыженский: Вот так драки и надо описывать, чтобы потом сказали: «Как точно, какие молодцы!» Кстати, Дюма вообще толком не описывает поединков. Он все время говорит, что у Д'Артаньяна очень длинные руки и очень длинная шпага.

Андрей Валентинов: Он описывает, как бешеный натиск – в эмоциональном плане.

Олег Ладыженский: А если вы представите себе длинную руку, в которой шпага с клинком «метр десять» – а именно такая она и была, – то это не дай Бог. Очень трудно подойти, хуже копыя! Особенно в узком переулке! А д'Артаньян – молодой, здоровый, быстрый...

Андрей Валентинов: В то же время – вспомните «Скарамуш» Сабатини. Автор счел нужным ввести читателя в технические сложности. Путем новой системы Скарамуша, которую он изобрел. Так объясняет, что понимаешь. Чуть-чуть «грузануть» – и уже все понятно, и понятны его победы на поединках, где он применяет технические термины. Но читателю, даже полному лоху в фехтовании, как я, уже понятно, в чем преимущество Скарамуша. Здесь требуются технические термины, но они введены корректно.

Дмитрий Громов: Было бы странно, если бы мастер фехтования не пользовался техническими терминами.

Андрей Валентинов: Главный поединок, к которому все шло – поединок с врагом, – описывается с точки зрения не столько технической, сколько технологической. Когда первые стычки – «Внезапно Скарамуш засмеялся». Его противник потерял уверенность. Если мальчишка так нагло дерется и еще смеется... Противник потерял уверенность и начал слабеть. Технические термины, кстати, там тоже присутствуют. Но эмоциональное – выше. Блестящее описание поединка, ждешь, кто кого убьет, и тут бежит его мамашка: «Стойте, стойте!» «Э! – говорит читатель. – Ладно, убьют в конце!» Но в конце тоже не убивают – сюрприз!

Дмитрий Громов: Купил! Кстати, насчет «купил». Есть один из козырных приемов, который очень редко кто использует. А он работает зачастую лучше, чем лобовое решение: то, о чем говорил Андрей: все ведет к великой битве эльфов и орков, и вдруг каким-то хитрым политическим ходом эта битва отменяется. Это может сработать сильнее – эмоционально, психологически, логически, чем просто очередная большая драка.

Андрей Валентинов: Более того, я могу вам подсказать еще один прием для усиления. Скажем, выдуманный пример: фельдмаршалу такому-то предсказали, что он погибнет на (неразборчиво) поле. И вот две армии сближаются. Читатель знает, что они проиграют это сражение. Битва отменяется. Фельдмаршал стреляется с горя.

Дмитрий Громов: Кстати, Алексей Бессонов один раз сделал такой ход. У

него есть книжка «Концепция лжи», которая, скорее, фантастико-политический детектив с социальными элементами, нежели боевик. Хотя довольно остросюжетная. И вот в конце получается, что герой, за которым охотятся спецслужбы, уже знает, что за ним идут по следу. Он забегает в свой дом, успевает захватить что-то с собой, берет автомат, берет патроны, идет в сад, там уже появляются тени... Вот сейчас будет мочилово! Я не расскажу, как, но он избежал этой мочилочки. Он к ней подвел – и ее не сделал. Иначе бы это сбило всю стилистику романа, где драк особо нет.

Олег Ладыженский: Вообще-то, что лежит на поверхности – это самое неинтересное.

Андрей Валентинов: Слегка дразнить читателя – это тоже прием. Читатель во власти стереотипов, причем не только литературных, но и киношных. Ваш читатель, читатель фантастики. И внешне все это выстраивается: «Ага! – думает читатель. – Убийца – садовник!». А это – марсианин, и потом выясняется, что все совсем не так.

Дмитрий Громов: Что садовник – марсианин, и вообще это – самоубийство!

Олег Ладыженский: Это ничего, что мы с легкостью необыкновенной с темы на тему летаем?

Вопрос из зала: Хотелось бы эту тему продолжить и перейти на другую. Оправданность оборванных сюжетных линий?

Андрей Валентинов: Не надо. Зачем?

Олег Ладыженский: Это, конечно, инструмент. Им можно пользоваться. Но это – очень сложный инструмент; надо понимать, зачем его применять.

Андрей Валентинов: А второстепенные линии, наоборот, нужно доводить до конца. Пусть узнают, что графиня все-таки хоть и не умерла, но сошла с ума, ее сорок лет держали в башне, и она хохотала лунными ночами. Как раз читатель больше простит, если подвесится судьба главного героя, типа: «Табуретка выскользнула из-под ног, но была еще надежда, что лопнет веревка». Но второстепенных объясните всех.

Олег Ладыженский: Обрывая линию, надо понимать задачу. Обрывая линию, я вызываю раздражение у читателя. Потому что он хочет знать, что было дальше. Я вызываю у него недоумение: а зачем линия все-таки оборвалась? Я должен заранее представлять эти два чувства. И если я знаю, зачем они мне нужны...

Дмитрий Громов: Или они компенсируются третьим фактором, который мне очень нужен.

Вопрос из зала: Хорошо. Появляется второстепенный герой, у которого есть своя линия. При этом он появляется для того, чтобы повлиять на главную сюжетную линию, но я не рассказываю дальше, что с ним.

Андрей Валентинов: Как-то закончить все равно нужно.

Дмитрий Громов: Он может появляться в нескольких эпизодах: появляется, встречается, влияет на сюжет. У него своя жизнь. Они с героем несколько раз пересеклись. Это, в общем-то, даже не сюжетная линия. Просто человек живет своей жизнью. Скажем, это – старый его друг, которого он

иногда встречается. Они общаются, тот подкидывает идеи. И – исчезает. Он пошел дальше жить своей жизнью.

Олег Ладыженский: В «Трех мушкетерах», в начале, есть трактирщик и его слуги, которые бьют Д`Артаньяна дубинками. Больше они нигде не появляются в «Трех мушкетерах» и никому абсолютно не нужны. У них нет сюжетной линии.

Дмитрий Громов: Но есть задача в тексте.

Андрей Валентинов: Пожалуйста, еще пример из «Трех мушкетеров»! Линия Бонасье: в конце он находит приют в домах Его Преосвященства, где с ним все в порядке.

Олег Ладыженский: Если есть *сюжетная* линия, то ее надо заканчивать. Если персонаж линией не обладает, то можно не заканчивать. Ну что, пять минут перерыва?

ККК72

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ВЫЖИЛА

Нил Гейман. Коралина. –
М.: АСТ, Астрель, 2009. – 224 с.

Нил Гейман, как всегда, в своем репертуаре. Даже в маленькой детской повести видны основные черты его творчества. Блестящий стиль, странный, необычный сюжет, способность удивить, напугать, заинтриговать и шокировать читателя всего на какой-то паре сотен страниц.

Еще Герберт Уэллс в позапрошлом веке рассказал нам об обычной двери в стене, за которой может скрываться что угодно. Прошло несколько десятков лет, и Лавкрафт намекнул нам, что на самом деле может скрываться за такими дверьми.

И вот сейчас Нил Гейман выдвинул свою версию событий. Небольшая повесть «Коралина» показалась мне во многом парадоксальной. С одной стороны, автор, вроде бы, ориентируется на детскую аудиторию. Главная героиня мыслит и поступает порой по-детски, язык автора хоть и хорош, но тоже рассчитан на детей. С другой стороны, повесть получилась действительно страшной. Созданные автором кошмарные образы производят сильное впечатление и врезаются в память. Гейман показывает нам корни наших собственных страхов, лежащие в далеком детстве. И, видимо, одиночество, чувство ненужности, отсутствие внимания со стороны родителей – один из самых тяжелых, пугающих кошмаров. Честно говоря, я сильно подумаю, стоит ли давать эту книгу своему ребенку, пока он не станет совсем взрослым. Очень уж не хочется, чтобы он стал с опаской всматриваться в мои глаза.

Да, опытный читатель легко увидит, что многие образы повести отнюдь не оригинальны, но в том-то и проявляется мастерство Геймана, который способен из всем известных ингредиентов создать блюдо с незабываемым вкусом.

И все же автор ухитрился дать читателям – и молодым, и старым – богатую пищу для размышлений. Тут и бросающаяся в глаза отстранённость вечно занятых родителей от своего ребенка, которая затем так часто оборачивается огромными бедами. Тут и мужество, и упорство главной героини, сумевшей сохранить присутствие духа в самой сложной ситуации. Тут и не самая очевидная идея о том, что нельзя жить только воспоминаниями о прошлом, каким бы безрадостным при этом не было настоящее.

Очень яркими и необычными получились персонажи этой истории, особенно, как ни странно, второстепенные. Чудаковатый циркач, две старушки-актрисы, гордый и независимый кот вышли яркими, красочными, живыми. И очень удачным контрастом на этом фоне показались тусклые и неживые картины изнанки реальности, которая, на первый взгляд, была так похожа на действительность. А вот, например, родители Коралины остались только смутными образами, а не живыми людьми. Кстати, Макс Фрай стоит взять на заметку: так вот как на самом деле выглядят коридоры между мирами!

Честно говоря, я долго сомневался: стоит ли выкладывать не самую маленькую сумму за двухсотстраничную книгу с многочисленными рисунками и крупным шрифтом. Но Гейман в очередной раз убедил меня: размер не всегда имеет значение. Да, до лучших книг автора, «Коралина», конечно, не дотягивает. Не хватает ей и глубины, и многослойности повествования, присущих, например, «Американским богам». Но и в совсем небольшой повести Гейман смог и удивить, и напугать, и научить своих читателей.

МАША ЗВЕЗДЕЦКАЯ

РЖП И РПГ: РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЖАНРОВАЯ ПРОЗА И ROLE-PLAYING GAME

**Павел Корнев. Приграничье. Клинок Стужи
(содержание: романы «Лед» и «Скользкий»).**
Дилогия в одном томе. —
М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2009. — 822 с.

За прошедшие пятнадцать лет, что я наблюдаю российскую фантастику, в ней произошло множество событий: в нее пришли писатели, обладающие литературным талантом (и стало реальным говорить о фантастике как о литературе), в ней сформировался цех крепких ремесленников, трудолюбиво отрабатывающих определенные поджанры (и стало возможным говорить о жанровом членении фантастики, о ее топике, она же система «общих мест» и т. д.), в ней возникли предпосылки для будущих новационных метапроектов, объединяющих текст, компьютерную игру, кино и мультипликацию. Во всяком случае, уже никого не удивишь новеллизацией фильмов и компьютерных игр, и это только начало процесса глобализации развлекательных жанров.

Новеллизации могут быть прямыми и заказными (проект «S.T.A.L.K.E.R»), а могут быть непрямыми, опосредованными. Романы Павла Корнева относятся ко второй категории.

Это очевидно: «По жанру тетралогия Корнева — это типичный боевик в духе RPG (англ. Role-playing game). Читатель оказывается в шкуре главного героя-повествователя, попадающего в условный мир, где на каждом шагу его ожидают западни, ловушки и агрессивные существа, от которых нужно избавиться любой ценой. Как и в компьютерных играх, вокруг имеется множество припрятанного там и сям оружия, которое можно и нужно заполучить и пустить в ход: простые и волшебные ножи, пистолеты и карабины, заряженные патронами с серебряными пулями, заклинания и амулеты. В конце концов, на худой конец, сгодятся собственные зубы и кулаки. Сюжет развивается рывками от одной встречи-поединка до другой. И так до бесконечности, уровень за уровнем, пока не замигает перед глазами вожаемое: «Игра окончена». Понятное дело, что о какой-либо сюжетно-композиционной логике говорить здесь не приходится. Все повествование строится на экшене, максимальном драйве» (из послесловия Игоря Черного).

Как всегда, Игорь Черный умудряется найти похвальное там, где, кажется, ничто на заслуживает похвалы. Так, например, он поминает в романах Корнева некий «сюжет», а вот я, как ни старалась, найти сюжета так и не смогла. Зато нашла другое: миссию героя.

И здесь уже имеет смысл говорить не столько о новеллизации некой абстрактной компьютерной игры, но о построении романа по законам RPG, для которой сюжет как таковой не имеет значения, существуя лишь в качестве «сюжетной арки», то есть как некое рамочное обрамление: в начале игры дана предыстория и завязка действия для основной миссии героя; далее следует ряд промежуточных миссий, в которых герой развивается, набираясь опыта, получая все более совершенное оружие и т. д.; наконец, исполнив все промежуточные задания, герой добирается до финала и приступает к исполнению главной миссии, она же — предназначение и основной сюжетный движитель.

Для того чтобы игрок хоть как-то ориентировался в происходящем, между миссиями даются ролики или иные игровые сопровождения, сообщающие играющему о том, насколько он продвинулся на пути к цели.

Казалось бы, читать подобное невозможно, ведь между завязкой и развязкой — огромное расстояние и очень сложный рельеф местности, испещренный промежуточными миссиями: их много, они неравноценны и членятся на более мелкие составляющие, — однако, сколько известно, романы Корнева были небезуспешны. Более того, я их прочитала тоже, постоянно дивясь себе самой, с отмазкой за пазухой: цели мои — исследовательские, мне просто интересно, как эта птичка разбирается.

Однако что же находят в этих книгах другие читатели? Почему не выкидывают книгу вон, если в ней на протяжении почти нескольких сотен страниц ничего не происходит и ничто не проясняется? Да, герой непрерывно прокачивается: улучшает навыки владения оружием и магией, получает дополнительную силу и здоровье, приобретает все более мощные амулеты, справляется со все более грозными врагами, регулярно вступает в стычки и ходит туда-сюда. Но разве это может быть сколько-нибудь интересно читать?

Оказывается, может. И причиной тому усиливающаяся визуализация нашего жизненного пространства, а равно поголовная компьютеризация населения. Стремление к визуализации требует от развлекательного чтения «действия прежде всего». В свою очередь поголовная компьютеризация и широкое распространение всевозможных компьютерных игр формируют зону привычных ожиданий, в соответствии с которыми начинают строиться не только сами игры, но и тексты книг.

Здесь уместна параллель с аниме. С конца восьмидесятых годов во взрослую жизнь начали вступать поколения, для которых аниме было неотъемлемой частью детства, эти люди выросли на ежедневном просмотре мультфильмов. Рынок анимации тут же отреагировал на это: если раньше мультипликация была рассчитана только на детскую аудиторию, то теперь массово стали создаваться аниме для подростков, потом появились аниме для взрослых (я не имею в виду «хэнтай», речь идет об анимационных сериалах, посвященных повседневному, взрослым жизненным проблемам и т. д.). В настоящее время рынок японской анимации покрывает огромную зрительскую аудиторию, любой человек может найти сериал на свой вкус, и это только дело времени, почему вы еще не смотрите аниме.

Аналогичным образом в жанровую литературу стали входить поколения, чьи детство и юность прошли за компьютерными играми. И точно так, как взрослеющие поклонники детской анимации требовали привычной визуализационной формы, так же взрослеющие потребители компьютерных игр требуют воспроизводства привычных сюжетных схем, и не только в самих играх.

Кино и компьютерные игры — вот современная Библия для неграмотных или малограмотных. Все новое опирается на все старое, все новое имеет прообраз в старом, вопрос новизны упирается в возможности комбинаторики визуально усвоенного материала, вопрос удержания потребительского интереса состоит в визуализации самых простых и примитивных действий.

Закон современной успешности — *все должно стать зрелищем!*

Стоит ли удивляться тому, что в книгах «Лед» и «Скользкий» нет сюжета? А кому он нужен, если вербализуется привычное игровое действие? Больше того, автор может гнать текст томами, а сюжетная арка, открытая первой книгой, так и не будет завершена.

В настоящее время в цикле о Приграничье насчитывается 4 тома. Я прочитала первые два, и завязка сюжетной арки появилась лишь в самом конце первого романа, причем это была очень невнятная завязка — похоже, автор знать не знал, про что будет писать дальше.

Второй том формально начался там же, где кончился первый, но между книгами минуло полгода экранного времени. И, к сожалению, нам не показали сопровождающий игровой ролик, чтобы хоть как-то прояснить произошедшие с героем изменения. Он получил level up, но как это случилось, почему — проясняющие намеки появляются опять-таки ближе к концу второго тома, и только там и тогда формулируется главная миссия героя.

Между тем автор навалял больше восьмисот страниц текста! И во второй дилогии текста не меньше.

По игровой атмосфере романы «Лед» и «Скользкий» более всего напоминают «Дьябло-2». Лучницам из первой миссии соответствуют валькирии Корнева, аналогом рыцарей-мечников выступает Братство. Те же маги-воители, ведьмы и лавки, торгующие защитными амулетами и боевыми артефактами. За долю малую восстанавливают ману и здоровье. Трупы убитых врагов все так же обираются на предмет найти что-то стоящее для продажи. Герой периодически возвращается с добычей и спешит затариться по новой. Вы помните, как это было в «Дьябло»? Сходишь в промежуточную миссию, побываешь кучу народу, сгубишь всех помощников, каких мог навербовать за золото. Впрочем, их жизни не значат ничего, юниты — расходный материал, как их зовут и откуда они пошли такие — никому не интересно. Затем пойдешь к ведьме за склянками с маной и за свитками. Или двинешь к кузнецу, чтобы впаял в меч изумруд — вольно теперь кислотным мечом изничтожать болотных гадов! Здоровье поправишь, золотишко сбросишь в сокровищницу, она же кошелечек бисерный, она же ухоронка. И снова лезешь в очередное подземелье или полуразрушенную башню.

Воистину бесконечная история, с бесчисленным количеством вовлечен-

ных в игровое действо и практически нисколько не значимых для сюжета персонажей. Запомнить всех спутников главного героя решительно невозможно, да и нужды такой нет. Сам главный герой — фигурка на экране, он не развивается ни умственно, ни душевно, он только прокачивается.

Мне эта дилогия напомнила «Дьябло-2», у кого-то она ассоциируется с другой игрой, однако все читатели переживают в процессе чтения вполне типические игровые моменты. Бездна падения, но во время падения мозги отключаются напрочь и потом перезагружаются отдохнувшими. Правда, это полный конец литературы, как мы ее знали (конечно, я говорю о жанровой литературе, ни о чем ином), но, может, и пусть она кончается — та жанровая литература, если не может соблюсти главное для себя — сюжет?

PS: Да, чуть не забыла. Про что роман-то! Локация — Приграничье, пространство между нашим миром и миром Стужи. Главная миссия героя, как я вижу ее из первых двух книг (а если иначе, пусть меня поправят) — слить из Приграничья назад на Землю, попутно не допустив прорыва Стужи в земной мир. Вот, собственно, и все. Остальное — сплошное «ходи-ходи».

ККК72

ИГРА ПО-КРУПНОМУ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ

**Роберт Асприн. Игры драконов. –
М.: АСТ, АСТ Москва, 2009. – 320 с.**

Лет десять назад Асприн входил в десятку самых известных и продаваемых фантастов на постсоветском пространстве. Тем удивительнее, что выход нового, одного из последних романов метра, остался настолько незамеченным.

Надо сказать, что впечатления от романа довольно противоречивы. Молодой Гриффин, недавно окончивший университет, узнает от своего дядюшки странную новость. Оказывается, его давно погибшие родители были драконами, а сам он и его сестра Валери тоже являются обладателями необычных способностей, которые должны вот-вот проявиться в полной мере. В связи с этим Гриффин оказывается в центре внимания нескольких соперничающих группировок драконов. Некоторые из них готовы сотрудничать с новичком, другие пытаются его убрать, а третьи пока присматриваются к его возможностям. Чтобы спастись, Гриффину приходится бросить все и перебраться в Новый Орлеан, в его знаменитый французский квартал. Вскоре он уже оказывается во главе организации, занимающейся нелегальными азартными играми. Но враги и здесь не оставляют его в покое.

Ну как, впечатлило? Меня не очень. Идея о том, что главный герой прожил больше двадцати лет, даже не подозревая о том, что с ним что-то неладно, выглядит сомнительно. Неверие героя в свою драконью сущность долгое время просто зашкаливает. В бегстве героя от врагов масса странных эпизодов. То он бросает все по первому же смутному подозрению, то, уже зная, что его убежище вновь обнаружено, остается спокойно ждать неизвестно чего.

При этом, если вы думаете, что в книге вас ждет динамичный сюжет, вы сильно ошибаетесь. Действие развивается весьма неторопливо и размеренно, пожалуй, даже слишком спокойно. Складывается впечатление, что все проблемы героя – немного «понарошку», что автор, как заботливый отец, опускает ребенка в воду, тут же держит руки наготове, чтобы в любой момент вытащить его из беды.

С героями тоже не все хорошо. Несмотря на то, что многие действующие лица – преступники, ведут они себя, как добрые и славные ребята. Портрет самого главного героя, как и его сестры, тоже не отличается особой реалистичностью. Фантастический момент в книге присутствует, но складывается впечатление, что его можно было бы и убрать без особого ущерба для сюжета. В итоге у автора получился своеобразный роман взросления, чем-то

похожий на историю Скива, из которой полностью убрали весь фирменный аспириновский юмор. При этом роман во многом поучителен. Нельзя не заметить уверенность автора в том, что даже будучи драконом и главой преступной группировки, можно в любой ситуации оставаться человеком.

Так что же, книга слаба во всех отношениях? Как ни странно, нет. Главное достоинство романа – его очень удачная атмосфера, которая искупает многие недостатки. Пожалуй, главным героем, описанным с особой любовью, выступает вовсе не Гриффин, а Новый Орлеан – красивый, старинный, немного опасный и совершенно нетипичный для Америки город. Надо видеть, с какой любовью Асприн описывает узкие улочки французского квартала, его многочисленные кабачки, уличных музыкантов и прочие чудеса этого удивительного места. Судя по описанию, французский квартал очень похож на Старую Прагу с ее неповторимой атмосферой.

Увы, ничто прекрасное не вечно в этом мире. Судя по всему, роман писался еще до урагана, разрушившего столь любимый Аспириным Новый Орлеан. Да и сам автор ушел от нас, не закончив свой последний цикл. Грустно, дамы и господа.

Что ж, те, кто ждет фирменного юмора Асприна и искрометных приключений, будут разочарованы этим романом. А вот настоящим романтикам, которые ценят, прежде всего, атмосферу произведения, и готовы простить ему определенную слабость сюжета, стоит прочесть «Игры драконов». Старый мастер напоследок приготовил для вас приятный сюрприз.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ГОРЫ

«Конечная цель — ничто, движение — все!» Этот политический лозунг согревает не только профессиональных революционеров, но и тех более-менее нормальных граждан, которые (по разным причинам) не могут или не хотят стоять на месте. В сегодняшнем обзоре фильмов оказались те, в которых персонажи для достижения своих целей активно перемещаются. Чаще в пространстве, но иногда и во времени. Чаще добровольно, но порой и вынужденно...

На такси — к летающей тарелке

Работа таксиста полна приключений: то тебе в машину прыгает полуголый Пятый Элемент с лицом Миллы Йовович, то киллер с лицом Тома Круза. А вот в фильме Энди Фикмана **«Ведьмина гора»** (Race to Witch Mountain, США, 2009, 98 минут) в машину бывшего зэка Джека Бруно (Дуэйн «Скала» Джонсон — «Напряги извилины») запрыгнула парочка малолетних инопланетян, Сара (Анна-София Робб — «Мост в Терабитию») и Сет (Александр Людвиг — «Восход тьмы»). Детки недавно вылезли из летающей тарелки, и им нужна помощь. Во-

первых, юных пришельцев преследуют американская секретная служба во главе с Генри Берком (Киран Хайндс — сериал «Рим»). Во-вторых, им на пятки наступает их соотечественник, биоробот Сайфон. В-третьих, близится вторжение пришельцев на Землю, и только родители Сары и Сета способны (с помощью маленькой металлической фиговинки) обуздать захватчиков. Беда в том, что тарелку сразу после приземления забрали военные и спрятали внутри заглавной горы. В общем, таксисту и прикнувшейся к нему ученой-уфологине Алекс Фридман (Карла Гуджино — «Дети шпионов») придется полтора часа восстанавливать статус кво — и на Земле, и в небе (то есть на борту летающей тарелки). Картина Фикмана —

ремейк давней, еще 1975 года, ленты «Побег на Ведьмину гору» (Escape to Witch Mountain) режиссера Джона Хоу с участием Эдди Альберта, Рея Милланда, Ким Ричардс, Дональда Плезенса и Айка Айзенманна. Поскольку ту ленту многие хорошо запомнили, создатели новой версии произвели апгрейд сюжета, а выросшим исполнителям ролей юных пришельцев позволили помогать их сменщикам (в небольшом эпизоде героев выручают официантка (Ричардс) и шериф (Айзенманн)). Картина ориентирована на юную аудиторию, которая простит и грубоватые спецэффекты (особенно в тех эпизодах, где все горит и кружится, но никто серьезно не страдает), и все сюжетные нестыковки: и подозрительный фанатизм Берка, мечтающего пришельцев препарировать, и школьническую экзальтацию профессора-уфолога, и невероятную легкость, с которой качок и учена пробиваются на супер-пупер-засекреченную военную базу. Полный состав инвесторов картины в титрах не раскрывается, однако есть версия, что к финансированию «Ведминой горы» приложил руку и профсоюз работников такси — с целью поднять уважение к этой нервной профессии.

На бронев автомобиле — к свободе

В 1975 году режиссер Пол Бартел снял футуристический боевик «Смертельные гонки 2000», действие которого было, как явствует из названия, перенесено в будущее, а зэки (чьи роли играли Дэвид Кэррадайн и Сильвестр Сталлоне) зарабатывали себе амнистию, на огромной скорости гоня на навороченных тачках с пулеметами и огнеметами и круша все вокруг. Продюсер фильма, знаменитый трэшмейкер Роджер Корман, тридцать с лишним лет назад и не подозревал, что отсутствие свежих сценарных идей — болезнь современного Голливуда — вновь вытащит из небытия тот же сюжет. Режиссер Пол Андерсон (который после «Чужого против Хищника» явно ушел во второй эшелон) снял свою «Смертельную гонку» (Death Race, США, 2008, 96 минут). Авторам дали скромный для боевика бюджет — 45 миллионов долларов, а потому действие перенесли с улиц внутрь тюрьмы. Завязка такова: 2012 год, кризис, безработица, на содержание тюрем у государства денег нет, и пенитенциарные заведения покупают частные корпорации. А как можно нажиться на тюрьмах? Либо устраивать прямую трансляцию гладиаторских боев среди эзков, либо (когда схватки на мечах надоедят) проводить смертельные гонки на выживание. Победитель пяти заездов подряд обретет свободу, побежденный станет трупом. Правда, в гонках должны участвовать не абы кто, а

хорошие водители, иначе какой же интерес смотреть? А где взять Шумахеров на зоне? Вот так приличного парня, безработного металлурга и бывшего гонщика Дженсена Эймса (Джейсон Стэтхем) по ложному обвинению в убийстве жены законопатили в одну из таких тюрем, где стерва-начальница с коньячной фамилией Хэнесси (Джоан Аллен — «Без лица») предлагает герою свободу в обмен на анонимное участие в гонках. Дело в том, что любимец публики по прозвищу Франкенштейн имел неосторожность скончаться от ран после схватки с крутым перцем по прозвищу Пулеметчик (Тайриз Гибсон), и Дженсону поручено незаметно встать на место выбывшего — благо тот выступал в маске. И дураку ясно, что Эймсу надо в этом фильме: а) выжить; б) освободиться из тюрьмы; в) страшно отомстить тем, кто на самом деле убил его жену — то есть уголовнику Паченко (Макс Райан), надзирателю Ульриху (Джейсон Кларк) и самой мадам Коньяк... Режиссер Пол Андерсон смастерил честный трэш. Сюжет намеренно идиотичен, зато каждую минуту в кадре что-то стреляет, взрывается, пылает, с лязгом переворачивается на полном ходу. Сделано все, чтобы кинозритель вжимался в кресла и давился попкорном. Выбор Джоан Аллен на главную негодяйскую роль закономерен: актриса уже не раз и не два изображала разнообразных леди разной степени железности. Легко догадаться, отчего главную мужскую роль поручили именно Стэтхему: уже после первого «Перевозчика» актер так сроднился с шоферской баранкой, что было бы нелепым разрывать эту связь. Другое дело, что самому актеру самоповторы поднадоели, и не очень ясно, как Полу Андерсону удалось заманить его на съемочную площадку. Надеюсь, для этого не пришлось повесить на актера какое-нибудь липовое преступление...

На лодке — в иное измерение

В прологе фильма Брэда Силберлинга **«Затерянный мир»** (Land of the

Lost, США, 2009, 93 минуты) американский космонавт вместо того, чтобы попасть на Землю, попал черт знает куда, где и был съеден динозавром. Таким образом, к тому моменту, когда сумасшедший изобретатель Рик Маршалл (Уилл Феррелл) сцепится в прямом эфире с Мэттом Лоером из NBC's «Today» (сам Мэтт Лоер), зритель уже будет знать, что прав не лощеный телеведущий, а именно ученый-придурок: параллельные миры действительно существуют, и туда можно попасть либо случайно, либо осознанно. Смастерив тахионный усилитель (ящик с гофрированной трубкой умеет еще и играть саундтрек к мюзиклу «Кордебалет») и заручившись поддержкой свой поклон-

ницы Холли Кантрелл (Анна Фриль), выгнанной из Гарварда, ученый решает проверить идею на практике и отправляется в Таинственную Пещеру — место, где мембраны между мирами наиболее проницаемы. В компании ученого-фрика и его фанатки оказывается еще продавец фейерверков Уилл (актер и сценарист Дэнни МакБрайд) — и вся эта троица, сев на лодку, разом оказывается в некоем Особом Месте, где можно встретить и человекообразных обезьян, и гигантских крабов, и динозавров, и фургончик с мороженым, и разумных рептилий с листаков, которые в финале попытаются организовать вторжение на Землю... В 1974 году существовал сериал на эту тему, а три с половиной десятилетия спустя его продюсеры, Сид и Марти Кроффт, нашли 100 миллионов долларов для масштабной пародии на их собственное детище. Еще со времен «Эльфа» Уилл Феррелл доказал, что способен составить конкуренцию двум другим ведущим американским комикам, исполняющим роли придурков, — Адаму Сэндлеру (веселый идиот) и Бену Стиллеру (мрачный идиот). У Феррелла персонажи — идиоты вполне добродушные и милые, если им не наступать на больную мозоль. Фильм вообще переполнен грубыми и наглыми хохмами, вроде процедуры обливания мочой динозавра или эротических телодвижений разумной обезьяны Чака (Джорма Такконе). А чтобы уж совсем был ясен жанр картины, отечественные прокатчики позвали озвучивать Рика Маршалла шоумена Сергея Светлакова, добавившего к идиотизму персонажа еще и развязности а-ля «Наша Раша». Отдельное спасибо переводчикам, которые ухитрились обозвать «Затерянным миром» («The Lost World») фильм «Land of the Lost» — то есть, наоборот, «Мир затерянных». Так что мы сочувствуем тем зрителям, которые вообразили, будто режиссер Брэд Силберлинг в очередной раз экранизировал знаменитый роман Артура Конан Дойла. Ага, как же, ждите! «Под прицелом камеры — кучка эксцентричных дегенератов и густонаселенный мирок, по которому ползают небрежно нарисованные рептилии и неуклюжие статисты, ряженные в злобных пришельцев и добродушных австралопитеков» (цитата из интернетовской рецензии на фильм).

Пешком — глубоко под землю

Главный герой фильма режиссера Эрика Бревига «Путешествие к центру Земли» (Journey to the Center of the Earth, США, 2008, 89 минут), флегматичный и безалаберный ученый Тревор Андерсон (Брендан Фрейзер) работает в лаборатории, основанной его пропавшим без вести десять лет назад братом Максом. Однажды жена (или вдова?) Макса привозит Тревору на десять дней четырнадцатилетнего племянника Шона (Джон Хатчерсон — «Мост в Терабитию»). Сначала они не слишком ладят, но вскоре у них обнаруживается общее дело: в принадлежащем Максус экземпляре романа Жюль Верна «Путешествие к центру Земли» обнаруживаются зашифрованные пометки. Следы ведут в Исландию. Не там ли таинственно пропал Макс? Герои разбивают копилку и берут билет до Рейкьявика. В Исландии они почти сразу же знакомятся с красоткой Ханной (Анита Брим), которая берется стать их проводником. Персонажи запасаются рюкзаками, фонари-

ками, бухтами каната, протеиновыми батончиками и устремляются навстречу приключениям... Название фильма позаимствовано из все той же книги Жюль Верна, да и сам великий французский фантаст честно упомянут в титрах, однако сценарист Марк Левин не только осовременил сюжет, но и выстроил его так, чтобы один спецэффект следовал за другим. С той же целью и режиссуру доверили спецу по компьютерным фокусам Эрику Бревигу. Дело в том, что в кино фильм идет в формате 3D, то есть зритель получает синие-красные очки и может наблюдать, как едва ли не в зрительный зал выпрыгивают хищные рыбы или плотоядные цветы. Всю эту экзотику (вкуче с огромными тираннозаврами, летающими

железными островами, грибами величиной с Эмпайр Стейтс Билдинг, скачущими вагонетками и светящимися птичками) зритель получает, провалившись вместе с героями далеко-далеко под землю. Фильм этот был многократно обруган за ненаучность, но от этого хуже не стал. Разумеется, с точки зрения науки все эти выдумки насчет грибов и тираннозавров — чистой беспримесная лажа, однако авторы фильма и не стараются уверить зрителя, будто все взаправду. И, в конце концов, разве живые мумии, обнаруженные персонажем все того же Фрэйзера в трилогии «Мумия», могли существовать в реальной жизни? И ничего, никто из критиков особенно не обижался.

ПАВЕЛ БОЙКО

ГАРРИ ПОТТЕР И ВОЛШЕБНЫЕ НОЖНИЦЫ

«Гарри Поттер и Принц-полукровка»
В ролях: Дэниэл Рэдклифф, Эмма Уотсон
 и другие
Режиссёр: Дэвид Йейтс
Производство: Великобритания, США
 2009 год

Для кого-то дети — это цветы жизни, а для других — способ зарабатывания денег. Когда они чего-то жаждут — будь то новая игрушка, модная книжка или билет в кино, — одного недовольного взгляда любимого чада, порой, бывает достаточно для поступка, который при ином раскладе требовал бы часовых усилий опытного афериста или ловкости рук сверхопытного карманника: открываются потаенные закрома самых скупых на жертвоприношения увесистых бумажников, и денежные купюры меняют владельца. Голливудские продюсеры мигом смекнули, что детский плач и суровый взгляд, адресованный родителю, — это гарант чистой прибыли, почище юношеской красоты симпатичных кинозвезд, самое дорогое золотое обеспечение, защищенное от всех катаклизмов и финансовых кризисов.

Вдвойне грустно, когда такая золотая жила используется бездумно, а сами дети воспринимаются только в качестве отмычки, готовой обеспечить создателям прямой путь к капиталам их родителей. Как вы уже поняли, далее речь пойдет о самой бриллиантовой из отмычек для всех родителей нашей маленькой планеты — очередной инкарнации киносерии о Гарри Поттере.

Киношный Гарри Поттер родился с платиновой ложкой во рту: залогом его кассовости изначально выступали миллионы маленьких поклонников по всему миру. Для фанатов кнужного сериала экранизации их любимых произведений подобны невкусному кактусу, который со стенами, со слезами в подушку, необходимо доест до конца. Каждый экземпляр проданной по миру книжки о мальчике с большой соевой, был сосчитан с плоскинской

дотошностью, занесен в дебет и умножен, как минимум, второе (кино для семейного просмотра), после чего у жадных продюсерских ручек появился прекрасный повод потереться друг о друга: эта «прелесть» принесет свои сверхприбыли в любом случае.

Однако в последние годы в этой аксиоме отчетливо наблюдается нездоровая тенденция поскорее прирезать птичку, до того как она разродится своим финальным яичком, выполненным из самого ценного металла. До сих пор непонятно, какими соображениями руководствовало начальство «Уорнер Бразерс», когда из длинной очереди способных постановщиков, желающих приобщиться к экранизации фэнтезийного культа для детей, вдруг решил передать карт-бланш на последние фильмы в руки безвестного режиссера Дэвида Йетса. Сорокалетний британский постановщик, имевший до этого в портфолио лишь несколько сериалов, снятых для ВВС, и сотни миллионов бюджета, высокотехнологичные спецэффекты, мощный актерский состав, богатый на десяток громких актерских имен, толпы фанатов... Назревал форменный боксерский поединок, на который впору было делать ставки по принципу: кто кого уложит и в каком раунде.

Увы, чуда не произошло, и бой Йетса с бюджетом и логической последовательностью событий в одноименном произведении, закончился для Йетса сокрушительным нокаутом. Вышедший в 2007 году «Гарри Поттер и орден Феникса» предлагал зрителю развлечение лишь для наиболее терпеливых и сильных духом поклонников творчества Джоан Роулинг. Хрупкую и невесомую книжную логику, связывающую эпизоды, грубо вырвали из каркаса самого произведения, согнули в бараний рог, а затем – заново насадили на него перемешанные в случайном порядке сцены из романа. Большую часть из них стыдливо смели под ковер, при этом разумно посчитав: кому сильно надо, прочтает книжку. Однако, несмотря на то, что фильм признали худшим в серии, кассовые сборы по инерции привычно чуть не перевалили за миллиард долларов, что лишний раз продемонстрировало голливудским продюсерам, будто для достижения огромных сборов совсем не обязательно чутко лелеять литературный первоисточник.

И вот, под звуки фанфар из рук того же «эскулапа» на сцену выбегает новый Гарри Поттер. Но Боже – что стало с его походкой? Почему он все время радостно подпрыгивает? Кто и зачем нарисовал у него на лице идиотскую романтическую улыбку? И почему герой с дурацкими шуточками постоянно лезет ко всем особям противоположного пола с поцелуями? Парадокс, но постепенное взросление книжной серии у кудесника Йетса оборачивается взрослением иного рода, и мрачный готический Хогвартс засиял на экране розовым оттенком типичного студенческого общежития в пору Дня Святого Валентина. Жанр подросткового фэнтези, очевидно, по дороге отстал от вожделенной экранизации, и вместо него на встречу со зрителями отправилась чуть ли не стопроцентная романтическая комедия. Что ни персонаж – то очередная симфония для бушующего в теле гормона с оркестром, что ни реплика – все об одном, о главном.

Правда, здорово?

Единственные, кому нечего ловить на этом празднике жизни, это поклонники литературного творчества Джоан Роулинг. Бывало, сядут со своим толстым томом перед экраном и давай нудить: а почему на экране это – так, а то – эдак? Ну не понимают люди, что режиссер – всему голова, и ему виднее. Взяв одну из самых мрачных книг сериала, Йетс сделал из нее фактически самую дорогую, стоимостью 250 миллионов, романтическую комедию в истории. Бал правят Чувства, Любофф, а всякие мрачные и пугающие события, вроде трагической смерти ключевых персонажей, происходят мимолетно и не могут испортить легкой атмосферы на этом празднике жизни!

Сюжетные линии романа отправились лесом, долго звали на помощь и в итоге безнадежно отстали от экранизации. Немногим из них удалось пережить встречу с Большими Редакторскими Ножницами сценариста Стивена Клоууса. Доходит до анекдота: линия поисков Принца-Полукровки, благодаря которым фильм получил свое название, доковыляла до зрителя смертельно раненным инвалидом, которому чудом удалось пережить нападение романтически настроенных подростков. В свете вышеизложенного название фильма выглядит неуместным и требует немедленной замены. Хотя бы на более актуальное: «Гарри Поттер и волшебный гормон».

Об актерах, задействованных на съемках «Принца-полукровки», можно написать эпическую поэму: куда ни шагни, обязательно наступишь на ветеранов британской театральной сцены, участников труппы королевского Шекспировского Театра, на худой конец – на парочку рыцарей Британской Короны. Как имея на руках такую россыпь драматических талантов, вроде Алана Рикмана, Джима Бродбента, Дэвида Тьюлиса, Хелену Бонэм Картер, Тимоти Сполла, Майкла Гэмбона, можно ухитриться их столь невзрачно перетасовать, практически не дав никому из них ни единого шанса блеснуть харизмой? И виновата в этом отнюдь не книга. В ней, несмотря на очевидную слабость литературного текста, все-таки нашлось место и для мрачной атмосферы, рассуждений на темы жизни и смерти, да и самого драматического эпизода за всю историю саги о Мальчике-Который-Выжил. Однако в экранизации вы этого не увидите. Мрачность, проявляющаяся исключительно в визуальном ряде картины – в грязновато-сером цветовом фильтре, тучах и пасмурной погоде, оказывается совершенно оторванной от того, что творится на экране.

Содержание от Дэвида Йетса и Стивена Клоууса и экранный визуальный ряд, напоминающий книгу, на деле уживаются примерно так же, как две ноги одного танцора, когда правая пытается каблучком выделывать типичный твист, а левой более оказываются по душе бальные танцы. Итог предсказуем, и в роли несчастного, не дружащего с собственными конечностями, выступает сам Дэвид Йетс. Даже потенциально трагическая сцена расставания с любимым Наставником после всей этой романтической патоки смотрится очень пресно и заставляет не спереживать героям, а лишь сконфуженно отводить глаза. Словно крыловские Лебедь, Рак и Щука, роман, сценарий и постановка тянут несчастного «Гаррика» в разные стороны от романтической комедии, фэнтезийного блокбастера и мрачной сказки на тему подросткового

взросления. А итог по любому из направлений оказывается слишком незначительным. Компания «Уорнер Бразерс» уже второй раз позволяет себе безбожно спекулировать на слабостях несчастных родителей. Зрителям подсовывают на редкость эклектичную смесь, в которой единственным несомненным достоинством является ее «золотонесущее» название. Собрав внушительный оркестр из актерских имен, производственного бюджета и спецэффектов, продюсеры вновь поручили его заботам режиссера, основная задача которого – заставить этот оркестр сыграть марш, «Калинку» и «Девятую симфонию Бетховена», причем одновременно. В результате зритель сперва недоумевает, а потом скучает и медленно тянется к выходу, приговаривая на ходу своему разревевшемуся чаду: «Не плачь, малыш. Может быть, в следующий раз получится».

Ой ли? Несмотря на полное разочарование, кассовые сборы нового «Гаррика» уже приближаются к заветному миллиарду. А если подсчитать еще и прибыли с DVD?! Какой смысл стараться, напрягаться и выводить в воздухе немислимые пируэты, когда весь залог успеха заключается в двух магических словах – «Гарри Поттер»? Вполне очевидно, что уже через пару лет нам подадут свежую «кактусятинку». Мужайтесь!

СЕРГЕЙ ЛАПАЧ, СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

«ЗВЁЗДНЫЙ МОСТ» – НОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Конвентам, как и людям, периодически нужно встряхиваться и начинать новую жизнь. «Звёздный Мост» – не исключение. Если сравнить «ЗМ-2009» и, например, «ЗМ-2005», понимаешь, что это конвенты совершенно разного формата. Изменения происходили постепенно, но в этом году, с началом нового десятилетия, накопилась критическая масса и переход, в основном, завершился.

Этому процессу, скорее всего, способствовали два фактора. Во-первых, политические и экономические трудности. А во-вторых, определенное неудовлетворение метров фестивальной формой, уже несколько лет прорывавшееся в высказываниях о вырождении смысловой составляющей конвента.

Ранее «ЗМ» был в значительной степени направлен **наружу**, являясь в значительной степени городским мероприятием, а не конвентом в традиционном понимании. На фоне развлекательно-завлекательных мероприятий собственно рабочая часть несколько терялась. Рабочим был фактически один день из трех с половиной. Это имело свои положительные стороны в виде пропаганды фантастики и писателей-фантастов, но расслабляло самих участников, порождая среди определённой их части постоянно растущие ожидания «хлеба и зрелищ».

В этом году рабочими были два дня из трех. Рабочие мероприятия стали превалировать над развлекательными. Из числа «больших развлечух» исчезли концерт при закрытии, фейерверк и соревнования по пейнтболу. Вместе с тем освещалось событие вполне достаточно, и население Харькова было хорошо информировано о конвенте. Надо сказать, что нам, да и практически всем, с кем мы общались, новый формат понравился.

Участников в этом году было меньше, чем обычно. По сравнению с прошлым годом – раза в полтора. Жаль, конечно, что не довелось увидеть некоторых людей, с которыми, обычно, пересекаешься только на «ЗМ», но, с другой стороны, удалось тесней пообщаться с

Вестибюль отеля «Киевский» |

| Открытие «ЗМ». Сценка о тяжёлой жизни молодого писателя-фантаста

людьми, обычно труднодоступными из-за большого числа жаждущих общения. И даже поговорить о литературе!

Изменилось место проживания основного количества иногородних участников. На этот раз мы жили в отеле «Киевский», расположенном в десяти минутах ходьбы от места проведения основных мероприятий. Отель подготовился к фестивалю серьёзно. Холл и вход были украшены тематическими изображениями. Оформление обеденных залов тоже носило тематический характер, и соответствовало названию зала. Мы, например, обедали в зале «Нарния», а утренний шведский стол проходил в зале «Средиземье». Специально к фестивалю были распечатаны особые планы отеля. Сервис был ненавязчивым в лучшем смысле этого слова – персонал не бросался в глаза, но при необходимости легко обнаруживался именно там, где должен был находиться. Впрочем, необходимости такой у нас так и не возникло, поскольку всё необходимое оказывалось в надлежащее время на надлежащих местах.

Кстати, некоторые фестивальные мероприятия, например, фуршет и интеллектуальная игра, проводились непосредственно в отеле. Это удобно для участников и приближает формат «ЗМ» к формату Евроконов. Единственный недостаток нового места дислокации – более высокая, чем в прежних местах, стоимость проживания, но поскольку платишь сразу, то очень быстро о нём забываешь.

Открытие фестиваля традиционно прошло во Дворце Студентов Юракадемии, и сопровождалось традиционным же концертом, который, однако, в этот раз отличался большим, чем прежде, единством замысла. Режиссёр явно учёл опыт прежних лет. Жаль, что в следующем году, его, согласно слухам, сменил кто-то новый, неопытный.

На заседании литературной секции «Второй блин» в пятницу утром прозвучало пять докладов, из которых стоит отметить два: Владимира Пузия «Хотеть то, чего нет» и Станислава Бескаравайного «Оценка путей футурологического вмешательства».

Владимир Пузий обратил внимание на измельчание интересов фэндомов и спорил с известным тезисом «литература – обязательно о людях». Фанта-

стика пишет не обязательно о людях, но всегда для людей. При этом она помогает понять, что такое чужая точка зрения. Доклад планируется напечатать в одном из российских журналов, после чего, как мы надеемся, с ним можно будет ознакомиться в сети.

Станислав Бескаравайный составил формальное описание пространства возможных вмешательств из будущего. Поскольку оно перекрывает все возможные варианты, то может быть использовано для конструирования новых произведений. Кайл Иторр заметил, что схема не учитывает свойств времени и привел три примера из классической фантастики. Ещё один пример был приведен одним из авторов данной статьи. Докладчик, однако, показал, что эти свойства исчерпывающе описываются в его схеме. Возможно, авторам романов про «попаданцев» стоило бы присмотреться к этому докладу.

После обеда блистали «Олди и компания». Олди прочитали очередной доклад для молодых авторов «Верю – не верю, или Достоверность как её нет...». Молодых авторов, коих в прежние годы набивалась полная аудитория, причём некоторые, стремясь уловить каждое слово метров, едва не выпадали на головы сидящих впереди, в этот раз было поменьше. То ли постарели, то ли решили, что превзошли уже все премудрости писательского ремесла. Впрочем, аудитория всё равно была полна, и пришедшие получили свою долю кайфа. Особенно когда Олег Ладыженский, работая на разогреве у Евгения Лукина, решил потешить собравшихся художественным чтением. На этот раз прозы. Теперь его на следующих «ЗМ» не будут выпускать из

аудитории, пока не прочитает какого-нибудь нового рассказа, а то и двухтрёх. На этот раз Олега спасло появление Лукина, который и завершил пятничную программу.

Кстати, два из трёх прочитанных рассказов будут опубликованы в «РФ».

Из других пятничных мероприятий стоит отметить заседание объединённой альтернативной истории и боевых искусств. Из прочитанных на секции

Будущая обладательница «Серебряного Кадуцея» Наталья Шерба трубит сигнал открытия «Звёздного Моста» – 2009

Григорий Панченко привлёк внимание публики не только традиционным изобилием оружия, но и собачкой, названной им Ван Зайчиком в честь любимого евроазиатского писателя.

пяти докладов хочется отметить опять же два: Андрея Валентинова «Абсолютное преимущество, или Метод лорда Польмерстона» и Григория Панченко «Заплечных дел мастерская» («Машины для казни» в реальности и фантастике).

Андрей Валентинов осудил авторов произведений, которые для построения альтернативки с помощью «попаданцев» перетаскивают в прошлое технологии и пр., обеспечивая совершенно неинтересное сверхпреимущество, и привел ряд примеров с разбором указанного тезиса. Затем докладчик предложил вариант победы России в русско-японской войне с помощью одного-единственного «попаданца», ко-

торый, однако, должен вселиться в Николая II. Он должен всего лишь произвести определённые персональные замены и превентивные политические реформы, а также использовать кадровые войска из западных губерний. Доклад, возможно, будет напечатан в «РФ».

Григорий Панченко очень подробно, со знанием дела, описывал развитие технологии казни (отрубание головы и повешение). Доклад иллюстрировался картинками на высоко поднятом ноутбуке. Некоторые из картинок были даже видны. Этот доклад тоже хотелось бы увидеть напечатанным.

Суббота на «ЗМ» в этом году выдалась рабочей. Естественно не полный рабочий день, лишь до обеда, поэтому пятничные дообеденный Валентинов и послеобеденные Олди объединились и выдали совместное Валентинов-Олди-шоу. Назывался субботний доклад «Мужество похвалы», а само мероприятие семинар-диспут.

Здесь, в отличие от многих других мероприятий, фантастику хвалили, заметив, что как уровень науки не определяется количеством плохих ученых, так и... Было отмечено, что «боллитра» в настоящее время поражена чернухой и мелкотемьем, а вот фантастика ближе к читателю, её героев отличает активная жизненная позиция, и только в фантастике сохранилась эпопея. Приводя высказывание Славниковой, что произведение – это

диалог мироздание-писатель, где читатель третий лишний, докладчики настаивали, что читатель тоже часть мироздания.

Доклад вызвал бурное обсуждение, закончившееся развеселившим присутствующих выступлением студентки Юракадемии, грудью вставшей на защиту чернухи. Переубедить ее не удалось, но фантасты после доклада воспряли духом и исполнились осознания важности своей миссии. Ведь только в нашем гетто сохраняются островки веры в разум и более-менее светлое будущее (на худой конец – прошлое)!

Закрытие «ЗМ» в этом году происходило не во Дворце Студентов Юракадемии, а в актовом зале главного корпуса ХНУ. И носило чисто деловой характер – всем заслужившим раздали кадучеи и другие призы, после чего метры и лауреаты отправились на пресс-конференцию, а все остальные – нагуливать аппетит перед банкетом. Банкет мы, пожалуй, описывать не станем, используя оставшееся место для пары случаев.

В книжном магазине «Books» к нам пристала некая женщина, которая знала, что фантасты добывают философский камень, и требовала у нас открыть технологию его получения для личных целительских надобностей. Буквально через полчаса Святослав Логинов в весьма увлекательной обещанной лекции рассказал нам о философском камне в алхимии. А на закрытии он же этот камень получил. Воистину, с этим философским камнем лучше не шутить!

В том же книжном магазине мы повстречались с библиотекарем из ХАИ. Она спросила у нас совета относительно новинок фантастики, которые стоит приобрести для библиотеки, и порадовала тем, что студенты ХАИ, оказывается, читают много фантастики и даже, вполне добровольно, «Сумму технологий» Лема! Возможно, в этом есть немалая заслуга «Звёздного моста».

На этом, пожалуй, закончим наш отчёт и начнём с нетерпением ожидать следующего года. Да здравствует ЗМ-2010!

(фото Сергея Пальцуна)

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ХАРЬКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2009»

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ

(вручаются по результатам голосования участников фестиваля):

номинация «циклы, сериалы и романы с продолжениями»:

1 место («Золотой Кадуцей»): Ольга Громыко (Минск) за книгу «Год Крысы. Видунья» (1-я книга романа).

2 место («Серебряный Кадуцей»): Марина и Сергей Дяченко (Киев) за книгу «У зла нет власти» (завершающая книга трилогии «Ключ от Королевства»).

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Ян Валетов (Днепропетровск) за книгу «Школа негодяев» (продолжение цикла, начатого книгами «Ничья земля», «Дети капища» и «Дураки и герои»).

номинация «крупная форма» (романы):

1 место («Золотой Кадуцей»): Сергей Лукьяненко (Москва) за книгу «Недотепа».

2 место («Серебряный Кадуцей»): Мария Галина (Москва) за книгу «Малая Глуша».

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Александр Громов (Москва) за книгу «Шанс для динозавра».

номинация «дебютные книги»:

1 место («Золотой Кадуцей»): Карина Шаинян за книгу «Жизнь чудовищ» (книга написана в соавторстве с Дмитрием Колоданом, но дебютант – только Карина Шаинян).

2 место («Серебряный Кадуцей»): Наталья Щерба за книгу «Быть ведьмой».

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Виталий Обедин за книгу «Дикий Талант» (книга написана в соавторстве с Шимуном Врочекком, но дебютант – только Виталий Обедин).

(Лауреаты первых премий «Звездного Моста-2009» в этих номинациях, а также лауреат премии «Философский камень» получили в придачу к кадуцеям и дипломам фестиваля отдельные призы от спонсора фестиваля «Звездный Мост» – торговой марки «Ахмад-чай».)

номинация «критика, публицистика и литературоведение»

(премия вручается по результатам голосования профессионального жюри):

1 место: Глеб Елисеев и Сергей Шикарев за статью «Terra Incognita и Terra Fantastica».

2 место: Владимир Ларионов за книгу «Беседы с фантастами. Интервью разных лет» (фотоальбом).

3 место: Ольга Чигиринская за статью «Проблема жанра» относительно фантастики».

«АВТОРИТАРНЫЕ» ПРЕМИИ

(вручаются по решению их учредителей):

Гран-при от Харьковского института чудаков («Философский камень») вручили Святославу Логинову (Санкт-Петербург) – за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

Премией харьковской областной государственной администрации был отмечен Игорь Черный, писатель-харьковчанин – за достойное представление родного города в фантастической литературе.

Премия «харьковский дракон» (вручается многократным лауреатам «Звездного Моста») досталось Сергею Лукьяненко (Москва), Ольге Громыко (Минск), Дмитрию Байкалову и Андрею Синецину (Москва).

Премией творческой мастерской «второй блин» отмечен Фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» (Крым, п.г.т. Партенит) – за фантастический Партенит!

Приз от харьковской ювелирной фабрики достался Оксане Панкеевой (Никополь) – за полет фантазии.

Призы от харьковской фирмы «карнеол» – «братьям-фестивалям» (электронные навигаторы с картами – чтоб не забывали дорогу на «Звездный Мост»!) получили Фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» (Крым, п.г.т. Партенит); Конференция по вопросам фантастики «РосКон» (Москва); Ассамблея «Портал» (Киев).

Еще две медали 10-го (юбилейного) фестиваля «Звездный мост» нашли своих обладателей, которые не смогли приехать на предыдущий фестиваль, но приняли участие в «ЗМ-2009». Это – Сергей Лукьяненко и Владимир Васильев.

OPUS MIXTUM

Их премии

Премия Роберта Э. Хайнлайна за 2009 год вручена Джо Холдеману и Джону Варли. Напомним, что по статуту награда присуждается за «выдающиеся фантастические и научные работы, которые вдохновляют людей на исследования космоса». Что сказать – лауреаты награждены заслуженно. Поздравляем!

Премию «Грандмастер Spectrum», также присуждаемую за выдающиеся заслуги в области фантастики – но не литературы, а изобразительного искусства, – получил Ричард Корбен, наиболее известный своей работой в сфере комиксов.

Канадскую фантастическую премию «Sunburst» разбили на две номинации – «взрослая» и «подростковая» литература. В первой из них отмечена «Гаргулья» Эндрю Дэвидсона, во второй – «Младший брат» Кори Доктору. Приятно, что первый роман уже опубликован на русском, а второй переведен и находится в производстве («АСТ»).

А еще в конце октября начался WorldFantasyCon, на котором вручали Всемирную премию фэнтези... но это уже новости ноября.

Новинки издательств

В серии «Интеллектуальный бестселлер. Читает весь мир» («Эксмо» – «Домино») появился роман Джона Краули «Дэмономания» – третий том тетралогии «Эгипет». Читатели наконец-то смогут узнать о том, каким был конец света в Америке конца 1970-х годов, и причем тут Джон Ди и Джордано Бруно.

После того, как читатели долго ворчали по поводу качества перевода книг Нила Геймана, издательство «АСТ» неожиданно прислушалось к гласу народа и выпустило новую русскую версию «Американских богов» в переводе В. Михайлина и Е. Решетниковой. Издание снабжено подробными комментариями, а что до перевода, то и коллеги-профессионалы, и читатели-любители о нем уже спорят. Наверное, это неплохо.

Издательство «Вече» открыло очень перспективную серию «Мастера мистической прозы» сборником Уильяма Хоупа Ходжсона (1877-1918) «Карнакки – охотник за привидениями» и сравнительно недавним романом Джона Уитборна «Рим, папы и призраки». Надеемся, что серия продолжится обещанными томами классиков фантастики начала XX века, о которых наши издатели вспоминать не очень-то любят. Известно, что впереди (тьфу-тьфу-тьфу) – первая русская публикация классического романа Ходжсона «Ночная Земля».

Сборник Ричарда Матесона «Тени и призраки» украсил серию «чувствительной прозы» «Мона Лиза» («Эксмо» – «Домино»). В книгу входят романы «Призраки» (1982) и «Смертельный номер» (1995).

В серии «Книга-загадка, книга-мистика» («Эксмо» – «Домино») вышло переиздание романа Клайва Баркера «Имаджика», два тома которого называются «Пятый доминион» и «Гибель богов». Оформление традиционно стильное, содержание – хорошо знакомое поклонникам этого многогранного писателя.

В той же серии опубликован роман молодой американской писательницы Лилит Сэйткроу «Контракт с дьяволом»: близкое будущее, некромантшанеиник и задание от самого Дьявола. Первая книга цикла.

Серия «Век Дракона» («АСТ») пополнилась романом Дэвида Кека «Пора предательства». Это вторая часть трилогии в жанре фэнтези, начатой романом «Небесное Око» (третья книга еще не дописана автором). А третья часть трилогии «Тамирская триада» Линн Флелеллинг опубликована в серии «Мастера меча и магии» («Эксмо» – «Домино»); роман называется «Возвращение королевы». Нет, не короля, а королевы. В той же серии вышел роман Моргана Хауэлла «Собственность короля» – первая часть трилогии «Королева орков». И тут без Толкина не обошлось...

«Азбука-классика» вне всяких серий опубликовала роман англичанки Ф. Э. Хиггинс «Черная книга секретов». Судя по аннотациям и отзывам, это подростковая фантастика в духе старой доброй викторианской эпохи. «Тайный огонь» – дебютный роман еще одного английского детского писателя Джонатана Страуда – вышел в серии «Люди против магов» («Эксмо» – «Домино»).

Поклонники классической фантастики внимательно следят за серией «Отцы-основатели» («Эксмо»). В ней вышел двухтомник «Путь короля» – известная трилогия, написанная Гарри Гаррисоном в соавторстве с Джоном Холмом. В серии-спутнике «Отцы-основатели: Русское пространство» началась публикация самого полного на сегодняшний день собрания сочинений Александра Беляева. В первые два тома вошли такие известные произведения, как «Властелин мира», «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Человек-амфибия» (с главой из журнального варианта), «Продавец воздуха», «Человек, потерявший лицо» и другие.

В серии «Военно-историческая фантастика» («Яуза» – «Эксмо») вышла составленная Григорием Панченко антология «Иду на мы! Дранг нах...». В нее входят произведения авторов, хорошо известных читателям «РФ» – Даниэля Клугера, Федора Чешко, Алексея Бессонова, Майка Гелприна, Александра Сивинских, Владимира Сержина, Андрея Валентинова, Федора Берзина и самого составителя.

А в серии тех же издательств «Войны завтрашнего дня» появилась еще одна антология – «2034. Война на костях» (составитель Сергей Чекмаев). И ее авторы в особом представлении не нуждаются: Александр Бачило, Яна Дубинянская, Иван Наумов, Татьяна Томах, Юрий Бурносков, Лора Андропова.

Издательство «Армада – Альфа-книга» выпустило внецикловую книгу Андрея Беянина «Лана», которая в аннотации характеризуется как «мистико-философский роман... книга-религия, книга-судьба...» Не путать с «Дикой энергией»!

Кирилл Бенедиктов неожиданно оказался в числе деятелей на ниве межавторского проекта «Этногенез» («АСТ» – «Популярная литература» – «Этногенез»), напечатав первую книгу романа «Блокада», которая носит яркое название «Охота на демона». Бог в помощь.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 10 (74), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» –
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (032) 295-64-10,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж – 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)

факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.
За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.